

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (54)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Москва, Россия
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Москва, Россия
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор,
заместитель председателя академик РАО, первый проректор МГПУ, Москва, Россия
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент,
заместитель председателя проректор по учебной работе МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор,
главный редактор член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Москва, Россия
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор департамента
заместитель истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
главного редактора
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента
истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор
Университета Талса, Александрия, Вирджиния, США
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор департамента
истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Вишняков Я. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия
- Гагкуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории
России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан
- Иванов А. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
новейшей истории России Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института
гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского
филиала МГПУ, Самара, Россия

- Копелев Д. Н.* доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
- Мальшева О. Г.* доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Матвеев Г. Ф.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Михайловский Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МГПУ, Москва, Россия
- Николаев А. Б.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
- Орлов С. В.* кандидат экономических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Пазин Р. В.* кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Москва, Россия
- Рокки Э. К.* магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.* кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Селезнев Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
- Сорокин А. А.* кандидат педагогических наук, доцент, начальник департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Токарева Е. А.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Черникова Т. В.* доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Сорокин А. А.</i> Система выборов по Городовому положению 1892 г. в оценках провинциальной периодической печати.....	6
<i>Рокки Э. К.</i> Победы и поражения политического терроризма в Российской империи	18
<i>Ковалева Е. О.</i> «Президент Почаевской республики». Архимандрит Виталий (Максименко) глазами современников	31
<i>Иванов А. А.</i> «Мы сами интеллигенты»: отношение лидеров русских правых партий начала XX в. к российской интеллигенции.....	46
<i>Омельячук И. В.</i> Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в.	60
<i>Лобов М. Н.</i> Борьба Владимирского губернского временного исполнительного комитета с контрреволюционными элементами в марте – октябре 1917 г.	80
<i>Местковский Д. А.</i> Внутрипартийная борьба в партии эсеров по вопросу о вхождении ее представителей в правительственную коалицию в 1917 г.	93

Новейшая история России

<i>Тулянов В. А.</i> Законодательство СССР и РСФСР о религиозных организациях: к вопросу о демократизации положения Русской православной церкви в годы перестройки	109
--	-----

Всеобщая история

<i>Худавердян А. Ю.</i> Палеодемография населения Армении в эпоху поздней бронзы и раннего железного века (по материалам памятников провинции Лори).....	125
<i>Радченко М. Л.</i> К вопросу о рассмотрении эпистолярного наследия Либания в отечественной историографии	151
<i>Крылова Ю. П.</i> Королева путешествует молча? Особенности описания передвижения королевских персон в конце Средних веков.....	166

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Сорокин А. А., Селезнев Ф. А.</i> Авторитетное продолжающееся издание, посвященное изучению проблем революции 1917 г.	180
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки»,

2024, № 2 (54).....	190
Требования к оформлению статей.....	193

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Sorokin A. A.* The electoral system according to the City Regulation of 1892 in the estimates of the provincial periodical press6
- Rocchi A. C.* Victories and defeats of political terrorism in the Russian Empire18
- Kovaleva E. O.* “President of the Pochaev Republic”. Archimandrite Vitaly (Maksimenco) through the eyes of his contemporaries31
- Ivanov A. A.* “We are intellectuals ourselves”: the attitude of the leaders of the Russian right-wing parties of the early twentieth century to the Russian intelligentsia46
- Omelyanchuk I. V.* Monarchists’ views on russian-german relations at the beginning of the XX century60
- Lobov M. N.* The fight of the Vladimir provisional Temporary executive committee with counter-revolutionary elements in March – October 191780
- Mestkovsky D. A.* Internal party struggle in the Socialist Revolutionary Party on the issue of its representatives joining the government coalition in 191793

Modern History of Russia

- Tulyanov V. A.* Legislation of the USSR and the RSFSR on religious Organizations: on the issue of democratization of the position of the Russian Orthodox Church during the years of perestroika109

General History

- Khudaverdyan A. Yu.* Paleodemography of Armenia’s population in late Bronze and early Iron ages (the monuments of the Lori province case study).....125
- Radchenko M. L.* On the issue of considering the epistolary heritage of Libanius in Russian historiography151
- Krylova Yu. P.* Does the queen travel in silence? Peculiarities of royal personages’ progress in the late Middle Ages166

Criticism. Reviews. Publicism

- Sorokin A. A., Seleznev F. A.* An authoritative ongoing publication devoted to the study of the problems of the 1917 revolution.....180

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

- 2024, № 2 (54).....190

- Requirements for the Style of Articles193

Научная статья

УДК 93/94 + 324 + 323.2

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.01

Сорокин Александр Анатольевич

кандидат исторических наук

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

skaliger1989@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1710-0801

СИСТЕМА ВЫБОРОВ ПО ГОРОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1892 г. В ОЦЕНКАХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. В статье на материалах частной провинциальной периодической печати впервые исследуются оценки, данные общественностью изменениям в городской избирательной системе по Городовому положению 1892 г. Показывается отношение редакций провинциальных газет к проблеме необходимости обновления законодательства о проведении городских выборов. Выделяются основные нормы Городового положения 1892 г., которые получили положительные оценки: сокращение количества избирателей; введение упрощенного самоуправления; изменение порядка предоставления доверенностей для участия в выборах от женщин; отказ от деления избирателей на разряды; возможность проведения участковых выборов. Рассматривается проблема еврейского вопроса в городской избирательной системе, и дается ее оценка со стороны изданий из регионов со значительным количеством еврейского населения. Показана проблема отношения к имущественному цензу как основе избирательного права, связанная с тем, что законодательством при этом не учитывались личные и деловые качества избирателей, а также их образовательный ценз. Дается характеристика дискуссий о предоставлении избирательных прав квартиронанимателям, связанных ожиданиями провинциальной общественности, касающимися расширения числа избирателей за счет представителей интеллигенции, не имевших крупной собственности, но заинтересованных в участии в городском самоуправлении и обладавших необходимыми для этого профессиональными качествами.

Ключевые слова: Городовое положение 1892 г., городские выборы, городское самоуправление, избирательное право, имущественный ценз, евреи, общественное мнение.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00035; <https://rscf.ru/project/22-78-00035>

Для цитирования: Сорокин А. А. Система выборов по Городовому положению 1892 г. в оценках провинциальной периодической печати // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 6–17. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.01

Original article

UDC 93/94 + 324 + 323.2

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.01

Sorokin Alexander A.

Candidate of Historical Sciences

Lobachevsky University

Nizhny Novgorod, Russia

skaliger1989@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1710-0801

THE ELECTORAL SYSTEM ACCORDING TO THE CITY REGULATION OF 1892 IN THE ESTIMATES OF THE PROVINCIAL PERIODICAL PRESS

Abstract. The article, based on the materials of a private provincial periodical, for the first time examines the assessments given by the public to changes in the city electoral system according to the City Regulation of 1892. The attitude of the editorial offices of provincial newspapers to the problem of the need to update legislation on city elections is shown. The main norms of the City Regulation of 1892 are highlighted, which received positive assessments: a reduction in the number of voters, the introduction of simplified self-government, a change in the procedure for granting powers of attorney for women to participate in elections, the refusal to divide voters into categories, the possibility of holding precinct elections. The problem of the Jewish question in the city electoral system is considered and its assessment is given by publications from regions with a significant number of Jewish population. The problem of the attitude to property qualification as the basis of electoral law is shown, due to the fact that the legislation did not take into account the personal and business qualities of voters, as well as their educational qualification. The article describes the discussions on granting voting rights to apartment tenants, related to the expectations of the provincial public about expanding the number of voters at the expense of intellectuals who did not have large property, but were interested in participating in city government and possessed the necessary professional qualities.

Keywords: the City Regulation of 1892, city elections, city self-government, electoral law, property qualification, Jews, public opinion.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-78-00035; <https://rscf.ru/project/22-78-00035>

For citation: Sorokin A. A. The electoral system according to the City Regulation of 1892 in the estimates of the provincial periodical press // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 6–17. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.01

Введение. Новое Городовое положение 1892 г. (далее — Положение) сузило круг избирателей за счет лишения избирательных прав большинства лиц, составлявших третий разряд избирателей (приказчики, мелкие торговцы, промышленники, содержатели кабаков и ведерных лавок), а также купцов второй гильдии в столицах. Изменилась система определения количества гласных, число которых сокращалось. Отменялась система выборов по трем разрядам, и вводилась возможность проведения выборов по участкам.

По новому положению евреи лишались избирательных прав на выборах в гласные и на городские должности, за исключением территорий, на которых разрешалось постоянное проживание евреев (кроме Киева), но и в этом случае их избрание в гласные производилось особым порядком, а в общем числе гласных думы они не могли превышать одной десятой от состава.

Сужался круг лиц, которым женщины могли доверить свой голос. В маленьких городах вводилось упрощенное самоуправление. Изменения произошли и в механизме выборов: так, допускалась только закрытая подача головос посредством баллотировки шарами (вместо записок)¹. Эти нововведения в городской избирательной системе стали предметом широких дискуссий в общественных кругах, особенно в провинциальной периодической печати.

Собственно, сам вопрос о проведении так называемой городской контрреформы неоднократно становился предметом как советских² и российских³, так и зарубежных исследователей⁴. Вместе с тем общественная реакция на изменение городской избирательной системы остается малоизученной⁵,

¹ Высочайше утвержденное Городовое Положение // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XII. СПб., 1895. № 8708. С. 430–456.

² *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970; *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984.

³ *Борисов А. В.* Избирательный закон и организация системы выборов по Городовым положениям 1870 и 1892 годов // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 326–332; *Кускашев Д. В., Лукиных Ю. В.* Правовые основы контрреформы городского самоуправления 1892 г. // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6. С. 142–143; *Нардова В. А.* Самодержавие и городские думы в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994; *Писарькова Л. Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010.

⁴ *Hanchett W.* Tsarist statutory regulation of municipal government in the nineteenth century // *The city in Russian history* / ed. by M. F. Hamm. Lexington, 1976. P. 91–114; *Pintner W.* Reformability in the age of reform and counterreform, 1855–1894 // *Reform in Russia and the USSR: Past and prospects*. Urbana, 1989. P. 83–106; *Seton-Watson H.* The decline of imperial Russia, 1855–1914. Routledge, 2017; *Whelan H.* Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter-reform in late imperial Russia. New Brunswick, 1982. XII, 258 p.

⁵ Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в.: власть и общество / сост. В. А. Нардова, М. Н. Румынская. СПб., 2014; *Лен К. В.* Городское самоуправление после 1870 г. в общественно-политической полемике второй половины XIX –

а оценкам норм Городового положения 1892 г. в провинциальной периодической печати не было посвящено ни одной специальной работы, что и обуславливает научную ценность данного исследования.

В качестве источниковой базы для данной статьи выступили публикации в частных провинциальных периодических изданиях, многие из которых издавались и/или редактировались лицами, имевшими непосредственное отношение к институтам городского самоуправления (избиравшимися городскими гласными или участвовавшими в выборах, а также имевшими опыт службы на городских должностях).

Ход и результаты исследования. В целом оценки (как положительные, так и критические) на страницах провинциальных газет были связаны с такими составляющими новой системы выборов, как сужение числа избирателей, повышение цензовых требований, введение выборов по участкам, ограничение избирательных прав евреев.

«Саратовский листок» выразил свое отношение к нововведениям следующим образом: «Положение 1870-го г. не удовлетворяло никого: ни тех, кто отстаивал принципы самоуправления, ни тех, которые не могли примириться даже с мыслью о том, что в 1870 г. дали России такие же самоуправляющиеся городские единицы, о каких мечтала Екатерина II еще в 1785 году»⁶.

По мнению «Бессарабского вестника», обновление положения должно было обеспечить улучшение городского самоуправления за счет более жестких административно-надзорных мер по отношению к городским институтам⁷. Увеличение роли администрации в самоуправлении было воспринято, в отличие от столичных либеральных изданий, не в политическом, а в прагматическом ключе⁸.

Схожая позиция была и у печатавшегося в Харькове «Южного края», который издавал и редактировал А. А. Иозефович, сам являвшийся местным городским гласным. По мнению редакции, Положение 1892 г. сохранило основные начала Положения 1870 г., а сами нововведения были направлены на корректировку многочисленных недостатков городского самоуправления⁹.

начала XX в. // Идея государственности в истории политической мысли России. Барнаул, 1996. С. 83–90; *Плотникова Г. Н., Плотников С. Н.* Деятельность органов городского самоуправления Пермской губернии в последней четверти XIX в. (по материалам газеты «Екатеринбургская неделя») // Культурный код. 2022. № 2. С. 127–144; *Сорокин А. А.* Система городских выборов в России в конце XIX в.: критика в провинциальной периодической печати // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 1. С. 507–525; *Его же.* Частная провинциальная периодическая печать как источник по изучению городской избирательной системы России конца XIX в. // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Вып. 7 / сост. и науч. ред. А. А. Корнилов. Нижний Новгород, 2023. С. 221–225.

⁶ Саратовский листок. 1892. 5 августа.

⁷ Бессарабский вестник. 1892. 5 июня.

⁸ Там же. 24 июля.

⁹ Южный край. 1892. 22 июля.

Комплементарно высказалась редакция «Вольни», издаваемой в Житомире семьей протоиерея И. И. Коровицкого: «Старое и существующее не разрушается, а лишь только видоизменяется согласно обнаружившимся и требовавшим исправления недостаткам его, чем обеспечивается и дальнейший ход правильного развития, соответственно постоянно нарастающим новым условиям и требованиям жизни». В целом для газеты новое Положение было актом, призванным согласовать основы городского самоуправления с теми началами, которые легли в основу Положения о земских учреждениях 1890 г., а также итогом правоприменительной практики предыдущего Городового положения¹⁰.

В одесском «Новороссийском телеграфе» (редактор-издатель М. П. Озмидов неоднократно избирался гласным местной думы) прямо и резко было отмечено, что как земская, так и городская реформы «лишь отбрасывают все лишнее, наносное, не имевшее связи с условиями и духом русской общественной жизни». Новые же принципы законодательства, по мнению газеты, должны были закрепить связь самоуправления с этой жизнью¹¹. Подчеркивалось, что именно за счет единства городского самоуправления и губернской администрации возможно достижение развития городов и улучшение быта их жителей¹². Последний тезис разделял и «Воронежский телеграф»¹³.

В газете гласного Нижегородской городской думы С. И. Жукова «Волгарь», в свою очередь, констатировалось, что городское управление однозначно нуждалось в улучшении и «оживлении его дремлющих сил», однако вопрос был в том, какими средствами это осуществить. И выбранная правительством стратегия по ограничению самостоятельности городских институтов не встретила сочувствия: «Теперь это основное право общества быть у себя дома — полноправным хозяином — от него отходит в пользу правительственной власти»¹⁴. Но в этом обвинялись сами горожане, силами которых городское самоуправление и было дискредитировано как институт: «Холодность к общественному делу со стороны лучших людей, доходящая до полного забвения ими своих гражданских обязанностей... приводит к кормилу общественного управления те вредные элементы, от которых страдают интересы общества»¹⁵.

Однако в отдельных изданиях спустя несколько лет новое Положение получило еще более резкие оценки, чем предыдущее. Редакцией красноярского «Енисея» отмечалось, что до 1892 г. не было такой массовой критики городского самоуправления. По ее мнению, ограничение прав и усиление контроля со стороны администрации оказалось фактически безрезультатным, что, в свою очередь, позволяло делать вывод о необходимости проведения новой реформы¹⁶.

¹⁰ Вольнь. 1892. 21 июля.

¹¹ Новороссийский телеграф. 1892. 9 февраля.

¹² Там же. 25 июля.

¹³ Воронежский телеграф. 1892. 26 июля.

¹⁴ Волгарь. 1892. 18 июля.

¹⁵ Там же. 4 октября.

¹⁶ Енисей. 1902. 26 июля.

В отношении имущественного ценза существовали разногласия. Так, «Астраханский вестник» одобрял высокий имущественный ценз как устраняющий «черную сотню», т. е. мелких торговцев и приказчиков, которые «служили самым удобным контингентом для всякого рода интриганов и любителей городских общественных пирогов»¹⁷.

«Виленский вестник» констатировал факт отсутствия избирателя как личности: «Наше избирательное право в городских самоуправлениях всегда было построено как бы на том принципе, что не личность сама по себе дает право на представительство, а имущество, к которому личность служит только как бы дополнением или придатком». Подчеркивалось, что за счет этого избирательные права имеют даже несовершеннолетние (через своих представителей), в то время как их лишены «ученые и образованные лица», а также общества и учреждения, которые не имеют необходимого имущественного ценза»¹⁸.

По мнению редакции газеты, последовало продолжение этой линии и в новом Положении: «Никакие личные ваши качества не дают вам избирательного права, а только ставится *condition sine qua non* владение недвижимым имуществом. Следовательно, по-прежнему имущественное невежество имеет монополию права городского представительства»¹⁹.

Неприязненно к ликвидации дифференциации имущественного ценза²⁰ отнеся издаваемый в Томске «Сибирский вестник», разделявший точку зрения «Нового времени» о «косности и культурном убожестве домовладельческих дум». Поддерживала газета и идею о необходимости расширения круга избирателей за счет введения квартирного налога и наделения избирательными правами его плательщиков²¹.

Об этом же писал и издаваемый врачебным инспектором К. А. Раухом «Псковский городской листок». В нем отмечалось, что при подготовке нового Положения на избирательные права рассчитывали не имеющие имущественного ценза представители интеллигенции (администраторы, учителя, юристы, инженеры, священники и т. д.). Однако законодателем было сохранено положение, при котором указанные лица, будучи заинтересованными в благоустройстве города, не могут этому содействовать, находясь в плане своих политических прав «в полной кабале от усмотрения и доброй воли другого класса населения, который в сущности их эксплуатирует». Под эксплуататорами газета подразумевала домовладельцев и торговцев, фактически взявших благоустройство города «в откуп»²².

¹⁷ Астраханский вестник. 1892. 22 сентября.

¹⁸ Виленский вестник. 1892. 19 июля.

¹⁹ Там же.

²⁰ По Городовому положению 1870 г. размер имущественного ценза зависел от численности жителей города: чем меньше город, тем ниже был имущественный ценз. Положением 1892 г. эта дифференциация была отменена.

²¹ Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1892. 5 августа.

²² Псковский городской листок. 1892. 16 сентября.

Красноярский «Енисейский листок» также поддерживал необходимость введения избирательных прав квартиронанимателям, по крайней мере в средних и больших городах. Это объяснялось тем, что среди них довольно высок процент образованных лиц, которые могли бы способствовать улучшению городского самоуправления и которые были в этом заинтересованы²³.

В «Бессарабском вестнике» ценз по уплате квартирного налога, позволявший участвовать в городских выборах не только собственникам жилья (как это было по Городовому положению 1870 г.), но и квартиросъемщикам, рассматривался как инструмент для «изменения к лучшему состава городского представительства», чтобы оно стало действительно всесловным. Плательщики такого налога рассматривались как представители группы избирателей из числа интеллигенции, которая была в меньшинстве при существовавшей избирательной системе, в рамках которой значительное большинство избирателей и избираемых было представлено крупной и мелкой буржуазией, которая вовсе не составляла большинства городского населения²⁴.

«Саратовский дневник» также рассчитывал, что в новом Положении наряду с устранением отдельных категорий избирателей (в частности, торгово-промышленников, имеющих свидетельства на право мелочного торга, а также приказчиков) могли бы появиться и новые избиратели из числа нанимателей квартир²⁵.

Сужение круга избирателей в ряде изданий было воспринято позитивно. «Астраханский вестник» доказывал, что это осуществляется исключительно за счет «самых ненужных, лишних и бездеятельных лиц». В качестве аргументации приводился тот факт, что в Астрахани заседания посещала только требуемая для кворума треть состава думы²⁶. Тобольский «Сибирский листок» называл эту меру исправлением ошибки, которая должна была дать преимущество в новой избирательной системе не торговцам, а домовладельцам, в которых газета видела потенциал как в энергичных зачинателях городского благоустройства²⁷. «Волынь» одобряла исключение из числа избирателей содержателей винных и ведерных лавок и питейных домов. Эта позиция объяснялась низким образовательным цензом данной категории горожан, а также специфичностью их интересов в городском самоуправлении, которая накладывала отпечаток и на их участие в голосованиях по расходованию городского бюджета на нужды здравоохранения и образования²⁸.

«Таганрогский вестник» оперировал понятиями количества и качества, доказывая, что при уменьшении числа избирателей общественное влияние на самоуправление только усилится, а нежелательные элементы не смогут

²³ Енисейский листок. 1892. 16 августа.

²⁴ Бессарабский вестник. 1892. 27 июня.

²⁵ Саратовский дневник. 1892. 17 июля.

²⁶ Астраханский вестник. 1892. 22 сентября.

²⁷ Сибирский листок. 1892. 3 сентября.

²⁸ Волынь. 1892. 24 октября.

негативно влиять на дела городского хозяйства: «Ведь ни для кого же не тайна, что все зло нашего общественного самоуправления и заключалось до сих пор именно в контингенте наших “излюбленных” людей, которых мы посылали в думы и собрания поддерживать наши интересы, и которые, увы! очень редко оправдывали возлагаемые на них ожидания...»²⁹.

«Енисейский листок» также поддерживал сокращение круга избирателей за счет исключения из их числа так называемой черной сотни (лавочников, разносчиков, приказчиков и т. д.)³⁰. Однако спустя несколько лет редактор газеты Е. Ф. Кудрявцев уже изменил свою точку зрения. В издаваемой им под новым названием газете отмечалось, что следовало бы пойти навстречу ожиданиям общества в вопросе о расширении круга избирателей, и в этом отношении констатировалось: «Нам кажется даже, что возврат к городскому положению 1870 года был бы вполне своевременен в настоящее время...»³¹. Это обуславливалось тем, что власть, по мнению редакции газеты, отстранив «значительную массу» горожан от участия в самоуправлении, отдала управление городами в руки исключительно «коммерческого класса людей»³².

Положительно был воспринят отказ от деления на три разряда. Так, с точки зрения «Астраханского вестника», это делало выборы более конкурентными, поскольку уменьшалась фактически закрепленная Положением 1870 г. зависимость избрания от величины уплачиваемых налогов³³. Редакция «Енисейского листка» дала схожие оценки, отмечая, что тем самым отменяется искусственно созданный перевес богатых избирателей над бедными³⁴.

Выборы по участкам также получили позитивные оценки. В статье «К вопросу о новом городском положении» на страницах «Астраханского вестника» отмечалось, что они обеспечат порядок и «нравственную ответственность» за избрание гласных от участка, которой не могло быть при делении на разряды, когда число избирателей второго и третьего разрядов достигало нескольких тысяч³⁵. В схожем ключе высказался и редактор «Рижского вестника» Л. Н. Витвицкий, по мнению которого таким образом было бы проще избрать «действительно известных собрания и достойных лиц»³⁶.

Редакция «Енисейского листка» также оценила данное нововведение положительно, находя, что это позволит разбить избирателей на группы «ближе знакомых между собою лиц». При этом высказывалось опасение, что в ряде городов будет затруднительно осуществить деление на равные участки, а устранение самих дум от вмешательства в данный процесс не позволит привязать

²⁹ Самарский вестник объявлений. 1892. 29 июля.

³⁰ Енисейский листок. 1892. 16 августа.

³¹ Енисей. 1902. 26 июля.

³² Там же. 8 сентября.

³³ Астраханский вестник. 1892. 22 сентября.

³⁴ Енисейский листок. 1892. 16 августа.

³⁵ Астраханский вестник. 1892. 22 сентября.

³⁶ Рижский вестник. 1892. 22 сентября.

численность избираемых гласных от каждого участка «соответственно их значению для населения»³⁷. Позитивные оценки были даны и «Саратовским дневником», который находил это удачным решением при отмене разрядной системы избирателей³⁸.

Вместе с тем норма об участковых выборах являлась рекомендательной, и проведение выборов не по участкам на фоне общего сокращения числа избирателей могло напрямую влиять на состав дум. Так, в «Орловском вестнике» отмечалось, что в Самаре, где было принято решение провести выборы в одном избирательном собрании под предлогом ранее наблюдавшейся низкой явки, в таких условиях в состав думы оказалось бы практически невозможно провести представителей интеллигенции. Дело в том, что до 1892 г. они относились в большинстве своем к третьему разряду избирателей и на практике избиратели других разрядов их регулярно забаллотировывали. Это вызывало у газеты соответствующие опасения: «При такой избирательной системе легко может произойти то, что городское управление очутится в руках одних только купцов без участия даже более или менее состоятельной интеллигенции»³⁹.

Ограничение круга лиц, которым женщины могли доверить свои избирательные права, только родственниками было оценено положительно. «Рижский вестник» отмечал, что это в значительной мере сократит возможные махинации, влияющие на результат выборов «посредством массы доверенностей, выманиваемых всеми правдами и неправдами у малосведущих и незаинтересованных в общественных делах женщин»⁴⁰.

Позитивно воспринято было и введение упрощенного самоуправления. По мнению редакции «Южного края», эта мера должна была полностью удовлетворить потребности небольших городов, «недалеко ушедших от деревень», а также оградить их от неудобств, сопряженных с применением норм Городового положения, которые были рассчитаны на крупные торгово-промышленные центры⁴¹.

Что касается избирательных прав евреев, то, по мнению «Виленского вестника», Положение содержало противоречивые нормы, поскольку максимально возможное представительство гласных из числа евреев в черте еврейской оседлости было вдвое меньше, чем допускаемое в ст. 44 максимальное число гласных из нехристиан в составе городской думы⁴².

Однако не скрывавший своих националистических и антисемитских воззрений «Новороссийский телеграф» считал фактическое лишение евреев избирательных прав на городских выборах одним из центральных положений нового законодательного акта. Это объяснялось тем, что при существовавшей по Положению 1870 г. системе в черте еврейской оседлости русское население

³⁷ Енисейский листок. 1892. 16 августа.

³⁸ Саратовский дневник. 1892. 17 июля.

³⁹ Смоленский вестник. 1892. 30 сентября.

⁴⁰ Рижский вестник. 1892. 19 сентября.

⁴¹ Южный край. 1892. 22 июля.

⁴² Виленский вестник. 1892. 19 июля.

фактически не имело возможности противостоять евреям, действующим организованно и сплоченно, в органах городского самоуправления⁴³.

Поэтому редакция вышеупомянутой газеты с радостью отмечала, что евреи отныне в числе избирателей будут практически незаметны и не смогут оказать какого-то существенного влияния на избрание городских гласных⁴⁴. Солидарна с этой точкой зрения была и «Волынь». На страницах этой газеты особо было подчеркнуто, что в связи с нововведениями немногочисленные гласные из числа евреев не смогут опираться на поддержку избирательных собраний и будут вынуждены изменить свою политику⁴⁵.

Заключение. Таким образом, провинциальная периодическая печать в целом позитивно оценивала изменения, привнесенные в городскую избирательную систему по Городовому положению 1892 г. К моменту его принятия существовала консолидированная позиция, согласно которой институт городского самоуправления нуждался в улучшении. Соответственно, цель принятия нового Положения виделась в устранении недостатков, вскрывшихся за период многолетней практики применения норм Положения 1870 г.

Однако такой подход не означал одобрения всех изменений в системе городских выборов. С одной стороны, было одобрено уменьшение общего количества избирателей: одни издания исходили из того, что это приведет к усилению общественного влияния на самоуправление, а другие усматривали в этом реализацию «морального ценза», поскольку исключались из числа избирателей в основном представители сфер деятельности, не имевших высокого нравственного статуса (кабатчики и виноторговцы). С другой стороны, поднимался вопрос о том, что основу избирательного права по-прежнему составляет принцип владения недвижимостью, а не деловые качества. В связи с этим в ряде газет указывалось, что недостатком нового Положения стал отказ от предоставления избирательных прав квартиранимателям, к числу которых преимущественно и относились лица с определенным образовательным цензом.

Вместе с тем многие нововведения (проведение выборов по участкам, отказ от деления избирателей на разряды, введение упрощенного самоуправления, изменение порядка выдачи доверенностей от женщин) не вызывали дискуссии и оценивались положительно. Что касается вопроса об ограничении избирательных прав евреев, то здесь провинциальные издания были настроены позитивно; более того, этот вопрос для газет тех регионов, в которых евреи составляли значимый процент избирателей в рамках прежней избирательной системы, являлся одним из ключевых. Исключением является лишь позиция редакции «Виленского вестника», усмотревшей противоречия в нормах, трактующих порядок представительства от евреев и представительства от нехристиан в целом.

⁴³ Новороссийский телеграф. 1892. 17 июля.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Волынь. 1892. 22 июля.

Литература

1. Борисов А. В. Избирательный закон и организация системы выборов по Городовым положениям 1870 и 1892 годов // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 326–332.
2. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в.: власть и общество / сост. В. А. Нардова, М. Н. Румынская. СПб.: Лики, 2014. 568 с.
3. Зайончковский П. А. Русское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
4. Кускашев Д. В., Лукиных Ю. В. Правовые основы контрреформы городского самоуправления 1892 г. // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6. С. 142–143.
5. Лен К. В. Городское самоуправление после 1870 г. в общественно-политической полемике второй половины XIX – начала XX в. // Идея государственности в истории политической мысли России. Барнаул: Изд-во Алт. госуниверситета, 1996. С. 83–90.
6. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 260 с.
7. Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в конце XIX – начале XX века. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
8. Писарькова Л. Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2010. 752 с.
9. Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. Деятельность органов городского самоуправления Пермской губернии в последней четверти XIX в. (по материалам газеты «Екатеринбургская неделя») // Культурный код. 2022. № 2. С. 127–144.
10. Сорокин А. А. Система городских выборов в России в конце XIX в.: критика в провинциальной периодической печати // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 1. С. 507–525. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-507-525
11. Сорокин А. А. Частная провинциальная периодическая печать как источник по изучению городской избирательной системы России конца XIX в. // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Вып. 7 / сост. и науч. ред. А. А. Корнилов. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 221–225.
12. Hanchett W. Tsarist statutory regulation of municipal government in the nineteenth century // *The city in Russian history* / ed. by M. F. Hamm. Lexington, 1976. P. 91–114.
13. Pintner W. Reformability in the age of reform and counterreform, 1855–1894 // *Reform in Russia and the USSR: Past and prospects*. Urbana, 1989. P. 83–106.
14. Seton-Watson H. *The decline of imperial Russia, 1855–1914*. Routledge, 2017. 422 p.
15. Whelan H. *Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter-reform in late imperial Russia*. New Brunswick, 1982. XII, 258 p.

References

1. Borisov A. V. Izbiratel'nyi zakon i organizatsiia sistemy vyborov po Gorodovym polozheniiam 1870 i 1892 godov [Election law and organization of the electoral system according to the Urban regulations of 1870 and 1892] // *Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*. Humanities. 2011. № 23. P. 326–332. (In Russ.).
2. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: vlast' i obshchestvo* [Urban self-government in Russia in the second half of the XIX – early

XX century: power and society] / sost. V. A. Nardova, M. N. Rumynskaya. St. Petersburg: Liki, 2014. 568 p. (In Russ.).

3. Zaionchkovskii P. A. Russkoe samoderzhavie v kontse XIX stoletii (politicheskaia reaktsiia 80-kh – nachla 90-kh godov) [Russian autocracy at the end of the XIX century (political reaction of the 80s – early 90s)]. Moscow: Mysl', 1970. 444 s. (In Russ.).

4. Kuskashev D. V., Lukinykh Yu. V. Pravovye osnovy kontrreformy gorodskogo samoupravleniia 1892 g. [The legal foundations of the counter-reform of city government in 1892] // Eurasian Law Journal. 2020. № 6. P. 142–143. (In Russ.).

5. Len K. V. Gorodskoe samoupravlenie posle 1870 g. v obshchestvenno-politicheskoi polemike vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Urban self-government after 1870 in the socio-political polemics of the second half of the XIX – early XX century] // Ideia gosudarstvennosti v istorii politicheskoi mysli Rossii. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosuniversiteta, 1996. P. 83–90. (In Russ.).

6. Nardova V. A. Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh godov XIX v.: Pravitel'stvennaia politika [Urban self-government in Russia in the 60s – early 90s of the XIX century]. Leningrad: Nauka, 1984. 260 p. (In Russ.).

7. Nardova V. A. Samoderzhavie i gorodskie dumy v kontse XIX – nachale XX veka. [Autocracy and city councils in the late XIX – early XX century]. St. Petersburg: Nauka, 1994. 157 p. (In Russ.).

8. Pisar'kova L. F. Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaia дума [Urban reforms in Russia and the Moscow Duma]. Moscow: Novyi khronograf; AIRO-XXI, 2010. 752 p. (In Russ.).

9. Plotnikova G. N., Plotnikov S. N. Deiatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniia Permskoi gubernii v poslednei chetverti XIX v. (po materialam gazety «Ekaterinburgskaia nedelia») [The activities of city self-government bodies of the Perm province in the last quarter of the XIX century (on the materials of the newspaper “Yekaterinburgskaya Nedelya”)] // Cultural Code. 2022. № 2. P. 127–144. (In Russ.). DOI: 10.36945/2658-3852-2022-2-127-144

10. Sorokin A. A. Sistema gorodskikh vyborov v Rossii v kontse XIX v.: kritika v provintsial'noi periodicheskoi pechati [Urban election system in Russia at end of XIXth century: criticism in provincial periodicals] // Nauchnyi dialog. 2024. Vol. 13. № 1. P. 507–525. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-507-525

11. Sorokin A. A. Chastnaia provintsial'naia periodicheskaja pechat' kak istochnik po izucheniiu gorodskoi izbiratel'noi sistemy Rossii kontsa XIX v. [Private provincial periodical press as a source for the study of the urban electoral system of Russia at the end of the XIX century] // Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki. Vyp. 7 / sostavitel' i nauchnyi redaktor A. A. Kornilov. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo NNGU imeni N. I. Lobachevskogo, 2023. P. 221–225. (In Russ.).

12. Hanchett W. Tsarist statutory regulation of municipal government in the nineteenth century // The city in Russian history / ed. by M. F. Hamm. Lexington, 1976. P. 91–114.

13. Pintner W. Reformability in the age of reform and counterreform, 1855–1894 // Reform in Russia and the USSR: Past and prospects. Urbana, 1989. P. 83–106.

14. Seton-Watson H. The decline of imperial Russia, 1855–1914. Routledge, 2017. 422 p.

15. Whelan H. Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter-reform in late imperial Russia. New Brunswick, 1982. XII, 258 p.

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Рокки Энтони Карл

магистр исторических наук

магистр библиотековедения

независимый исследователь

tony.rocchi@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5682-2949

**ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Аннотация. Терроризм в России между 1866–1911 гг. явился предтечей массового терроризма в современном мире. Многие историки полагают, что терроризм в России явился неудачным средством политической борьбы, так как террористам не удалось достичь своей главной цели — свергнуть самодержавие. Советские историки утверждали, что терроризм был основан на ложных понятиях о революционной борьбе и что террористы заменяли борьбу народных масс интеллигентским единоборством с самодержавием. Такие интерпретации не соответствуют историческим реалиям и нуждаются в определенной корректировке. Несмотря на многие неудачи, левые террористы все же добились некоторых тактических и идеологических целей. Ключевую роль в этом процессе играла организация «Народная воля». Масштабность и продолжительность российского терроризма сильно отличали его от терроризма в европейских странах. Террористам удалось вынудить правительство пойти по пути репрессий, тем самым задержать превращение России в либеральное и конституционное государство европейского типа.

Ключевые слова: Российская империя, самодержавие, терроризм, «Народная воля».

Для цитирования: Рокки Э. К. Победы и поражения политического терроризма в Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 18–30. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Original article

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Rocchi Anthony Carl

Master of Arts (History Specialist)

Master of Library Sciences

Independent Researcher

tony.rocchi@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5682-2949

**VICTORIES AND DEFEATS OF POLITICAL TERRORISM
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

Abstract. Terrorism in Russia between 1866–1911 was the forerunner of mass terrorism in the modern world. Many historians believe that terrorism in Russia was an unsuccessful means of political struggle, since the terrorists failed to achieve their main goal — to overthrow the autocracy. Soviet historians argued that terrorism was based on false concepts of revolutionary struggle and that terrorists replaced the struggle of the masses with intellectual combat against the autocracy. Such interpretations do not correspond to historical realities and require some adjustment. Despite many setbacks, left-wing terrorists were still able to achieve some tactical and ideological goals. The Narodnaya Volya organization played a key role in this process. The scale and duration of Russian terrorism made it very different from terrorism in European countries. The terrorists managed to force the government to take the path of repression, thereby delaying the transformation of Russia into a liberal and constitutional state of the European type.

Keywords: Russian Empire, autocracy, terrorism, “People’s Will”.

For citation: Rocchi A. C. Victories and defeats of political terrorism in the Russian Empire // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 18–30. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.02

Введение. Терроризм в России между 1866–1911 гг. явился предтечей массового терроризма в современном мире. Однако в историографии, как в российской, так и в зарубежной, по разным причинам история российского терроризма еще не получила достаточного освещения.

Традиционно политический терроризм в России считают неудачным средством политической борьбы, так как террористам не удалось свергнуть самодержавие. Более того, советские историки утверждали, что терроризм был основан на ложных понятиях о революционной борьбе и что террористы заменяли борьбу народных масс интеллигентским единоборством с самодержавием. Такие интерпретации не соответствуют историческим реалиям и нуждаются в определенной корректировке. Несмотря на многие неудачи, левые террористы все же смогли достичь некоторых тактических и идеологических целей. Ключевую роль в процессе институционализации терроризма сыграла

организация «Народная воля». Масштабность и продолжительность российского терроризма заметно отличали его от аналогичного явления в Европе. Правительство в ответ на теракты вынуждено было для защиты самодержавия использовать репрессии, что воспрепятствовало трансформации России в конституционную монархию европейского типа. Два поколения террористов демонстрировали свою убежденность в том, что именно террор является наиболее подходящим средством борьбы с произволом самодержавия, получая при этом поддержку широких общественных слоев, в том числе либералов. Более того, они получали поддержку европейской и американской общественности, вдохновляли радикалов в Азии; они заняли почетное место в исторической литературе. Трудно в истории терроризма найти параллели такому длинному списку «достижений».

Все политические партии и движения России вынуждены были определять свои отношения к терроризму и к правительственной борьбе против терроризма. Не только антиправительственное направление российского терроризма, но также и его антилиберальное направление привлекали многих сторонников среди различных политических сил, выступающих против движения империи по европейскому капиталистическому пути.

Терроризм возникает в отдельных странах и регионах в конкретных исторических условиях. Сравнительный анализ позволяет найти элементы преемственности, сходства и различия между террористическими движениями в разных государствах в различные исторические периоды. Характерной чертой российского терроризма является его масштабность и продолжительность во времени. При этом история российского терроризма скорее история пирровой победы, чем история его поражений.

Ход и результаты исследования. Начало революционному террору положило покушение на Александра II, осуществленное 4 апреля 1866 г. бывшим студентом Д. В. Каракозовым, входившим в руководимую Н. А. Ишутиным революционную группу «Организация». Конец революционному террору положила Первая мировая война, вспыхнувшая в августе 1914 г. Таким образом, почти полвека терроризм в России являлся важным фактором политического процесса.

На наш взгляд, в истории русского политического терроризма можно выделить следующие этапы.

Начальный этап (1864–1869): две революционные структуры — упомянутая выше «Организация» и «Народная расправа», руководимая С. Г. Нечаевым. Самыми заметными террористическими акциями стали покушение на императора и убийство членами «Народной расправы» своего товарища, студента И. И. Иванова.

Первый период-лагуна (1870–1878): становление революционного народничества, «хождение в народ» и создание организации «Земля и воля».

Первая волна терроризма (1878–1894): начало было положено 24 января 1878 г. покушением В. И. Засулич на петербургского градоначальника

Ф. Ф. Трепова. Но главным событием станет убийство Александра II, совершенное 1 марта 1881 г. террористами «Народной воли», организации вышедшей из «Земли и воли» и олицетворявшей собой революционное движение в этот период. К 1884 г. «Народная воля» была практически полностью разгромлена полицией, однако вплоть до 1894 г. предпринимались попытки ее воссоздать, впрочем, безуспешные.

Второй период-лакуна (1894–1900): характеризовался появлением новых политических партий и движений, в том числе и неонароднического типа (в будущем — Партия социалистов-революционеров, вновь взявшая на вооружение террор).

Вторая волна терроризма (1901–1911): период включил в себя бурные события Первой русской революции, когда массовое насилие (политический террор, правительственные репрессии, протестные движения, криминал) стало обыденностью. Закончился он покушением на председателя Совета Министров П. А. Столыпина, совершенным революционером и провокатором Д. Г. Богровым 1 сентября 1911 г.

Третий период-лакуна (1911–1914): характеризуется стремлением части общероссийских (анархисты, эсеры) и окраинных национальных партий возобновить террористические атаки на самодержавие, окончательно прекратившиеся с началом Первой мировой войны.

Эпоха политического террора в России совпадала с европейской «эпохой динамита» (примерно 1870–1914 гг.). В Европе главным действующим лицом были анархисты (Франция, Италия, Испания), жертвами которых стали десятки человек, и националисты (Турция, Ирландия, Балканский регион), число жертв которых, как минимум, на порядок выше. Так, исследовательница из Нидерландов Б. Деграаф утверждает, что в результате терактов, совершенных анархистами в Европе и Америке, погибло 160 человек, более 500 получили ранения¹. А, например, в маленькой Македонии только за один 1907 г. отмечено 1370 убийств, совершенных националистами². В России до начала XX в. террористами было убито не более 100 человек³. Однако с началом нового столетия количество жертв политического террора стало возрастать по экспоненте, особенно в годы Первой русской революции. По сведениям американского историка А. Гейфман, в 1905–1907 гг. общее число жертв террора (убитых и раненых) составляет около 9 тыс. человек: среди них только около половины являлись чиновниками и представителями силовых структур, остальные — случайными жертвами. А с 1901 по 1911 г. от рук террористов погибли и пострадали более 17 тыс. человек⁴. Революционный террор в России

¹ De Graaf B. The black international conspiracy as security dispositive in the Netherlands, 1880–1900 // Historical Social Research // Historische Sozialforschung. 2013. Vol. 38. № 1 (143). P. 144.

² Gawrych G. W. The culture and politics of violence in Turkish society, 1903–14 // Middle Eastern Studies. 1986. Vol. 22. № 3 (Jul.). P. 309.

³ Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton NJ, 1993. P. 3.

⁴ Ibid. P. 21.

имел весьма негативные последствия для общества. Его жертвами становились представители разных сословий, классов, национальностей и вероисповеданий, а сочетание разновидностей насилия — террористического, массового, уголовного и правительственного, — без сомнений, вызывало массовую психологическую травматизацию населения.

Первая российская революция впервые в истории включила в себя террористическую составляющую, которая способствовала превращению революции в гражданскую войну. Хотя сторонники политического террора заявляли, что они используют его лишь в сочетании с массовыми народными движениями, это не соответствовало действительности. Наибольшей остроты политическое противостояние достигло на окраинах империи, где его подпитывали социально-экономические, этнонациональные и религиозные противоречия. В первую очередь речь идет об Украине, Бессарабии, Белоруссии, Царстве Польском, Прибалтике и Кавказе. Именно там своего наибольшего размаха достиг и политический террор, участие в котором принимали представители как общероссийских, так и национальных партий⁵.

В «эпоху динамита» в европейских странах в терроре принимали участие лишь анархисты и националисты. В России же террор поддержал гораздо более широкий спектр политических движений. Во-первых, это общерусские социалистические партии — эсеры и социал-демократы (несмотря на отрицание пользы индивидуального террора и большевистскими, и меньшевистскими лидерами); во-вторых, различные анархические группы, считающие политический террор пропагандой действием и стихийными актами народной мести; в-третьих, национальные социалистические партии, в первую очередь еврейские, латышские, армянские и польские; и, наконец, в-четвертых, монархические (черносотенные) партии.

Участие национальных партий в террористической деятельности ознаменовало собой своеобразную интернационализацию российского терроризма. Вероятно, националистический терроризм в Российской империи явился побочным продуктом правительственной политики русификации окраинных народов, предполагавшей в том числе и русификацию среднего и высшего образования, что предоставило инородцам возможность познакомиться с русским радикализмом. Многие представители окраинных народов осуществляли террористическую деятельность, будучи членами общеимперских партий и движений. А боевые дружины польского Народного рабочего союза мишенью своих террористических актов считали не только русских чиновников, включая школьных инспекторов, но и поляков — членов социалистических партий⁶.

Правый террор также представляет определенный интерес, хотя черносотенцы и совершили всего три или четыре теракта: против рабочего Мухина,

⁵ Подробнее см.: Рокки Т. Российская революция 1905–1907 гг. как первая гражданская война в Европе в XX веке // История. Исторические источники. 2022. № 4. С. 51.

⁶ Geifman A. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. P. 28.

вступившего в боевую дружину СРН в качестве агента РСДРП; членов Государственной думы М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса и, возможно, А. Л. Караваева. Таким образом, жертвами правого террора можно считать максимум четырех (!) человек⁷. Сравните с тысячами жертв революционного террора. Однако в провинции черносотенные партии практически не использовали политический террор⁸; исключением являлись одесские монархические организации⁹.

Правый террор возник после Манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего гражданские свободы, в том числе и создание политических партий. Лидеры монархического лагеря пришли к выводу, что в условиях политических свобод самодержавие не может защитить себя собственными силами. Таким образом, как и их предшественники из «Священной дружины», черносотенцы полагали, что они для защиты самодержавия вправе использовать те же методы борьбы, что и их политические противники, и противопоставить левому террору террор правый. Однако самодержавие вовсе не собиралось делить свое монопольное право на насилие даже с самыми лояльными элементами из монархического лагеря. К тому же правый лагерь вел непримиримую борьбу с царской бюрократией, доведшей, по мнению монархистов, страну до революции.

Эсеры-максималисты, анархисты и левые маргинальные группы выступали за неограниченный терроризм. Однако таких же взглядов порой придерживались и многие рядовые эсеры, большевики, меньшевики и представители национальных партий. Все попытки левых партийных руководителей прекратить или хотя бы приостановить терроризм потерпели крах. Поклонники террора в различных партиях возмущались попытками своих вождей, особенно в эмиграции, контролировать всю революционную работу и препятствовать осуществлению террористических актов. Ведь боевики в России рисковали своими жизнями, тогда как их руководители в эмиграции, сидя в удобных креслах вели бесконечные дискуссии о допустимых и недопустимых методах революционной борьбы. Партийные лидеры также не сумели воспрепятствовать совместному осуществлению террористических акций представителями различных партий и движений. Следовательно, можно говорить о существовании единого террористического фронта, объединяющего рядовых боевиков левых партий.

Дискуссионным является вопрос о большевистском терроре. Советские историки часто цитировали осуждение В. И. Лениным в 1902 г. эсеровского

⁷ *Омельячук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 297.

⁸ *Омельячук И. В.* Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022. С. 228; *Его же.* Политический террор и правое движение (на примере Владимирской губернии) // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 716.

⁹ *Омельячук И. В.* Правые партии в Одессе в 1904–1917 годах // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 634–636.

терроризма¹⁰. Многие зарубежные историки принимали ленинские слова за чистую монету. Однако Ленин проводил довольно гибкую политику в отношении терроризма. В начале 1906 г. он призывал большевиков организовать боевые дружины и проводить партизанские действия¹¹ в ходе революционного восстания. В монографии «Исторический опыт трех российских революций» говорилось о создании боевой технической группы при большевистском ЦК и боевых дружин. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что бомба перестала быть оружием индивидуального террора, став оружием народного восстания. Большевики поддерживали крестьянские партизанские выступления на национальных окраинах, особенно на Кавказе и в Прибалтике. Такая партизанская деятельность после подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., была направлена на дезорганизацию сил врага и предполагала не только организацию самообороны, но и нанесение ударов по полицейским участкам, низовым административным учреждениям, освобождение арестованных и т. д.¹² Как видим, большевистский террор в теории представлял собой борьбу восставшего народа против правительственной армии и не носил индивидуального характера. В остальном же он мало отличался от эсеровского и других вариантов терроризма.

Так как террор занимал важное место в политической повестке России начала XX в., то представителям всех политических партий и движений пришлось определить свою позицию в отношении революционного террора и контртеррористической деятельности власти. Отношения различных политических сил к террору варьировались от полной поддержки до полного неприятия.

Отколовшиеся от эсеров в 1906 г. энесы (Народно-социалистическая партия) в своей деятельности не использовали террор, но тем не менее считали, что он (при определенных исторических условиях) является приемлемым способом борьбы для нелегальных партий. Думская фракция трудовиков разделяла эту позицию¹³. Сложнее определять отношения левых национальных партий к терроризму. Часть из них входила в блоки с эсдеками и эсерами, разделяя их позицию по отношению к политическому террору.

Левоецентристская Конституционно-демократическая партия безусловно осуждала правый терроризм, но отказывалась при этом осудить терроризм левый, надеясь, что последний вынудит правительство пойти на уступки. При этом кадеты обвиняли самодержавие в излишне жестокой репрессивной политике по отношению к оппозиции. Член Государственной думы И. Н. Пустошкин

¹⁰ Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // ПСС. 5-е изд. Т. 6. М., 1963. С. 373.

¹¹ Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии // ПСС. 5-е изд. Т. 12. М., 1968. С. 180–181.

¹² Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985. С. 366–378, 382.

¹³ Сытченко А. В. Народные социалисты и террор // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX в.): материалы конференции. М., 1996. С. 91.

заявил: «Помните, что Христос тоже был объявлен преступником и подвергся постыдной казни на кресте. Прошли годы, и этот преступник — Христос — завоевал весь мир и стал образцом добродетели. Отношение к политическим преступникам аналогично акту насилия со стороны властей»¹⁴. Лишь после убийства П. А. Столыпина в 1911 г. партия кадетов осудила терроризм, назвав его морально и юридически неприемлемым, а политически — бессмысленным¹⁵.

Либерально-консервативный «Союз 17 октября» был более последователен в своем отношении к террору. С трибуны I Думы октябристы заявили, что партия выступает против «убийств, от кого бы они не исходили»¹⁶. А. Гейфман полагает, что они осуждали левый и правый терроризм по моральным соображениям¹⁷. По отношению же к правительственным репрессиям взгляды представителей «Союза 17 октября» существенно разнились. Часть из них полностью одобряла действия властей, другие же утверждали, что правительственные репрессии подрывали законность в России не меньше, чем революционный террор.

Правые партии безоговорочно осудили революционный террор. По мнению И. В. Омелянчука, «если оппозиция рассматривала террор как действенный способ защиты населения от произвола властей, то правые — как защиту того же населения, но уже от революционного произвола»¹⁸. При этом, полагает исследователь, «учитывая значительную пропагандистскую силу революционных терактов, исполнители которых становились кумирами значительной части “прогрессивного общества”, возможно, что и лидеры черносотенного движения рассчитывали громкими силовыми акциями способствовать росту популярности правых партий в среде традиционалистов»¹⁹. Однако далеко не все монархисты одобрили политический террор справа. Ведь для них каждый акт насилия явился нарушением порядка и первым шагом к разрушению общественного строя (на тот момент — самодержавия)²⁰. «А после окончания революции все черносотенные партии осудили террор. Но джин уже был выпущен из бутылки, поэтому силовые акции (не сопровождавшиеся убийствами), продолжались еще некоторое время. Объяснялось это тем, что многие боевые организации монархистов попросту не выполняли указаний своих партийных руководителей (картина характерная не только для черносотенного лагеря), а также и тем, что в правые организации, пользуясь упрощенным порядком

¹⁴ *Geifman A.* The kadets and terrorism, 1905–1907 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1988. Bd. 36. H. 2. P. 260.

¹⁵ *Stockdale M. K.* Politics, morality, and violence: kadet liberals and the question of terror, 1902–1911 // *Russian History*. 1995. Vol. 22. № 4 (Winter). P. 459.

¹⁶ *Пазин Р. В.* «Союз 17 Октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 4 (27). С. 62.

¹⁷ *Geifman A.* The Kadets and Terrorism, 1905–1907. P. 252–253.

¹⁸ *Омелянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. С. 297.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Rogger H.* Was there a Russian fascism? The Union of Russian People // *The Journal of Modern History*. 1964. Vol. 36. № 4 (Dec.). P. 405.

приема новых членов, вступали люди самых разных моральных качеств, в том числе и не самых высоких»²¹.

Как и в XIX в., правительство не могло рассчитывать на полную поддержку общества в лице партий и движений в своей борьбе против террора, который оставался своеобразным единоборством между самодержавием и обществом.

Во многом победы и поражения терроризма в XX в. были продолжением успехов и неудач «Народной воли». Эта организация занимает ключевое место в истории российского терроризма и особое, иногда почетное, место в истории мирового терроризма. Почти все революционеры считали народовольцев своими предшественниками. Первые российские марксисты долго не могли отречься от народовольческого наследия. По мнению О. В. Будницкого, даже В. И. Ульянов (Ленин) не избежал этого, начав свою политическую карьеру народовольцем²². А его брат А. И. Ульянов возглавлял террористическую фракцию «Народной воли».

Народовольцы своими террористическими ударами потрясли основы самодержавия, и последующие поколения революционеров не теряли надежду на повторение такого успеха. Кроме того, пример самоотверженной борьбы народовольцев с самодержавием вдохновлял следующие поколения революционеров и внушал им, что отказ от революционной деятельности будет предательством памяти народовольческих мучеников.

Именно народовольцы и определили основные цели политического террора для своих последователей:

- защита революционного движения от карательных органов самодержавия и провокаторов;
- дезорганизация правительства посредством террористических актов, направленных против его представителей;
- пропаганда революции среди населения;
- принуждение правительства к политическим уступкам и расширению политических свобод, что должно привлечь к союзу с революционерами умеренные либеральные силы.

Главной целью народовольческого террора являлось уничтожение самодержавия с помощью царубийства. Физическая ликвидация монарха, по мнению народовольцев, открывала три сценария дальнейшего политического процесса в России: 1) социальная и политическая революция; 2) военный переворот и проведение социалистической революции сверху; 3) вынужденные уступки правительства, создающие необходимые условия для социалистической революции. Народовольцы исходили из существования фундаментального отличия между русским и европейскими государствами. По их мнению, на Западе

²¹ *Омельячук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. С. 297.

²² *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М, 2016. С. 345–348.

государство было создано обществом, в России же, наоборот, все общественные институты (бюрократия, армия, церковь, дворянство, буржуазия и др.) были созданы государством. В обмен на полученные привилегии они полностью отказались от самостоятельности по отношению к власти. Такое понимание сущности русского государства народолюбцами обусловило их выбор царубийства в качестве способа политической борьбы, следствием которого стали бы крушение самодержавного государства и распад эксплуататорского общества. Однако, как показали дальнейшие события, к распаду и гибели русского государства привело не убийство монарха, а его отречение и захват власти либералами в феврале 1917 г.

Кроме продекларированных народолюбцы преследовали и две латентные цели: во-первых, спровоцировать самодержавие на проведение репрессивного курса, жестокость которого подтолкнет население к решительным революционным действиям или хотя бы создаст условия для совершения государственного переворота; во-вторых, не допустить продвижения России по капиталистическому пути и либерализации ее политической системы. Народолюбцы, как все народники, считали, что Россия может миновать капиталистическую стадию развития и сразу перейти к социализму, построенному на фундаменте русской крестьянской общины. Либеральная же политическая система приведет к власти буржуазию и даст ей новые рычаги для эксплуатации народа. И этой цели им удалось достичь: Александр II незадолго до своей гибели от рук террористов согласился привлечь представителей земств к обсуждению законопроектов в Государственном совете (так называемая Конституция М. Т. Лорис-Меликова). Однако смерть императора не позволила довести этот проект до стадии реализации: его преемник — император Александр III — провозгласил незыблемость самодержавия. Т. Самуэли так оценил последствия народолюбческого террора: «“Народная воля” совершила блестящую победу в своем самопожертвовании за революционное дело. Конституционное буржуазное развитие России было остановлено. Процесс развития России в лоне европейской либеральной государственности был возобновлен только 25 лет позже и к тому времени, это было слишком поздно»²³.

Заключение. Далеко не все продекларированные народолюбцами цели были достигнуты. Террористам, несмотря на убийства многих полицейских чинов и агентов охраны, так и не удалось защитить свою организацию от правительственных репрессий и провокаторов. Деятельность одного из них — С. П. Дегаева, агента жандармского полковника Г. П. Судейкина, — привела к разгрому исполнительного комитета «Народной воли». Во главе боевой организации партии эсеров долгое время стоял агент охраны Е. Ф. Азеф, выдавший многих своих товарищей. Народолюбцам не удалось также разжечь

²³ *Szamuely Tibor. The Russian tradition. London, 1974. P. 368.*

в стране революционный пожар. Прямой связи между осуществленными террористическими атаками на самодержавие и массовым протестным движением не обнаруживается.

В вопросе же принуждения правительства к политическим уступкам народолюбцы добились гораздо большего успеха. Примером этому служит упомянутый выше проект М. Т. Лорис-Меликова. Однако Манифест 17 октября 1905 г., действительно вводивший конституционные начала в политическую систему России, был вызван к жизни отнюдь не успешными террористическими актами, а массовым протестным движением, охватившим практически все слои населения империи.

К началу XX в. в Европе наблюдалось определенное разочарование в либерализме, что, по мнению некоторых исследователей, послужило одной из главных предпосылок фашизма, нацизма и родственных им политических движений²⁴. Народолюбцы же, блокировав с помощью террора развитие в России либерального капитализма, поставили тем самым непреодолимый барьер на пути развития фашистских идеологий в России, исключив из политического опыта населения империи даже саму возможность разочарования в буржуазном либерализме.

Таким образом, российским террористам не удалось свергнуть самодержавие, однако их деятельность имела масштабные последствия как для России, так и для всего мира. Их тактика в последующем была взята на вооружение многими террористическими движениями.

Литература

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2016. 383 с.
2. Исторический опыт трех российских революций: в 3 кн. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. М.: Политиздат, 1985. 575 с.
3. Омелянчук И. В. Политический террор и правое движение (на примере Владимирской губернии) // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 690–743. DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-3-2
4. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг. // *Вопросы истории консерватизма*. 2015. № 1. С. 279–307.
5. Омелянчук И. В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М.: МГПУ, 2022. 444 с.
6. Омелянчук И. В. Правые партии в Одессе в 1904–1917 годах // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 1. С. 621–642. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-621-642
7. Пазин Р. В. «Союз 17 Октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 4 (27). С. 60–67.

²⁴ Подробнее см.: *Payne Stanley G. A. History of fascism, 1914–1945*. Madison WI, 1995. P. 23–70.

8. Рокки Т. Российская революция 1905–1907 гг. как первая гражданская война в Европе в XX веке // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2022. № 4. С. 46–55. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49918654_36799447.pdf
9. Сыпченко А. В. Народные социалисты и террор // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX в.): материалы конференции. М.: Мемориал, 1996. С. 87–96.
10. De Graaf B. The black international conspiracy as security dispositive in the Netherlands, 1880–1900 // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2013. Vol. 38. № 1 (143). P. 142–165.
11. Gawrych G. W. The culture and politics of violence in Turkish society, 1903–14 // Middle Eastern Studies. 1986. Vol. 22. № 3 (Jul.). P. 307–330. DOI: 10.1080/00263208608700668
12. Geifman A. The kadets and terrorism, 1905–1907 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1988. Bd. 36. H. 2. P. 248–267.
13. Geifman A. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993. 376 p.
14. Payne Stanley G. A History of fascism, 1914–1945. Madison WI: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
15. Rogger H. Was there a Russian fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. 1964. Vol. 36. № 4 (Dec.). P. 398–415.
16. Stockdale M. K. Politics, morality and violence: Kadet liberals and the question of terror, 1902–1911 // Russian History. 1995. Vol. 22. № 4 (Winter). P. 455–480.
17. Szamuely Tibor. The Russian tradition. London: Secker & Warburg, 1974. 591 p.

References

1. Budnitskii O. V. Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIXth – early XXth century)]. 2-e izd., dop. Moscow: ROSSPEN, 2016. 383 p. (In Russ.).
2. Istoricheskii opyt trekh rossiiskikh revoliutsii: v 3 knigakh. Kniga 1. General'naya repetitsiya Velikogo Oktiabria: Pervaya burzhuazno-demokraticheskaia revoliutsiya v Rossii [Historical experience of three Russian revolutions. Book 1. Dress rehearsal of the Great October: The first bourgeois-democratic revolution in Russia]. Moscow: Politizdat, 1985. 575 p. (In Russ.).
3. Omeliyanchuk I. V. Politicheskii terror i pravoe dvizhenie (na primere Vladimirskoi gubernii) [Political terror and the right-wing movement (The case of Vladimir Governorate)] // Historia Provinciae — the Journal of Regional History. 2021. Vol. 5. № 3. P. 690–742. (In Russ.). DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-3-2
4. Omeliyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii v 1901–1917 gg. [The Black Hundred movement in the Russian Empire in 1901–1917] // Voprosy istorii konservatizma. 2015. № 1. P. 279–307. (In Russ.).
5. Omeliyanchuk I. V. Gubernskie pravye (stanovlenie i evoliutsiya konservativnogo kryla partiinoi sistemy Rossii na primere Vladimirskoi gubernii) [Provincial right (formation and evolution of the conservative wing of the Russian party system using the example of the Vladimir province)]. Moscow: MGPU, 2022. 444 p. (In Russ.).

6. Omeliyanchuk I. V. Pravye partii v Odesse v 1904–1917 godakh [Right-wing parties in Odessa in 1904–1917] // Essays on Conservatism. 2020. № 1. P. 621–642. (In Russ.). DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-621-642
7. Pazin R. V. «Soiuz 17 Oktiabria» i politicheskii terror nachala XX veka [“The Union of October 17” and political terror of early XXth century] // Perm University Herald. History. 2014. Iss. 4 (27). P. 60–67. (In Russ.).
8. Rocchi T. Rossiiskaia revoliutsiia 1905–1907 gg. kak pervaiia grazhdanskaia voina v Evrope v XX veke [The Russian revolution of 1905–1907 as the first civil war in Europe in the XXth century] // Istoriiia. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2022. № 4. P. 46–55. (In Russ.). URL: chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglefindmkaj/https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49918654_36799447.pdf
9. Sypchenko A. V. Narodnye sotsialisty i terror [People’s socialists and terror] // Individual’nyi politicheskii terror v Rossii (XIX – nachalo XX v.): materialy konferentsii. Moscow: Memorial, 1996. P. 87–96. (In Russ.).
10. De Graaf B. The black international conspiracy as security dispositive in the Netherlands, 1880–1900 // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2013. Vol. 38. № 1 (143). P. 142–165.
11. Gawrych G. W. The culture and politics of violence in Turkish society, 1903–14 // Middle Eastern Studies. 1986. Vol. 22. № 3 (Jul.). P. 307–330. DOI: 10.1080/00263208608700668
12. Geifman A. The kadets and terrorism, 1905–1907 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1988. Bd. 36. H. 2. P. 248–267.
13. Geifman A. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993. 376 p.
14. Payne Stanley G. A History of fascism, 1914–1945. Madison WI: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
15. Rogger H. Was there a Russian fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. 1964. Vol. 36. № 4 (Dec.). P. 398–415.
16. Stockdale M. K. Politics, morality and violence: Kadet liberals and the question of terror, 1902–1911 // Russian History. 1995. Vol. 22. № 4 (Winter). P. 455–480.
17. Szamuely Tibor. The Russian tradition. London: Secker & Warburg, 1974. 591 p.

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.03

Ковалева Елизавета Олеговна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

elizavetakowaliowa@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8601-992X

**«ПРЕЗИДЕНТ ПОЧАЕВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ».
АРХИМАНДРИТ ВИТАЛИЙ (МАКСИМЕНКО)
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются высказывания современников архимандрита Виталия (Максименко), посвященные его экономической, политической и социальной деятельности в Волынской губернии в дореволюционный период. На основе анализа ряда исторических источников (прежде всего, публикаций в волынской прессе сторонников и политических оппонентов архимандрита) показано, что деятельность почаяевского инокa вызывала противоречивую реакцию. В статье отмечается, что критика в адрес о. Виталия исходила как со стороны его идейных противников, так и со стороны церковных и светских властей. Первые считали архимандрита корыстолюбивым монахом, стремящимся к обогащению через сбор «союзнических полтинников» и деятельность Почаяевского банка. Вторые обвиняли о. Виталия в радикализации крестьянских масс, распространении в народе антипольских, антиеврейских и антиправительственных настроений. Однако положительных откликов все же было больше. Современники отмечали, что, хотя почаяевский архимандрит зачастую использовал в своей агитации недопустимые выражения, он был подлинным народным заступником, честно заботившимся о нуждах крестьян и сумевшим предложить волынскому крестьянству легальные методы улучшения его материального положения.

Ключевые слова: Виталий (Максименко), Почаяевская лавра, Волынская губерния, Союз русского народа, черносотенцы, крестьянство Правобережной Украины.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00071 «Между национальным и социальным радикализмом: крестьянство Правобережной Украины в 1905–1922 гг.»; <https://rscf.ru/project/23-28-00071>

Для цитирования: Ковалева Е. О. «Президент Почаяевской республики». Архимандрит Виталий (Максименко) глазами современников // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 31–45. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.03

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.03

Kovaleva Elizaveta O.

Postgraduate Student

St. Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

elizavetakowaliowa@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8601-992X

**“PRESIDENT OF THE POCHAEV REPUBLIC”.
ARCHIMANDRITE VITALY (MAKSIMENKO)
THROUGH THE EYES OF HIS CONTEMPORARIES**

Abstract. The article examines the statements of contemporaries of Archimandrite Vitaly (Maksimenko), devoted to his economic, political and social activity in Volyn province in the pre-revolutionary period. Based on the analysis of a number of historical sources (first of all, publications in the Volyn press of the archimandrite’s supporters and political opponents), it is shown that the activity of the Pochaev monk caused contradictory reactions. The article notes that criticism of Fr. Vitaly came both from his ideological opponents and from the ecclesiastical and secular authorities. The first considered the archimandrite to be a self-serving monk who sought to enrich himself through the collection of «allied fifty per cent» and the activities of the Pochaev Bank. The latter accused Fr. Vitaly of radicalising the peasant masses and spreading anti-Polish, anti-Jewish and anti-government sentiments among the people. However, there were still more positive responses. Contemporaries noted that although the Archimandrite of Pochaev often used unacceptable language in his agitation, he was a genuine people’s intercessor who honestly cared about the needs of the peasants and was able to offer the Volyn peasantry legal methods of improving their material situation.

Keywords: Vitaly (Maksimenko), Pochaev Lavra, Volyn province, Union of the Russian People, Union of the Russian People, the Peasantry of Right-Bank Ukraine

Acknowledgements: the study is supported by Russian Science Foundation, project № 23-28-00071 “Between national and social radicalism: the peasantry of Right-Bank Ukraine in 1905–1922”; <https://rscf.ru/project/23-28-00071>

For citation: Kovaleva E. O. “President of the Pochaev Republic”. Archimandrite Vitaly (Maksimenko) through the eyes of his contemporaries // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 31–45. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.03

Введение. Личность Восточно-Американского и Нью-Джерсийского архиепископа Виталия (в миру — Василий Иванович Максименко, 1873–1960) оставила глубокий след не только в церковной, но и в политической истории. Не останавливаясь на подробном описании жизненного пути владыки, отметим основные этапы его биографии.

Первый связан с его детством и обучением сначала в стенах Киевской духовной академии, а после отчисления и восстановления — в Казанской духовной академии; знакомством с епископом Антонием (Храповицким) и принятием пострига в 1899 г. Во время второго — почаевского — этапа о. Виталий был переведен в Почаево-Успенскую лавру для восстановления типографии при обители, возведен в 1903 г. в сан архимандрита, а с 1906 г. начал заниматься политической деятельностью, возглавив Почаевский отдел Союза русского народа (далее — СРН). Тогда же почаевский монах выступил с рядом социально-экономических инициатив, среди которых особенно выделяется открытие в 1911 г. общества «Почаево-Волынский народный кредит». На эмигрантский период приходится переезд в Сербию, затем в Чехословакию; основание и издательская деятельность типографского братства преп. Иова Почаевского в с. Ладомирова (Владимирова); хиротония во епископа Детройтского и переезд в США в 1934 г.; открытие Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле; возведение в сан архиепископа Североамериканского и Канадского, а позже назначение архиепископом Восточно-Американским и Нью-Джерси.

Автор одной из статей «Курской были» в 1912 г. написал: «Историк наших дней, несомненно, отметит в своей летописи характерную и интересную фигуру архимандрита Виталия»¹. С этим утверждением трудно не согласиться. Самоотверженный и справедливый, при этом иногда излишне прямолинейный и резкий, о. Виталий неизбежно привлекал к себе внимание как современников², так и исследователей. Его личности и деятельности посвящены статьи в исторических энциклопедиях³, отдельные работы историков⁴;

¹ Архимандрит Виталий // Курская быль. 1912. 4 января. № 3. С. 3.

² См.: *Тальберг Н. Д.* Жизненный путь архиеп. Виталия (Максименко) // Православная Русь. 1959. № 3. С. 4–7; *Помазанский М. И.* Жизнь-подвиг: (К 25-летию архиерейского служения вл. Виталия) // Православная Русь. 1959. № 8. С. 5–7; *Никон (Рклицкий)*. Архиепископ Виталий: К 100-летию со дня рождения // Православная жизнь. 1973. № 8. С. 11–28; *Константин (Зайцев)*. Авва Виталий // Православная Русь. 1960. № 6. С. 5–6.

³ См.: *Косик В. И.* Виталий (Максименко) // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 561–563; *Степанов А. Д.* Виталий (Максименко) // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2008. С. 99–101.

⁴ См.: *Псарев А.* Архиепископ Виталий (Максименко). Исторический портрет к 50-летию со дня кончины // РПЦ3-Обзор. Вопросы истории Русской зарубежной церкви. URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2017/07/30/arhiepiskop-vitalij-maksimenko-istoricheskij-portret-k-50-letiyu-so-dnya-konchiny/> (дата обращения: 04.03.2024); *Поповкин А. А.* Архиепископ Виталий (Максименко) как всеславянский деятель // Славянский альманах. 2003. С. 69–71; *Его же.* Славянское служение Архиепископа Виталия (Максименко) // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: https://ruskline.ru/analitika/2008/04/24/slavjanskoe_sluzhenie_arhiepiskopa_vitaliya_maksimenko (дата обращения: 04.03.24); *Ковалева Е. О.* Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка // Русин. 2022. № 67. С. 206–225; *Иванов А. А., Ковалева Е. О.* Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волыни: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 2 (50). С. 46–64; *Их же.* «Поставить... под особо бдительный контроль»: переписка высших правительственных и церковных лиц о газете «Почаевские известия» (1908–1909) //

упоминания о вкладе архимандрита в развитие правого дела на Волыни встречаются в монографиях⁵, посвященных черносотенному движению. Сегодня его биография регулярно пополняется новыми исследованиями, поскольку анализ взглядов и деятельности владыки не теряет своей актуальности. Цель данной работы — выявить и проанализировать свидетельства современников архимандрита Виталия (Максименко), касающиеся как его личности, так и различных аспектов социальной и политической деятельности в Волынской губернии до 1917 г. Повествование структурировано в хронологическом и тематическом порядке.

Ход и результаты исследования. В 1902 г. молодой иеромонах Виталий, «питомец епископа Антония по академии»⁶, прибыл в Почаевскую лавру с возведением в сан архимандрита для восстановления монастырской типографии. За небольшое время под его руководством был отстроен трехэтажный корпус, приобретено восемь скоропечатных машин и одна ротационная (подарена членом Главного совета СРН Е. А. Полубояриновой), заработали слесарная и столярная мастерские, открыты две книжные лавки, налажен выпуск церковных, школьных и народных книг. Как писал архимандрит в своих воспоминаниях, ко времени Первой мировой войны объем выпущенной и хранящейся на складе печатной продукции был столь масштабен, что «заяввшие Почаев австрийские войска... трое суток выносили книги»⁷, чтобы использовать помещение под конюшни. Виталием (Максименко) был также налажен выпуск ряда периодических изданий (журналы «Русский инок» и «Почаевский листок», газеты «Почаевские известия» и «Волынская земля»), пользовавшихся популярностью у народа. «Этот Ваш, драгоценный для простолюдина, журнал стал настольной книгой крестьян, а также и сельской интеллигенции, которая в нем находит в ярких, иногда до боли правдивых красках изображенную истину, которую так трудно найти даже со свечей, среди белого дня в современной прессе»⁸, — писал в своем отзыве архимандриту волынский читатель.

Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 1022–1037; Ковалева Е. О. Архимандрит Виталий (Максименко) о славянском единстве и украинском вопросе // Русин. 2023. № 73. С. 181–193.

⁵ См.: Кандидов Б. П. Крестом и нагайкой. Почаевская лавра и черносотенное движение. М., 1928; Омелянчук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000; Его же. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; Карпунин Д. В. Чёрная сотня: вехи осмысления в России. М., 2009; Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013; Федевич К. К., Федевич К. И. За Віру, Царя і Кобзаря. Киев, 2017; Седова Я. А. Илиодор. Мистический друг Распутина. Т. 1. М., 2022; Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. М., 2022.

⁶ Знаменский Г. А. Архиепископ Виталий и его деятельность в сане архимандрита Почаевской Успенской лавры // Православная Русь. 1973. № 5. С. 7.

⁷ Виталий (Максименко). Мотивы моей жизни. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1955. С. 190.

⁸ Григорий Дьяков. Как относится население Волыни к Почаевскому листку // Почаевский листок. 1917. № 720. С. 9.

В изданиях поднимались острые, актуальные для народа вопросы: крестьянское малоземелье, экономическое засилье евреев-ростовщиков, польских и немецких помещиков. Статьи в почтаевской прессе были написаны простым и доступным языком, но тон повествования иной раз был достаточно грубым и резким, особенно если тема касалась бездействия местных властей или еврейского вопроса. Неудивительно, что риторика редактируемых о. Виталием изданий часто подвергалась критике как со стороны политических оппонентов, так и со стороны официальных властей. «Волынь ошастливлена появлением на свет новой ежедневной черносотенной газеты “Почаевские известия”, выходящей под редакцией архимандрита Виталия, того самого архимандрита Виталия, который редактирует знаменитый “Почаевский листок”, того самого архимандрита Виталия, который так блестяще провел выборную кампанию на Волыни; того самого архимандрита Виталия, который сам выдумывает письма в редакцию “Поч[аевского] листка”, подписанные будто бы секретарем “отдела волынского комитета партии социал-революционеров”»⁹, — не без иронии писал в 1906 г. автор леволиберальной газеты «Волынь». Спустя некоторое время сотрудники «Волыни» дали более пространную характеристику содержания «хулиганских известий», отметив, что их страницы «усыпаны перлами бешеной ругани одержимых манией человеконенавистничества лаврских иноков»¹⁰. В другом номере журналисты этого издания прошли уже по «Почаевскому листку» и личности его редактора: «О том, какую духовную пищу предлагает суемудрствующий о. Виталий в своем “Листке”, можно, конечно, догадываться по апрельскому эпизоду его жизни; достаточно будет еще прибавить, что, например, весь 24 № “Листка” и сброшюрованное с ним “Прибавление” к № 30 за текущий год состоит исключительно из безграмотных вылазок против евреев, католиков, революционеров и настойного утверждения о торжестве какой-то правды»¹¹.

Известный художник-репортер С. В. Животовский, посетивший Почаевскую лавру в 1907 г., также испытал негативные эмоции от увиденного на страницах «Почаевского листка». Он отметил, что статьи этого издания, написанные «христианским языком» и сопровождаемые «уродливыми рисунками», оскорбили его религиозное чувство своей политической агитацией «в такой грубой и наглой форме»¹². С. В. Животовскому удалось также познакомиться с о. Виталием: «Какой-то худощавый монах переходил от одной группы рабочих к другой... Оказалось, это был сам Виталий, архимандрит-редактор “Почаевских известий”. Еще молодой человек с аскетически серым лицом и хитрыми бегающими глазами»¹³.

⁹ Новая черносотенная газета // Волынь. 1906. 8 августа. № 177. С. 2–3.

¹⁰ Хулиганские известия // Волынь. 1906. 10 сентября. № 208. С. 2.

¹¹ Малевич М. Монашеский яд // Волынь. 1906. 9 августа. № 178. С. 2–3.

¹² Животовский С. По святым местам // Петербургский листок. 1907. 5 (18) июля. № 181. С. 8.

¹³ Там же.

Оппоненты о. Виталия обвиняли его также в корыстолюбии, утверждая, что «современные урядники в монашеских рясах извлекают все выгоды “монопольки” своего слова под покровительством урядников в мундирах»¹⁴. Эти нападки представляются безосновательными, поскольку его издания продавались по крайне низкой стоимости и явно не с целью материального обогащения. Так, годовая подписка на «Почаевские известия», выходившие ежедневно, составляла 1 рубль, иногда номера «Почаевского листка» раздавали вообще бесплатно. Даже представитель советской историографии и «анти-религиозник» Б. П. Кандидов указывал, что почаевские издания «очень часто продавали безусловно ниже себестоимости»¹⁵. Стоит отметить, что за о. Виталием закрепилась репутация аскета-бессребреника, готового пожертвовать всем, включая собственное здоровье, для воплощения своих идей. «Монах с изможденным лицом, худой, как деревянный крест, с впалыми, блестящими глазами и медленной, как бы усталой речью. Инок, действительно, аскетической жизни, живущий почти исключительно чаем и хлебом, человек, посвятивший всю свою жизнь служению идее, которой он верит. Фанатик своего дела, один из тех людей, которыми должна гордиться страна, родившая их. Таков этот монах Почаевской лавры, идейность и преданность своей вере которого даже враги не смеют заподозрить», — писали о почаевском архимандрите в газете «Курская быль»¹⁶.

В 1906 г. о. Виталий возглавил Почаевский отдел СРН. Он увлеченно занимался политической деятельностью, принимал участие в монархических съездах, открыл в 1908 г. «Курсы ревнителей» для подготовки из крестьянских активистов черносотенного актива, боролся с революционной пропагандой через редактируемые им издания и личные беседы с населением. Почаевский отдел СРН вскоре стал самым многочисленным в данной организации с широкой сетью подотделов, распространив свое влияние далеко за пределы Волынской губернии. Корреспондент «Нового времени», проездом останавливавшийся в Почаеве, делился своими впечатлениями о защите русского дела на Волыни, противопоставляя работу местных организаций СРН столичным. Он отмечал, что в Москве и Петербурге к монархическим мероприятиям относятся формально, ставя во главу «декоративные телеграммы, митинги, шествия со знаменами, а больше всего разговоры и самоуслаждения»¹⁷, тогда как политическую деятельность волынских черносотенцев отличает «живое, практическое дело», сопровождаемое организацией союзных складов, выпиской адвоката из Петербурга для юридической помощи населению, открытием ссудно-сберегательных касс и др.

Такая инициативность архимандрита вызывала неприязнь со стороны политических противников. «Интриган в клубуке», в деятельности которого

¹⁴ Таран П. Паки и паки... ложь «Почаевских известий» и тех, иже с ними // Голос Волыни. 1907. № 36. С. 3.

¹⁵ Кандидов Б. П. Крестом и ногойкой. М., 1928. С. 21.

¹⁶ Архимандрит Виталий // Курская быль. 1912. 4 января. № 3. С. 3.

¹⁷ В Почаевской лавре // Новое время. 1907. 3 июня. № 11215. С. 6.

«своеобразно смешались черты демагогии и самого крайнего сервизма; проповедь жестокого человеконенавистничества прикрывалась лицемерными фразами о христианской любви»¹⁸, — писал о почаяевском иноке журналист «Петроградского листка».

Отличительной особенностью Почаяевского отдела было широкое привлечение к его работе представителей православного духовенства. Это обстоятельство стало предметом критики не только со стороны политических оппонентов, но и администрации Почаяевской лавры, ассоциирующей Союз с погромами и иными проявлениями правого радикализма. Так, за аренду монастырского помещения для союзной лавки взималась высокая плата, монахам запрещали держать пай в ссудно-сберегательных кассах Почаяевского отдела¹⁹. Важно, что при этом архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) всегда поддерживал своего ученика и заступался за него. Отвечая в своем письме Н. А. Бердяеву, критиковавшему священников-черносотенцев, владыка Антоний указывал, что интеллигенция, не имея представления о сущности Союза, приписывает ему «служение ненависти, злобе и убийствам»²⁰. Архиепископ, являвшийся одним из организаторов СРН и почетным председателем Почаяевского отдела, охарактеризовал это объединение как «чисто народное, мужицкое, демократическое»²¹ и подчеркнул, что в отличие от официальных органов власти (Государственного совета и Государственной думы), лицемерно обсуждавших крестьянский вопрос, Союз действительно проявлял искренний интерес к народным нуждам. Для подтверждения этого тезиса он приводил в пример деятельность о. Виталия: «“Почаяевский союз” это, собственно, архимандрит Виталий. Кто он? Он кандидат богословия 37 лет, бывший преподаватель духовной семинарии, принявший монашество еще студентом, а теперь уже седьмой год трудящийся в Почаяевской лавре в скромном звании заведующего типографией при 600 руб. доходу в год, в маленькой комнате без мебели... Вот приезжайте к нам в лавру, приходите к ее проповеднической кафедре, когда он под открытым небом с каменного амвона часа по три в день увещевает пятитысячную толпу народа. Посмотрите на эти лица, на эти взоры, с уверенностью и отрадой устремленные к своему единственному у нас печальнику, заступнику и учителю. Потом не скажете, что у нас союз ненависти и злобы, а напротив, единственный на Руси союз народной помощи, помощи нравственной, юридической, экономической...»²².

Впрочем, среди духовенства было много тех, кто откликнулся на призывы о. Виталия, пополнив ряды союзных старост. Группа таких сельских батюшек

¹⁸ *Пилигрим*. Архимандрит Виталий // Петроградский листок. 1917. 8 (21) апреля. № 37. С. 2.

¹⁹ В Почаяевской лавре // Новое время. 1907. 3 июня. № 11215. С. 6.

²⁰ *Антоний (Храповицкий)*. Ответное письмо архиепископа Антония Н. А. Бердяеву о «Вехах» // Волынские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1909. № 38. 20 сентября. С. 793–794.

²¹ Там же.

²² Там же.

составила адрес на имя архимандрита, отметив, что на работу на народной ниве их особенно мотивировали присущие о. Виталию «нелицемерное желание послужить простому народу... постоянное трудничество то на молитве, то в беседах с народом, то в писании статей для народного органа... общительность, смирение и другие иноческие добродетели»²³. Подобные качества руководителя Почаевского отдела СРН выделил и журналист «Нового времени», охарактеризовавший о. Виталия как бесконечно скромного, но нравственно твердого человека, бескорыстно отдавшего всего себя «делу народного объединения, просвещения и взаимопомощи»²⁴. Политическую деятельность архимандрита приводили в пример «Екатеринославские епархиальные ведомости», призывавшие духовенство своей епархии «действовать смело, *единодушно и настойчиво*, подобно горячему борцу за Православие и Самодержавие Архимандриту Виталию... чтобы уберечь своих прихожан от тлетворного влияния агитаторов и темных личностей “слева”»²⁵.

Вторым обстоятельством, за которое цеплялись в своей критике противники Виталия (Максименко), были ежегодные 50-копеечные взносы членов СРН. «Явились на волынском горизонте о. о. иноки Илиодор и Виталий. Кликнули клич: несите, православные, по полтиннику и получите рай на земле. И земля для полевых работ, выделка шпилек, булавок, иголок в зимнее время — все к услугам мужика за “союзнический” полтинник»²⁶. Бедность волынских крестьян, связывавших с вступлением в Союз возможность улучшения своего материального положения, стала одним из факторов массовости Почаевского отдела. Сам о. Виталий в воспоминаниях указывал, что народ записывался в союз поголовно, включая младенцев, «“кого не запишете, тот не получит земли”»²⁷. Аграрный вопрос был важным аспектом в агитации архимандрита, стремившегося противопоставить революционным способам установления «крестьянской справедливости» мирные методы решения проблемы малоземелья. Взносы крестьян-союзников были использованы для организации ссудно-сберегательных касс, открытия складов и лавок, а позже стали основой капитала банка «Почаево-Волынский народный кредит». Обсуждая аграрный вопрос на страницах своих изданий, архимандрит допускал резкие выражения в адрес правительственной политики и чиновников, что не оставалось незамеченным представителями официальной власти. П. А. Столыпин, ссылаясь на отдельные статьи «Почаевских известий», отзывался о деятельности о. Виталия не только как о «не соответствующей видам правительства, но и препятствующей мероприятиям его по окончательному

²³ Адрес архимандриту Виталию // Земщина. № 188. 16 января. С. 4.

²⁴ В Почаевской лавре // Новое время. 1907. 3 июня. № 11215. С. 6.

²⁵ *Иерей Н.* В ожидании Государственной думы четвертого созыва // Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1912. № 19. С. 837.

²⁶ *Пимен. О.* Виталий в Москве // Волынская неделя. 1911. № 4. С. 5.

²⁷ *Виталий (Максименко).* Мотивы моей жизни. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1955. С. 180.

умиротворению края возбуждением племенной классовой вражды в разных слоях местного населения»²⁸. Почаевскому архимандриту неоднократно выносили предупреждения о выходе за пределы его компетенций, просили архиепископа Антония (Храповицкого) оказать на него воздействие, налагали штрафы, но так как все эти меры не привели к результату, «Почаевские известия» были закрыты в 1909 г.

О «непокорности» о. Виталия властям корреспондент «Волынской недели» писал так: «Почаев — государство в государстве. Здесь в общежитии свои неписанные законы, составленные о. Виталием. В тех случаях, когда эти законы противоречат общеимперским, коллизия решается тем, что законы Почаева отменяют законы общеимперские. Народ зовет о. Виталия: — Самый наибольший начальник. Выше всех генералов... Помещики всех направлений, и правые, и прогрессивные, величают архимандрита: — “Президент почаевской республики”»²⁹.

Как глава Почаевского отдела архимандрит также выступил организатором ряда патриотических и религиозных мероприятий, нашедших живой отклик у населения. Так, по его инициативе был возведен Георгиевский храм-мавзолей на месте Берестецкой битвы 1651 г. для сохранения исторической памяти о ней. Ежегодно сюда стекались тысячи богомольцев, отправлявшихся в крестные ходы вслед за почаевским архимандритом. «Волынские епархиальные ведомости» отмечали, что «заслуга этого способа пробуждать в народе его лучшие чувства несомненно принадлежит двум церковным деятелям на Волыни нашего времени — архимандриту Виталию и черномонаху Митрофану»³⁰. Благочинный Кременецкого городского округа в своем отчете за 1907 г. также фиксировал улучшение религиозно-нравственного состояния прихожан, указывая, что «поднятие религиозно-патриотического духа в крестьянах всецело принадлежит отеческой заботливости и неусыпным трудам Почаевского инока-патриота о. архимандрита Виталия»³¹.

Однако и это направление его деятельности подвергалось критике. Сотрудники либеральной газеты «Рада» в 1911 г., иронизируя по поводу надежд о. Виталия завершить возведение Георгиевского храма в ближайшее время, писали, что «не тільки немає “храма” в десятеро кращого за берестецький костьол, але й навіть немає вдсятеро гіршого за нього»³² («не только нет “храма” в десять раз лучше берестецкого костела, но и даже нет в десять раз хуже него»). Строительство действительно затягивалось из-за финансовых трудностей,

²⁸ Иванов А. А., Ковалева Е. О. «Поставить... под особо бдительный контроль»: переписка высших правительственных и церковных лиц о газете «Почаевские известия» (1908–1909) // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 4. С. 1028.

²⁹ Панкратов А. Почаевский «национализм» // Волынская неделя. 1912. № 36. С. 5.

³⁰ Из церковной жизни епархии // Волынские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1909. № 27. С. 569.

³¹ Выписка из отчета благочинного Кременецкого городского округа о состоянии его округа за 1907 год // Волынские епархиальные ведомости. Официальная часть. 1908. № 45. С. 706.

³² На Берестецькому полі // Рада. 1911. № 134. 15 июня. С. 2.

но все же к 1914 г. было закончено. То же издание не удержалось от комментариев по поводу состава участников крестного хода на «Казацкие могилы», указав на то, что архимандриту не удалось найти подходящих для процессии людей, поэтому «набрано було з вулиці дітвори, мабуть дітей старців, которых у Почаїві сила»³³ («набрано было с улицы детворы, вероятно детей старцев, которых в Почаеве множество»).

Теме Берестецкой битвы 1651 г. и ее исторического значения о. Виталий посвятил отдельные сочинения³⁴, а также лекции, с которыми приезжал в разные города Российской империи. Одна из них была зачитана в реальном училище г. Ровно, и дата выступления почаевского монаха совпала с днем 75-летия со дня кончины А. С. Пушкина. «Неправда ли, какая красивая комбинация: — А. С. Пушкин и “казацкие могилы?!...”». Лучше этого от Виталий ничего не мог придумать и ничего более интереснее этой комбинации он никогда не придумает»³⁵, — отпускали колкости в адрес почаевского инока сотрудники «Волынской недели». Журналисты этого издания считали, что архимандрит специально устроил свое выступление в этот день, желая получить славу, и сравнивали его поступок с деянием знаменитого Герострата, спалившего храм Артемиды ради известности. «И с полным правом можно сказать ему великие и мудрые слова: “Прочти и умри”. От души жаль только... реальное училище», — завершали свой едкий пассаж антагонисты архимандрита.

Нельзя не упомянуть, что современники часто сравнивали о. Виталия с еще одним ярким представителем Почаевского отдела СРН — о. Илиодором (Труфановым). Известный колумнист «Нового времени» и идеолог Всероссийского национального союза М. О. Меньшиков оставил свой комментарий по этому поводу: «“Виталий... это что-то в роде Илиодора”, — говорят не знающие его люди. Ничего подобного. Илиодор — мальчишка и по натуре — бунтарь, за долго до падения своего скомпрометировавший свой священнический и монашеский сан. Илиодор — эффектный актер, который на мнимой святости играл преступную роль»³⁶. Стоит отметить, что в критических заметках оппонентов больше внимания уделялось провокационному тону статей о. Илиодора, и даже после перевода этого скандального монаха из Почаева в Саратов, его судьба не перестала быть предметом их интереса. Отказывая Илиодору в адекватности и называя его ненормальным человеком, место которого должно быть не в монастыре, а в специализированном учреждении, сотрудники «Волыни»

³³ Під Берестечком // Рада. 1909. № 129. 9 июня. С. 1.

³⁴ См.: *Виталий (Максименко)*. Значение Берестецкой битвы в деле освобождения Малороссии и объединения России и наш долг пред историей // Библиотека Волынского союза русского народа. № 16. Почаев, 1911; *Его же*. Казацкие могилы под Пляшевой // Библиотека Волынского союза русского народа. № 29. Почаев, 1911; *Его же*. Крест под Берестечком. О славном украинском гетмане Зиновии-Богдане Хмельницком и Берестецкой битве 18–30 июня 1651 г. // Библиотека Волынского союза русского народа. № 16. Почаев, 1912.

³⁵ От Виталий и А. С. Пушкин // Волынская неделя. 1912. № 10. С. 14–15.

³⁶ *Меньшиков М.* Архимандрит Виталий // Почаевский листок. 1913. № 17. С. 12.

подчеркивали, что ответственность за его публикационную активность все же должен нести о. Виталий³⁷.

Архимандрит Виталий также допускал использование достаточно жестких выражений при обсуждении острых тем, однако его тон был более сдержанным. Но даже его соратники подмечали, что, ведя политическую полемику, он «нередко зарывается, нередко его слова слишком грубы для культурного слуха»³⁸, но видели этому оправдание в характере нападков политических врагов монаха. Так, комментируя «целый короб позорных обвинений», высказанных о. Виталием в адрес некоторых сотрудников земств, корреспондент «Курской были» отмечал, что подобные изречения нельзя оправдать, а скорее, нужно осудить, но принять во внимание смягчающее обстоятельство: «один из этих господ... на свои средства содержал присяжного газетного ругателя, упражнявшегося в нечистоплотном житомирском листке... этот газетчик за деньги вываливал целые ушаты помоев и грязи на самого архимандрита Виталия и на его друзей»³⁹.

В 1911 г. по инициативе почаяевского архимандрита был открыт банк «Почаево-Волынский народный кредит», предоставлявший крестьянам ссуды для приобретения земельных участков. Основу капитала учреждения, как отмечалось выше, составили 50-копеечные союзные взносы. Услуги банка пользовались большой популярностью у крестьянства, так что через два года запросы на выдачу ссуд явно превосходили его финансовые возможности. Архимандрит Виталий отправился в столицу и обратился в Государственный банк для получения субсидии в размере 150 тыс. рублей⁴⁰. Во время своего пребывания в Петербурге почаяевский инок успел побеседовать с М. О. Меньшиковым. Публицист описал свои впечатления от этой встречи и рассказал об экономической инициативе архимандрита в одной из статей: «Будучи сам выходцем из простого народа, отец Виталий (в миру — Максименко) понял, несмотря на свое академическое образование, что основа народного счастья — земля и что необходимо во что бы то ни стало отстоять эту “батькивщину”... Казна не организовала до сих пор этого кредита, ибо на мелкие казенные ссуды в 50–100 р. всего лишь на 9 месяцев из 12 % годовых — земли никакой не купишь... У архимандрита Виталия, известного многими организаторскими трудами на Волыни, явилась великая мысль — устроить простонародное общество взаимного кредита, которое избавило бы народ от когтей еврейских»⁴¹.

Политические конкуренты черносотенцев из либеральной газеты «Волынская неделя» по-другому интерпретировали поездки о. Виталия в Петербург за субсидиями, полагая, что подобные «финансовые поломничества» в надежде получить «сколько-нибудь “грошиков” из казенного сундука»⁴² свидетельствовали

³⁷ Изгоев А. С. Разбойничья литература // Волынь. 1906. 25 октября. № 253. С. 1–2.

³⁸ Архимандрит Виталий // Курская быль. 1912. 4 января. № 3. С. 3.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Меньшиков М. Архимандрит Виталий // Почаяевский листок. 1913. № 17. С. 15.

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Храевич К. Почаяевская клевета на волынскую сплотчину // Волынская неделя. 1912. № 29. С. 9.

об экономическом провале предприятия. «Петроградский листок» также охарактеризовал Почаевский банк как «нелепейшее с финансовой точки зрения сооружение банковского характера»⁴³, которое существовало только благодаря правительственным субсидиям и покровительству архиепископа Антония (Храповицкого), приказавшего духовенству вложить в учреждение церковный капитал. Однако материалы ежегодно публикуемых финансовых отчетов банка⁴⁴, результаты государственной ревизии⁴⁵ и тот факт, что учреждение не прекращало свою работу даже в годы Первой мировой войны, говорит об успехе созданного архимандритом банка.

Организационное устройство «Почаево-Волынского народного кредита» было следующим: в Почаеве находилось правление, а в селах при приходских советах открывались ссудно-сберегательные кассы, во главе которых часто стояли сельские батюшки. Последнее обстоятельство становилось предметом критики, так как многие считали недопустимым и осуждали участие духовенства в мирских учреждениях. Однако «ревностный организатор кооперативных учреждений»⁴⁶ о. Виталий не только на страницах своих изданий призывал священников не оставаться в стороне от этого дела, но и разъезжал по городам с докладами о своем «союзном» банке и его пользе для народа (один из них прозвучал в стенах Московского епархиального дома⁴⁷). Стоит отметить, что пример «Почаевского банка», руководимого «неутомимейшим труженником архимандритом Виталием»⁴⁸, стал для некоторых представителей духовенства источником вдохновения. Так, священник С. Козубовский, обращаясь к пастырям Ярославской епархии с призывами присматривать за своими пасомыми, отмечал, что современная деревня нуждается как никогда в опеке «искренних друзей народа, преданных церкви и русским народным идеалам»⁴⁹. В «Донских епархиальных ведомостях» также не видели никакого противоречия в том, что представители духовенства будут заботиться о «земном благополучии» народа, поскольку тем самым они привлекут к себе его в религиозном смысле и поспособствуют делу, которому служат⁵⁰.

Почаевский банк также принимал вклады от населения, их доходность зависела от срока размещения денежных средств и составляла от 4,5 до 8 % годовых.

⁴³ Пилигрим. Архимандрит Виталий. Петроградский листок. 1917. 8 (21) апреля. № 37. С. 2.

⁴⁴ Отчет Общества взаимного кредита под наименованием Почаево-Волынский народный кредит за первый операционный 1911 г. Почаев, 1912. 19 с.

⁴⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 1411. Л. 54–67.

⁴⁶ Зайц К., священник. К вопросу о кооперативных организациях // Полоцкие епархиальные ведомости. 1909. № 46. С. 901.

⁴⁷ Пимен О. Виталий в Москве // Волынская неделя. 1911. № 4. С. 5.

⁴⁸ Козубовский С., священник. Борьба с хулиганством // Ярославские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1914. № 31. С. 640.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ По поводу образования Обществ потребителей и устройства лавок при них // Донские епархиальные ведомости. 1911. № 36. С. 1008–1009.

Кредиты выдавали под 10 %. Журналисты из оппозиционных изданий интерпретировали обращения о. Виталия к крестьянам, в которых он разъяснял цели работы банка и давал инструкцию по использованию его услуг, как «посулы», способные вскружить голову волынским беднякам. Почаевского инока сравнивали с бунтовщиками XVIII в., обещавшими в своих зажигательных воззваниях отобрать землю у помещиков и перераспределить ее между крепостными⁵¹. «Если бы архимандрит Виталий не был бунтарем, зачем казалось бы ему устраивать какие-то особые крестьянские товарищества под эгидой Почаевской лавры»⁵², — приходил к выводу автор статьи «Волынских откликов».

Несмотря на то что о. Виталий часто придерживался провокационного тона, высказываясь по аграрному вопросу, бунтарем он не был, напротив, всегда отстаивал мирные способы решения проблемы крестьянского малоземелья, в том числе и посредством ссуд «Почаево-Волынского народного кредита». Это был «народник в лучшем смысле этого слова. Бедность, нищета, темнота, беспомощность и забытость нашего простого народа произвели глубокое впечатление на его душу. Вырвать его из этой бедноты материальной, из этого убожества духовного — вот в чем его задача... никогда Виталий не преследовал и не ополчался против русско-го землевладения и русской интеллигенции»⁵³, — такими видел истинные мотивы экономической деятельности архимандрита корреспондент «Курской были».

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что личность и деятельность о. Виталия вызывали противоречивые отзывы современников, но точно не оставляли их равнодушными. Политические противники ругали его за резкие выпады в свой адрес, обвиняли в жестокости, корыстолюбии и тщеславии, соратники же выделяли в нем аскетичность, самоотверженность в деле служения Церкви, неподдельную искренность в общении с крестьянами и отеческую заботу об их духовном и материальном состоянии. С уверенностью можно сказать, что личность и влияние о. Виталия вышли далеко за пределы Волынской губернии. Лидеры правого лагеря называли инока «замечательным русским человеком», «знающим верный секрет против революции»⁵⁴; указывали на него как на духовного авторитета⁵⁵, чьи экономические инициативы оказались «для иудеев куда страшнее случайных погромов»⁵⁶.

Однако наиболее точную характеристику личных качеств и инициатив почаевского инока, как нам кажется, дал В. В. Шульгин: «Я не буду утверждать, что в деятельности от. Виталия нет некоторых моментов, о которых

⁵¹ Русский. Почаевская лавра и финансовые операции // Волынские отклики. 1910. 26 ноября. № 6. С. 2.

⁵² Там же.

⁵³ Архимандрит Виталий // Курская быль. 1912. 4 января. № 3. С. 3.

⁵⁴ *Меньшиков М.* Архимандрит Виталий // Почаевский листок. 1913. № 17. С. 16.

⁵⁵ *Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С.* «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 150.

⁵⁶ *Марков Н. Е.* Думские речи. Войны темных сил. М., 2011. С. 581.

можно было бы пожалеть, но я с другой точки зрения должен вам сказать, что это человек, достойный глубочайшего уважения: во-первых, это аскет, затем это настоящий подвижник, который душу и тело отдал народу»⁵⁷.

Каким был архимандрит Виталий? Свидетельства исторических источников рисуют перед нами яркую, сложную и неоднозначную личность. Сын дьякона, рано лишившийся родителей, проведший детство и юность в бедности и лишениях. Его жизнь в Почаеве также отличали аскетичность и упорный труд. Многих современников в архимандрите поражала его неиссякаемая энергия, благодаря которой он сумел реализовать большое количество проектов. При этом на пути к их воплощению его не останавливали ни состояние собственного здоровья, ни угрозы со стороны представителей власти. Хотя далеко не со всеми высказываниями и мероприятиями о Виталия сегодня можно согласиться, следует признать, что это был неординарный человек, прирожденный народный лидер, искренне любивший крестьян и бескорыстно стремившийся помочь им.

Литература

1. Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.
2. Иванов А. А., Ковалева Е. О. Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волыни: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 2 (50). С. 46–64. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04
3. Иванов А. А., Ковалева Е. О. «Поставить... под особо бдительный контроль»: переписка высших правительственных и церковных лиц о газете «Почаевские известия» (1908–1909) // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 1022–1037. DOI: 10.21638/spbu24.2023.421
4. Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 140–156.
5. Карпунин Д. В. Черная сотня: вехи осмысления в России. М.: МГОУ, 2009. 387 с.
6. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
7. Ковалева Е. О. Архимандрит Виталий (Максименко) о славянском единстве и украинском вопросе // Русин. 2023. № 73. С. 181–193. DOI: 10.17223/18572685/73/11
8. Ковалева Е. О. Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка // Русин. 2022. № 67. С. 206–225. DOI: 10.17223/18572685/67/12
9. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2007. 744 с.
10. Омелянчук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев: НИУРВ, 2000. 168 с.
11. Поповкин А. А. Архиепископ Виталий (Максименко) как всеславянский деятель // Славянский альманах. 2003. М.: Индрик, 2004. С. 69–71.
12. Седова Я. А. Илиодор. Мистический друг Распутина. Т. 1. М.: Родина, 2022. 694 с.

⁵⁷ По вопросу об участии православного духовенства в западном земстве // Гродненские епархиальные ведомости. 1910. № 20–21. С. 302–303.

13. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
14. Федевич К. К., Федевич К. И. За Віру, Царя і Кобзаря. Київ: Критика, 2018. 308 с.

References

1. Ivanov A. A. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.: v 3 t. [Political parties of Russia. Late XIX – early XX centuries: in 3 vols]. T. 1. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2022. 599 p. (In Russ.).
2. Ivanov A. A., Kovaleva E. O. Deiatel'nost' arkhimandrita Vitaliia (Maksimenko) na Volyni: politicheskii ekstremizm ili protivodeistvie stikhiinomu radikalizmu? [Activities of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volhynia: Political extremism or counteraction of spontaneous radicalism?] // MCU Journal of Historical Studies. 2023. № 2 (50). P. 46–64. (In Russ.). DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04
3. Ivanov A. A., Kovaleva E. O. «Postavit... pod osobo bditel'nyi kontrol»: perepiska vysshikh pravitel'stvennykh i tserkovnykh lits o gazete «Pochaevskie izvestiia» (1908–1909) [“Put... under especially vigilant control”: Correspondence of Senior Government and Church Officials about the newspaper Pochaevskie Izvestia (1908–1909)] // Modern History of Russia. 2023. Vol. 13. № 4. P. 1022–1037. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu24.2023.421
4. Ivanov A. A., Mashkevich S. V., Puchenkov A. S. «Tsar' i narod: vot formula nashego vremeni». O vzgliadakh N. E. Markova v 1930-e gg. [“Tsar and people: That's the formula of our time”. About N. E. Markov's views in the 1930s.] // Modern History of Russia. 2014. № 1 (09). P. 140–156. (In Russ.).
5. Karpukhin D. V. Chernaia sotnia: vekhi osmysleniia v Rossii [The “Black Hundred”: Milestones in comprehension of Russia]. Moscow: MGOU, 2009. 387 p. (In Russ.).
6. Kir'yanov Yu. I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg. [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 464 p. (In Russ.).
7. Kovaleva E. O. Arkhimandrit Vitalii (Maksimenko) o slavianskom edinstve i ukrain'skom voprose [Archimandrite Vitaly (Maksimenko) about Slavic unity and the Ukrainian question] // Rusin. 2023. № 73. P. 181–193. (In Russ.). DOI: 10.17223/18572685/73/11
8. Kovaleva E. O. Vitalii (Maksimenko) i ego deiatel'nost' po sozdaniiu Pochaevskogo banka [Vitaliy (Maksimenko) and his efforts to create the Pochaiv Bank] // Rusin. 2022. № 67. P. 206–225. (In Russ.). DOI: 10.17223/18572685/67/12
9. Omelyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2007. 744 p. (In Russ.).
10. Omelyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie na territorii Ukrainy (1904–1914 gg.) [The Black Hundred Movement on the territory of Ukraine (1904–1914)]. Kiev: NIURV, 2000. 167 p. (In Russ.).
11. Popovkin A. A. Arkhiepiskop Vitalii (Maksimenko) kak vseslavianskii deiatel' [Archbishop Vitaly (Maksimenko) as an all-Slavic figure] // Slavianskii al'manakh. 2003. Moscow: Indrik, 2004. P. 69–71. (In Russ.).
12. Sedova Ya. A. Iliodor. Misticheskii drug Rasputina. T. 1 [Iliodor. Mystical friend of Rasputin. Vol. 1]. Moscow: Rodina, 2022. 694 p. (In Russ.).
13. Stepanov S. A. Chernaia sotnia. Chto oni sdelali dlia velichii Rossii? [The Black Hundred. What have they done for the greatness of Russia?]. Moscow: Iauza-press, 2013. 672 p. (In Russ.).
14. Fedevich K. K., Fedevich K. I. Za Viru, Tsaria i Kobzaria. [For Faith, Tsar and Kobzar]. Kiev: Kритика, 2018. 308 p. (In Ukr.).

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.04

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**«МЫ САМИ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ»:
ОТНОШЕНИЕ ЛИДЕРОВ РУССКИХ ПРАВЫХ ПАРТИЙ
НАЧАЛА XX в. К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается отношение лидеров русских правых партий и союзов начала XX в. (черносотенцев и националистов) к российской интеллигенции. Отмечается, что, несмотря на попытки представителей оппозиционно и революционно настроенной интеллигенции представить правых монархистов силой неинтеллигентной и некультурной, последние имели в рядах своих партий значительное число высокообразованных людей, чей род занятий дает все основания отнести их к русской интеллигенции. Показано, что отношение лидеров русских правых к современной им интеллигенции было негативным, поскольку она воспринималась как сила враждебная православию, царскому самодержавию и интересам русской народности. Указывая на оторванность либеральной интеллигенции от реальных народных нужд и интересов, правые ставили ей в упрек бесхарактерность, трусость, отсутствие управленческого опыта, потворство сепаратизму и революции, сознательную и бессознательную деятельность, наносящую ущерб интересам России. При этом вожди правых партий не отрицали значения интеллигенции для страны, также считая себя интеллигенцией, но не космополитической, а национальной; доказывали, что стране необходима интеллигенция, служащая интересам нации и государства, а не ведущая с ними борьбу. Выступая сторонниками формирования в стране национально-патриотической интеллигенции, лидеры правых предупреждали оппозиционно настроенных интеллигентов, что их заигрывания с революцией приведут не только к крушению самодержавия, но и к последующему разгрому самой интеллигенции.

Ключевые слова: Российская империя, интеллигенция, правые партии, монархисты, черносотенцы, русские националисты, либерализм, революция.

Для цитирования: Иванов А. А. «Мы сами интеллигенты»: отношение лидеров русских правых партий начала XX в. к российской интеллигенции // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 46–59. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.04

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.04

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

St. Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**“WE ARE INTELLECTUALS OURSELVES”:
THE ATTITUDE OF THE LEADERS
OF THE RUSSIAN RIGHT-WING PARTIES
OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY
TO THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA**

Abstract. The article examines the attitude of the leaders of the Russian right-wing parties and unions of the early XXth century (Black Hundreds and nationalists) to the Russian intelligentsia. It is noted that despite the attempts of representatives of the oppositional and revolutionary-minded intelligentsia to present the right-wing monarchists as unintelligent and uncultured, the latter had a significant number of highly educated people in the ranks of their parties, whose occupation gives every reason to attribute them to the Russian intelligentsia. Russian right-wing leaders' attitude towards the intelligentsia of their day was shown to be negative, since it was perceived as a force hostile to Orthodoxy, the tsarist autocracy and the interests of the Russian people. Pointing to the isolation of the liberal intelligentsia from the real needs and interests of the people, the right began to reproach it with lack of character, cowardice, lack of managerial experience, indulgence in separatism and revolution, conscious and unconscious activities that harm the interests of Russia. At the same time, the leaders of the right-wing parties did not deny the importance of the intelligentsia for the country, they also considered themselves an intelligentsia, but not cosmopolitan, but national; they argued that the country needed an intelligentsia serving the interests of the nation and the state, and not fighting them. Speaking as supporters of the formation of a national patriotic intelligentsia in the country, the leaders of the right warned oppositional intellectuals that their flirtations with the revolution would lead not only to the collapse of the autocracy, but also to the subsequent defeat of the intelligentsia itself.

Keywords: Russian Empire, intelligentsia, right-wing parties, monarchists, Black Hundreds, Russian nationalists, liberalism, revolution.

For citation: Ivanov A. A. “We are intellectuals ourselves”: the attitude of the leaders of the Russian right-wing parties of the early twentieth century to the Russian intelligentsia // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 46–59. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.04

Введение. Понятие «интеллигенция», впервые использованное Цицероном для обозначения «образованной демократии» (от *лат.* *intelligens* — знающий, понимающий), распространилось в России в 1860-е гг.¹ Термин этот нес в себе смысловую неопределенность и имел несколько толкований. С одной стороны, под интеллигенцией подразумевали тех, кто жил интеллектуальными интересами и составлял культурную среду общества, с другой — «социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности»². В узком же понимании этот термин обозначал лишь ту часть образованного российского общества, которая претендовала на право быть выразительницей народных интересов и духовными вождями широких масс. Несмотря на неоднородность русской интеллигенции, представленной во второй половине XIX – начале XX в. как консерваторами, так либералами и социалистами, в условиях острой политической борьбы это понятие стало сознательно политизироваться и сужаться до обозначения лишь той части образованных слоев общества, которые выступают против царского самодержавия, находятся в оппозиции правительству и в той или иной степени сочувствуют революционным идеям и движениям. Как отмечают современные авторы, «в русской литературе и публицистике в конце 19 – нач. 20 вв. интеллигент был представлен в образе человека высокой умственной и этической культуры, чуждого духу буржуазности и мещанства, противостоящего ретрограду»³.

Таким образом, в предреволюционной культуре термин «интеллигенция» стал обозначать не столько людей, занятых умственным трудом, сколько своеобразную субкультуру. В отличие от интеллектуалов, представителей образованного класса, интеллигенты, исходя из этой узкой трактовки, должны были обладать гражданской ответственностью, выступать в качестве «народной совести» и, как правило, быть критиками государственной власти и всего того, что, по их мнению, препятствует прогрессу. «Слово “интеллигенция” может употребляться, конечно, в различных смыслах, — писал в 1909 г. на страницах знаменитого сборника «Вехи» член ЦК Конституционно-демократической партии П. Б. Струве. — <...> Мы разумеем под интеллигенцией, конечно, не публику, бывающую на балах в дворянском собрании. Мы разумеем под этим наименованием даже не “образованный класс”. <...> Интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный:

¹ Меметов В. С., Расторгуев В. Н. Интеллигенция // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2013995 (дата обращения: 09.02.2024). См. также: Гайда Ф. А. «Русская интеллигенция»: рождение понятия // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. IV. № 2. С. 229–248; Егоров А. Миссия «интеллигенции» в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 141–149.

² Меметов В. С., Расторгуев В. Н. Интеллигенция.

³ Там же.

историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. С этой точки зрения интеллигенция, как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя в революцию 1905–1907 гг. <...> Идейной формой русской интеллигенции является ее *отщепенство* (курсив мой. — А. И.), ее отчуждение от государства и враждебность к нему»⁴.

В связи с этим представители либеральных и социалистических кругов, как правило, отказывали своим политическим оппонентам из консервативного лагеря в принадлежности к интеллигенции. Если же говорить о таком течении внутри правого лагеря Российской империи, как черносотенство, то оно самым решительным образом выступало антагонистом интеллигенции. Показательно, что уже в 1903 г. толкователь русской фразеологии М. И. Михельсон давал термину «черная сотня» следующую оценку: «партия неинтеллигентных гласных в [городской] думе»⁵. В 1906 г. писатель Д. С. Мережковский, придерживавшийся тогда весьма радикальных взглядов, в статье «Страшный суд над русской интеллигенцией» писал про черносотенцев: «...мысль вернуть Россию к старине допетровской, оторвав от участия в западноевропейской культуре, есть нечто гораздо более разрушительное для существующего порядка, нежели самые крайние мысли наших революционеров»⁶. Философ Г. П. Федотов, бывший в годы Первой российской революции социал-демократом, в 1929 г. замечал: «Многие уже забыли, что “черная сотня”, по происхождению самого слова, связана не с черным словом зла, а с низовыми, торгово-демократическими организациями старой Москвы. И это не только ономастика. <...> В презрении, с которым интеллигенция относилась к “черной сотне”, всегда слышался обертон брезгливости к плебсу, к грубой и дикой “черной кости”»⁷.

Историки правого движения обращали внимание как на наличие в нем интеллигентных сил, так и на отдельные высказывания вождей русских монархистов в отношении российской интеллигенции. С. А. Степанов отмечал факт существования «консервативной интеллигенции, озабоченной сохранением унаследованных воззрений», признавал наличие в руководстве монархических партий «высокообразованной интеллигенции» и приводил примеры негативного отношения черносотенцев к левой интеллигенции⁸. На критические высказывания правых по адресу российской интеллигенции обращал внимание и Ю. И. Кирьянов, также отмечавший, что «интеллигенция в большинстве своем после 1905–

⁴ Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. 2-е изд. М., 1909. С. 158–160.

⁵ Цит. по: Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка: сб. ст. М., 2018. С. 38.

⁶ Цит. по: Ябליков А. В. Правые кадеты и художественная интеллигенция в 1905–1907 годах // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 35.

⁷ Федотов Г. П. Революция идет // Современные записки. 1929. Т. 38. С. 332.

⁸ Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 82, 160, 190, 275, 326, 336, 348, 516 и др.

1907 г. считала неприличным вступать в правомонархические организации»⁹. И. В. Омелянчук чаще использует термин «правые интеллектуалы»¹⁰, хотя и не отказывается от словосочетания «правая интеллигенция»¹¹, справедливо отмечая, что «распространенное в исторической литературе мнение о том, что вся интеллигенция игнорировала правые организации, не имеет под собой достаточных оснований, во всяком случае, в период 1906–1913 гг.»¹². О наличии представителей интеллигенции в рядах Всероссийского национального союза (ВНС) — умеренно правой партии русских националистов — писали Д. А. Коцюбинский и С. М. Санькова, также приводившие отдельные цитаты, свидетельствующие об отношении русских националистов к интеллигенции¹³. Понятие «русская националистическая интеллигенция» используется в работе А. Э. Котова и Д. А. Федорова в отношении консервативных публицистов, публиковавшихся на страницах правого «Киевлянина» (В. Я. Шульгин, Д. И. Пихно)¹⁴. Показательно и то, что следственное дело бывшего лидера Всероссийского Дубровинского союза русского народа А. И. Дубровина было выпущено в сборнике «Репрессированная интеллигенция»¹⁵.

Вместе с тем специальных работ, в которых бы исследовалась проблематика отношения русских правых (как черносотенцев, так и националистов) к такому явлению, как интеллигенция, и его трактовкам, создано не было. Единственной работой, в которой специально рассматривался вопрос об отношении русского консерватизма к интеллигенции, является небольшая статья Н. Н. Козловой и С. В. Рассадина, но в ней обращено внимание лишь на взгляды консервативных мыслителей и деятелей — К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, Л. А. Тихомирова, в то время как взгляды на эту проблему лидеров правых политических партий обойдены стороной¹⁶. В связи с этим рассмотрение вопроса об отношении лидеров русских правых партий начала XX в. к российской интеллигенции представляется не только актуальным, но и обладающим научной новизной.

⁹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 32, 101–102, 229, 317.

¹⁰ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007. С. 18, 24.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. С. 182.

¹³ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 54, 64, 105, 122; Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 53, 180–181.

¹⁴ Котов А. Э., Федоров Д. А. Киевские консервативные публицисты о проблемах образования в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 876, 889.

¹⁵ Приговоренный к расстрелу дважды (коммунист-монархист Александр Иванович Дубровин) / публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934. М., 2010. С. 84–143.

¹⁶ Козлова Н. Н., Рассадина С. В. Сборка модели интеллигенции в русском консерватизме XIX – первой половины XX века // Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества: материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча», посвященной 85-летию доктора философских наук, проф. И. И. Осинского. Улан-Удэ, 2018. С. 105–110.

Представители интеллигенции в рядах правых организаций. О том, что руководящие органы черносотенных союзов и партии русских националистов были богаты на интеллектуальные силы, современные историки писали не раз. Идея основания в самом начале XX в. первой черносотенной организации Российской империи — Русского собрания, — призванного противостоять распространению либерально-космополитических идей, принадлежала консервативно настроенным представителям столичной интеллектуальной и чиновничьей элиты. Среди членов-учредителей Русского собрания значились историк финляндского вопроса, генерал М. М. Бородин; публицист неославянофильского направления А. В. Васильев; консервативный публицист и поэт В. Л. Величко; филолог-славист, профессор К. Я. Грот; юрист и литературный критик, барон Р. А. Дистерло; профессор Николаевской академии Генерального штаба, генерал А. М. Золотарев; редактор-издатель правой газеты «Свет» В. В. Комаров; историк византийского и древнерусского искусства академик Н. П. Кондаков; художник Н. А. Кошелев; историк Н. П. Лихачев (будущий академик АН СССР); издатель, журналист и драматург А. С. Суворин; этнограф и антрополог А. Н. Харузин; правовед, барон А. Н. Штиглиц; публицист и литературный критик Н. А. Энгельгардт; композитор и пианист С. В. Юферов и др. Первым председателем Совета Русского собрания был избран писатель, князь Д. П. Голицын (литературный псевдоним — Муравлин), его товарищами (заместителями) — публицисты А. А. Суворин и С. Н. Сыромятников. В разное время членами Русского собрания также были директор Археологического института Н. В. Покровский; знаменитый историк Д. И. Иловайский; филолог-славист П. А. Кулаковский и его брат историк, член-корреспондент Императорской Академии наук Ю. А. Кулаковский; организатор и руководитель первого в истории оркестра русских народных инструментов В. В. Андреев; будущий лауреат Сталинской премии в области литературы и искусства писатель В. Г. Ян (Янчевецкий) и др. Таким образом, костяк организации составили представители национально и монархически настроенной русской интеллигенции.

Руководящие органы крупнейших правых партий в плане образовательного ценза мало уступали другим политическим партиям, имея в своих рядах видных ученых (А. И. Соболевский, П. В. Никольский, А. С. Вязигин, Ю. А. Кулаковский, В. Ф. Залеский, Н. Ф. Катанов, М. Ф. Таубе и др.); юристов, врачей (основателем и председателем Ярославского отдела Союза русского народа (СРН) был выдающийся офтальмолог И. Н. Кацауров, а академик и доктор медицины Г. Е. Рейн, ставший главой первого в нашей стране Минздрава — Главного управления государственным здравоохранением, являлся членом Всероссийского национального клуба и Киевского клуба русских националистов (ККРН); педагогов (председателем Одесского Союза русских людей был преподаватель истории и директор гимназии Н. Н. Родзевич, а видным членом ККРН — директор киевской гимназии Н. В. Стороженко).

Вожди всероссийских правых союзов имели высшее образование. Лидер Русской монархической партии В. А. Грингмут, бывший известным консервативным

публицистом и редактором «Московских ведомостей», в свое время учился на историко-филологическом факультете Московского университета и преподавал древнегреческий язык в знаменитом Катковском лицее. Историко-филологический факультет Новороссийского университета окончил лидер СРН и Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) В. М. Пуришкевич. Основатель СРН и многолетний его председатель А. И. Дубровин был выпускником Военно-медицинской академии и имел степень доктора медицины. (Показательно, что один из лидеров черносотенцев — Б. В. Никольский, ученый-правовед, литератор и преподаватель высшей школы, — называл Дубровина «зажиточным интеллигентом»¹⁷.) Выпускником Санкт-Петербургского университета был председатель Союза русских людей (СРЛ) князь А. Г. Щербатов. Высшее образование имел и последний председатель СРН Н. Е. Марков, окончивший Институт гражданских инженеров.

На волне антиреволюционных настроений в черносотенные организации вступали и отдельные видные деятели русской культуры. Так, например, известный литератор, поэт, драматург и переводчик М. А. Кузмин записал в дневнике в ноябре 1905 г.: «...Черносотенец — не кличка, а историческое название, “Русское собрание” не унывает, есть “Союз русских людей”; и, видя это, слыша это, окруженный этим, а не газетными воплями, я чувствую себя бодрее... <...> Записался в “Союз Русского народа”»¹⁸. Членом Союза русского народа и Русской монархической партии (РМП) была писательница, переводчица и публицистка О. А. Новикова, ее брат — известный публицист славянофильского толка, генерал А. А. Киреев — также вступил в 1905 г. в СРН¹⁹. Активной участницей черносотенного движения в Москве была популярная в начале XX в. поэтесса Л. А. Кологривова (урожденная княжна Ухтомская). Можно также упомянуть и знаменитого советского писателя, Героя Социалистического Труда В. П. Катаева, в гимназические годы писавшего для органа Одесского губернского отдела СРН и воспевавшего на его страницах эту черносотенную организацию²⁰.

Богаты на интеллектуальные силы были и русские националисты. Среди идеологов ВНС были выдающийся публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков, известный психиатр профессор П. И. Ковалевский, правовед, заслуженный профессор и ректор Харьковского университета Н. О. Куплеваский. Среди членов союза и ККРН также были профессор Императорского университета св. Владимира в Киеве, психиатр И. А. Сикорский (отец выдающегося авиаконструктора), профессор кафедры геологии того же университета П. Я. Армашевский, историк П. Н. Ардашев, правовед П. Е. Казанский и др. Членами Русского собрания и одновременно

¹⁷ Б. В. Никольский. Дневник. 1896–1918: в 2 т. / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 2. С. 64–65.

¹⁸ Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомоллова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 68, 77.

¹⁹ А. А. Киреев. Дневник. 1905–1910 / публ. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 113.

²⁰ Курдюмов А. А. [Лурье Я. С.] В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Paris, 1983. С. 40–41.

политических структур русских националистов также являлись П. А. и Ю. А. Кулаковские, В. В. Андреев, историк А. В. Стороженко и др. Как не без оснований писал священник-монархист В. М. Пестряков, «вождями национализма являются представители интеллигенции»²¹. «Ложно прежде всего утверждение, что мир правых — это мир неинтеллигентных людей, — писал, в связи с этим, один из лидеров киевских правых А. И. Савенко. — <...> Разве патриотический русский лагерь не имеет своей интеллигенции? Разве в прошлом и настоящем мы не имели глубоких ученых, блестящих писателей, выдающихся политических деятелей? А возьмите партию правых в Государственном совете и в Думе: по уровню образованности эта партия стоит на первом месте»²².

Но вместе с тем, как отмечал Н. А. Энгельгардт, говоря о представителях русской интеллигенции, поддерживавших правые партии и союзы, это была лишь ее малая часть, поскольку «в русской интеллигенции тогда слова “патриот”, “любовь к отечеству” произносились с насмешкой и презрением»²³.

Отношение правых к интеллигенции. Касаясь вопросов культурной политики²⁴, просвещения и воспитания народа, правые не могли обойти вниманием и роль в этих процессах российской интеллигенции. Последняя, по убеждению лидеров и идеологов консервативных партий, в целом не соответствовала своему призванию, поскольку в большинстве своем была не национальной и далекой от реальных народных нужд и интересов. «Интеллигенция и русский народ — чужие друг другу», — констатировал член Главного совета СРН С. А. Володимеров²⁵. «Сбитой с толку» и «слабой духом» называл интеллигенцию в одной из своих листовок СРН²⁶. Член Главного совета СРН В. П. Соколов отзывался об интеллигенции как о «беспочвенном налете на толще народной», отмечая, что «воспитанная на иностранных образцах и теориях, оторванная от народа, сбившаяся с пути, она составляет главную язву современных бед. Долженствовавшая быть цветом нации, она тащится жалко в хвосте за Европой и строит химерические планы о насаждении чуждых России форм и теорий»²⁷. В. А. Грингмут считал, что «духовные основы русского народа оказались более крепкими и надежными, чем дряблые душонки русской либеральной “интеллигенции”, которая рада была забыть и Бога, и Царя, и Россию, лишь бы поплыть по модному

²¹ Пестряков В. М. Национализм и русское православное духовенство // Руководство для сельских пастырей. 1912. № 4. С. 100.

²² Савенко А. И. Заметки // Киевлянин. 1909. 25 июля.

²³ Энгельгардт Н. А. Эпизоды моей жизни: Воспоминания / публ. С. В. Шумихина // Минувшее. 1998. Т. 24. С. 37.

²⁴ См.: Иванов А. А. Культурная политика русских правых в начале XX в. // Российская история. 2023. № 6. С. 56–71.

²⁵ Володимеров С. Национализм в школе // Земщина. 1914. 24 декабря.

²⁶ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 79.

²⁷ Речь члена Главного совета В. П. Соколова, произнесенная на собрании 24 апреля // Вестник Союза русского народа. 1911. № 47. С. 10.

течению революции»²⁸. Нередко интеллигенция также именовалась дерзкой, наглой, истеричной, гнилой, пошлой, чужедумной, умственно протухшей, крамольной, преступной, предательской, революционной, поскольку в большинстве своем она совершенно не сочувствовала правым политическим взглядам, отдавала свои симпатии леволиберальным и революционным партиям и стремилась к ниспровержению существующего строя. «Две трети наиболее интеллигентного общества... за них», — писал лидер Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий в письме к председателю Одесского СРЛ Н. Н. Родзевичу, имея в виду под «ними» противников самодержавия²⁹. Заигрывавшей с революцией интеллигенции указывалось на то, что своими действиями она не только способствует крушению монархического государства, но и готовит себе «первую петлю»³⁰. Правыми также нередко подчеркивалась зависимость русской либерально-демократической интеллигенции от «еврейских интересов».

Лидер РНСМА Пуришкевич неоднократно нападал на «передовую российскую интеллигенцию», характеризуя ее как беспочвенную, озлобленную, антигосударственную, «не связанную одним корнем с русским народом», «духовно чужую и чуждую его мировоззрению»³¹. «...Наш общественный элемент, так называемая интеллигенция русская, в переводе на простой язык — извините за выражение — сволочь», — заявил Пуришкевич с трибуны Государственной думы, чем спровоцировал скандал и навлек на себя гнев либеральной и левой общественности³². О том же, но не столь грубо, писал и П. И. Ковалевский: «...Большинство русской интеллигенции не только анационально, но прямо антинационально. Оно порабощено социальным космополитизмом и сепаратизмом и с этой точки зрения является явным и резким противником и врагом своей нации и своей родины»³³. Следовательно, как отмечалось в постановлении монархического совещания в Саратове (1915), «правительство не имеет права передавать благополучие русского народа и будущность России в руки людей беспочвенных, от народа оторванных, не понимающих его мирозерцания, всеми силами добивающихся навязать несвойственные ему, а значит — вредные для него формы правления. Такими людьми является большинство нашей интеллигенции, не могущей даже своих дел устроить, как следует, а не только управлять государством, и за спиной которой стоят синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи...»³⁴

²⁸ *Грингмут В. А.* Патриотический вечер // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. М., 1910. С. 302.

²⁹ Правые партии. Т. 2. С. 552.

³⁰ *Борк А.* В чем заслуга черной сотни? // Русское знамя. 1907. 9 августа.

³¹ *Пуришкевич В. М.* Пред грозой. Правительство и русская народная школа. СПб., 1914. Приложение. С. IV; Народно-государственная партия. Программа и устав. Ростов/Д., 1919. С. 10–11.

³² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия IV. СПб., 1910. Стб. 831.

³³ *Ковалевский П. И.* Национализм и национальное воспитание в России. 3-е изд., доп. СПб., 1912. С. 58–59.

³⁴ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Петроград, 1916. С. 14.

Обвиняли правые российскую интеллигенцию также в трусости и бесхарактерности, отмечая, что взращенная на определенных шаблонах, она боится иметь собственное мнение, открыто и смело выражать его, предпочитая под видом корректности и умеренности скрывать свое «безграничное лицемерие». «... Современная наша интеллигенция, — отмечал «Вестник СРН», — не только совершенно не способна к каким-либо решительным действиям, но она даже разучилась определенно выражать свои мнения и облекает их в особую форму, дающую возможность толкования сказанного в какую угодно сторону»³⁵.

Касаясь вопросов обороноспособности и укрепления вооруженных сил империи, правые нередко выказывали свое недовольство стремлением «привлечь в ряды армии в усиленной степени безбожную, безнародную интеллигентщину»³⁶. «Сумеет ли Императорская русская армия перевоспитать эти интеллигентные массы, которые... вольются в благородные ряды русской армии, и, наоборот, не затопят ли эти грязные, мутные, преступные потоки, не замусят ли они чистое море русского войска, не опакостят ли, не опоганят ли они русской армии? — задавался вопросом Н. Е. Марков. — <...> Мы боимся... чтобы эти большие количества... слюнявых миролюбцев, слабосильных нытиков, тонконогих интеллигентов, страдающих конституционным рукоблудием, разъеденных революционной саркомой, — чтобы большие количества этих интеллигентов не испортили бы нашей русской армии»³⁷.

Однако, вопреки утверждению М. Горького, что клич крайне правых — «Долой интеллигенцию!»³⁸, монархисты не отказывались от этого термина, противопоставляя интеллигенции левой интеллигенцию правую. СРЛ, считая основной причиной революционной смуты «полную оторванность от родной почвы наших так называемых образованных классов», ставил своей целью «образование истинно русской интеллигенции, то есть людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ русский»³⁹. Открывая в декабре 1908 г. курсы при созданном по инициативе РНСМА Всероссийском экономическом рабочем союзе, Пуришкевич охарактеризовал их как начало «тесного единения русских рабочих с русскою интеллигенцией»⁴⁰. Н. Е. Марков, называя интеллигенцию «придатком к русскому народу», вместе с тем заявлял: «Мы сами интеллигенты»⁴¹. В. П. Соколов, отмечая, что часть интеллигенции поддерживает СРН, но «просит об этом не разглашать», выражал надежду, что «придет время, когда интеллигенция *открыто* пойдет

³⁵ Интеллигенция // Вестник Союза русского народа. 1911. № 53. С. 6.

³⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. СПб., 1911. Стб. 3076.

³⁷ Там же. Стб. 3076–3077.

³⁸ Максим Горький о Союзе русского народа // Речь. 1907. 4 (17) июля.

³⁹ Московские ведомости. 1905. 25 ноября.

⁴⁰ Правые партии. Т. 1. С. 538.

⁴¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. 3. Стб. 1271, 2024.

в Союз русского народа»⁴². Математик, философ и публицист, член Главного совета СРН барон М. Ф. Таубе, организовавший под конец жизни в Советской России кружок православной интеллигенции, выделял три вида интеллигентов: красные радикалы (сторонники социалистов и кадетов), интеллигенты «серой масти» (сторонники октябристов) и просвещенных русских людей «белого оттенка и светлого образа»⁴³. СРЛ ставил своею целью «образование истинно русской интеллигенции, то есть людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина — простеца богатыря — подвижника»⁴⁴. Кроме того, правые предлагали свое понимание того, каким должен быть русский интеллигент. Отмечая, что право называться интеллигенцией в России захватила «невежественная, беспочвенная, жалкая кучка наглых шарлатанов», Грингмут писал: «истинною *русскою* интеллигенцией может являться лишь та образованная часть русского народа, которая в ясном, отчетливом сознании стремится к тем же высоким идеалам, которые свято хранятся в глубоких тайниках русской народной души» и «должна быть олицетворением этих идеалов»⁴⁵. «“Интеллигентный человек”, — говорил Пуришкевич, — <...> стремясь войти в соприкосновение с каждой массой, некультурной и даже неграмотной, стремясь явиться ей на помощь, улучшить ее экономический быт, должен считаться с условиями жизни этой народной массы, с основным духовным credo ее, если желает быть понятым и оцененным». Попытки же интеллигенции произвести ломку традиционного мировоззрения и ее пренебрежение к исторически сложившейся жизни народа и его духовным запросам, продолжал политик, вызывают в массах лишь озлобление и недоверие. «Отсюда, — заключал он, — неудачи и разочарования, отсюда печальные и несправедливые выводы о склонности к косности и рутине тех классов, которые способны и к культуре, и к прогрессу, но в духе своего исторического прошлого в области верований, убеждений и экономического развития, в духе своего национального я»⁴⁶. П. И. Ковалевский, противопоставляя космополитической интеллигенции русскую национальную интеллигенцию, «проникнутую живым чувством кровной своей связи» с народом, а потому имеющей моральное право на интеллектуальное и общественное представительство своего народа, писал: «Без национального живого чувства и сознания интеллигенция это — отброс общественных групп, накипь на них, годная только в качестве механической служебной силы...»⁴⁷.

⁴² Речь члена Главного совета В. П. Соколова, произнесенная на собрании 24 апреля. С. 10.

⁴³ *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. С. 36.

⁴⁴ Правые партии. Т. 1. С. 77.

⁴⁵ *Грингмут В. А.* Объединение старообрядцев // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М., 1910. С. 295.

⁴⁶ Бессарабев. 1900. 22 марта.

⁴⁷ *Ковалевский П. И.* Национализм и национальное воспитание в России. С. 59.

Заключение. Очевидно, что отношение лидеров русских правых политических партий и союзов к современной им интеллигенции было негативным. За ней подмечались многие пороки, она воспринималась как несоответствующая своему высокому призванию и, главное, как одно из орудий по ниспровержению дорогих для сторонников православной самодержавной монархии принципов. В российской интеллигенции лидеры черносотенцев и русских националистов видели прежде всего людей, охваченных либеральными и социалистическими идеями, безразлично или враждебно настроенных по отношению к православию и самодержавию, индифферентных к интересам русской народности и оторванных от реальных народных нужд. В упрек интеллигенции также ставились бесхарактерность, трусость, шаблонность и несамостоятельность мышления, зависимость от сил и идей, которые русские правые считали враждебными интересам России. Но вместе с тем вопреки расхожему мнению правые не демонизировали само понятие «интеллигенция» и не отрицали ее значения для страны. Многие из вождей русских правых не стеснялись относиться к интеллигенции и себя, подчеркивая, что интеллигенция необходима стране при условии, что она служит интересам национальным и государственным, а не вступает с ними в конфликт и борьбу. Противопоставляя космополитической (беспочвенной) интеллигенции интеллигенцию национальную, вожди правых партий выражали надежду на то, что последняя в конечном счете возобладает и станет для простого народа проводником монархических и православно-патриотических взглядов, «цветом нации». В противном же случае, предупреждали они, интеллигенция своими заигрываниями с революцией не только приведет к крушению ненавистного ей политического строя и уклада жизни, но и свергнет страну в смуту, которая станет могильщиком не только для царизма, но и для самой интеллигенции.

Литература

1. Гайда Ф. А. Миссия «интеллигенции» в публицистике русского освободительно-го движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 141–149. DOI: 10.31857/S004287440006326-3
2. Гайда Ф. А. «Русская интеллигенция»: рождение понятия // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 2. С. 229–248. DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-229-248
3. Душенко К. В. Красное и белое: из истории политического языка: сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2018. 307 с.
4. Зябликов А. В. Правые кадеты и художественная интеллигенция в 1905–1907 годах // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 30–41.
5. Иванов А. А. Культурная политика русских правых в начале XX в. // Российская история. 2023. № 6. С. 56–71. DOI: 10.31857/S2949124X23060068
6. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
7. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Сборка модели интеллигенции в русском консерватизме XIX – первой половины XX века // Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества: материалы XII Международной

научной конференции «Байкальская встреча», посвященной 85-летию доктора философских наук, проф. И. И. Осинского. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. С. 105–110.

8. Котов А. Э., Федоров Д. А. Киевские консервативные публицисты о проблемах образования в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 875–889. DOI: 10.21638/spbu02.2023.404

9. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.

10. Курдюмов А. А. [Лурье Я. С.]. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Paris: La Presse Libre, 1983. 294 с.

11. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2007. 744 с.

12. Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Издатель Светлана Зенина, 2006. 370 с.

13. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.

14. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. 557 с.

References

1. Gayda F. A. «Russkaia intelligentsiia»: rozhdenie poniatiiia [“Russian intelligentsia”: the birth of the concept] // *Filosofia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. 2020. Vol. 4. № 2. P. 229–248. (In Russ.). DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-229-248

2. Gayda F. A. Missiia «intelligentsii» v publitsistike russkogo osvoboditel'nogo dvizheniia (1882–1909) [The mission of the “intelligentsia” in the journalism of the Russian liberation movement (1882–1909)] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2019. № 9. P. 141–149. (In Russ.). DOI: 10.31857/S004287440006326-3

3. Dushenko K. V. Krasnoe i beloe: iz istorii politicheskogo iazyka: sbornik statei [Red and white: from the history of political language: digest of articles]. Moscow: INION RAN, 2018. 307 p. (In Russ.).

4. Ziablikov A. V. Pravye kadety i khudozhestvennaia intelligentsiia v 1905–1907 godakh [Right cadets and art intelligentsia in 1905–1907] // *Intelligentsia and the world*. 2012. № 2. P. 30–41. (In Russ.).

5. Ivanov A. A. Kul'turnaia politika russkikh pravyykh v nachale XX v. [Culture policy of the Russian rightists at the beginning of the XXth century] // *Rossiiskaia istoriia* [Russian History]. 2023. № 6. P. 56–71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S2949124X23060068

6. Kir'ianov Yu. I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg. [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 464 p. (In Russ.).

7. Kozlova N. N., Rassadin S. V. Sborka modeli intelligentsii v russkom konservativizme XIX – pervoi poloviny XX veka [Constructing models of the intellectuals in the Russian conservatism of the XIX – first half of XX century] // *Intelligentsiia i problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii sovremennogo obshchestva: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Baikal'skaia vstrecha”, posviashchennoi 85-letiiu doktora filosofskikh nauk, prof. I. I. Osinskogo*. Ulan-Ude: Buriatskii gosudarstvennyi universitet, 2018. P. 105–110. (In Russ.).

8. Kotov A. E., Fedorov D. A. Kievskie konservativnye publitsisty o problemakh obrazovaniia v pozdneimperskoi Rossii [Kievan Conservative Journalists on the Problems of Education in Late Imperial Russia] // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2023. Vol. 68. Issue 4. P. 875–889. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu02.2023.404
9. Kotsiubinskii D. A. Russkii natsionalizm v nachale XX stoletii: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiiskogo natsional'nogo soiuzha [Russian nationalism at the beginning of the XXth century: The birth and death of the ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 528 p. (In Russ.).
10. Kurdiunov A. A. [Lurie Ya. S]. V kraiu nepuganykh idiotov. Kniga ob Il'fe i Petrove [In the land of undeterred idiots. The book about Ilf and Petrov]. Paris: La Presse Libre, 1983. 294 p. (In Russ.).
11. Omelyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [Black Hundred movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2007. 744 p. (In Russ.).
12. San'kova S. M. Russkaia partiia v Rossii: obrazovanie i deiatel'nost' Vserossiiskogo natsional'nogo soiuzha (1908–1917) [The Russian Party in Russia: formation and activity of the All-Russian National Union (1908–1917)]. Orel: Izdatel' Svetlana Zenina, 2006. 370 p. (In Russ.).
13. Stepanov S. A. Chernaia sotnia. Chto oni sdelali dlia velichiia Rossii? [The Black Hundred. What have they done for the greatness of Russia?] Moscow: Iauza-press, 2013. 672 p. (In Russ.).
14. Shevtsov A. V. Izdatel'skaia deiatel'nost' russkikh nesotsialisticheskikh partii nachala XX veka [Publishing activities of Russian non-socialist parties of the early 20th century]: dissertatsiia doktora filologicheskikh nauk. Saint-Petersburg, 1998. 557 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Омельянчук Игорь Владимирович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

omelyanchukiv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-7535-2612

**ВЗГЛЯДЫ МОНАРХИСТОВ
НА РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация. Представители возникшего в годы Первой русской революции монархического лагеря изначально выступали за установление самых тесных отношений с полубабсолютистской кайзеровской Германией как носительницей «монархических начал» и против сближения с французской и английской «демократиями», пример которых, как полагали они, может вдохновить российскую оппозицию на изменение политического строя. В пользу союза с Германией, по мнению правых, говорили взаимовыгодная торговля, близость династий и отсутствие геополитических противоречий между империями. Однако одобренные Германией действия Австрии в период Боснийского кризиса 1908 г. немного охладили пыл сторонников прогерманской внешнеполитической ориентации и появились голоса, призывающие опасаться «тевтонского» милитаризма.

Начало Первой мировой войны вынудило монархистов отказаться от своих прежних взглядов и выступить в поддержку Антанты за полный разгром Германии. Однако либеральная оппозиция, нарушая принцип «священного единения» (отказ всех партий от политической борьбы до окончания войны) для дискредитации своих политических противников не постеснялась использовать довоенное германофильство правых в качестве предлога для обвинения их в стремлении заключить сепаратный мир с Германией и даже в пособничестве врагу. И хотя правые не давали для этого никаких поводов (если не считать выражение ими опасений по поводу гегемонистских устремлений Великобритании, что тоже подавалось либералами как неизжитое монархистами германофильство), умело проведенная оппозицией дискредитация провластных монархических партий принесла свои результаты: в «измену» правых (а с ними и в «измену» правительства) поверила не только российская общественность, но и союзники по Антанте, единодушно поддержавшие совершенный оппозицией Февральский переворот из-за опасений выхода России из войны.

Ключевые слова: Россия, Германия, Антанта, внешняя политика монархические партии, Первая мировая война, Февральская революция.

Для цитирования: Омелянчук И. В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 60–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Omelyanchuk Igor V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

omelyanchukiv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-7535-2612

**MONARCHISTS' VIEWS
ON RUSSIAN-GERMAN RELATIONS
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Abstract. Representatives of the monarchical camp that arose during the years of the first Russian Revolution initially advocated the establishment of the closest relations with the semi-absolutist Kaiser Germany, as the bearer of “monarchical principles” and against rapprochement with the French and English “democracies”, the example of which, they believed, could inspire the Russian opposition to change political system. In favor of an alliance with Germany, according to the right, mutually beneficial trade, proximity of dynasties and the absence of geopolitical contradictions between empires spoke. However, the actions of Austria approved by Germany during the Bosnian crisis of 1908 slightly cooled the ardor of supporters of a pro-German foreign policy orientation and voices appeared calling for fear of “Teutonic” militarism.

The outbreak of the First World War forced the monarchists to abandon their previous views and come out in support of the Entente for the complete defeat of Germany. However, the liberal opposition, violating the principle of “sacred unity” (refusal of all parties from political struggle until the end of the war) to discredit its political opponents, did not hesitate to use the pre-war Germanophilism of the right as a pretext to accuse them of seeking to conclude a separate peace with Germany and even of aiding the enemy. And although the right did not give any reasons for this (except for their expression of fears about the hegemonic aspirations of Great Britain, which was also presented by the liberals as Germanophilism that had not been overcome by the monarchists), the skillfully carried out discrediting of the pro-government monarchist parties by the opposition brought its results: in the “betrayal” of the right (and with them and in the “treason” of the government) not only the Russian public believed, but also the Entente allies, who unanimously supported the February coup carried out by the opposition due to fears of Russia’s withdrawal from the war.

Keywords: Russia, Germany, Entente, foreign policy, monarchical parties, World War I, February Revolution.

For citation: Omelyanchuk I. V. Monarchists’ views on Russian-German relations at the beginning of the XX century // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 60–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05

Введение. Вопросы внешней политики в соответствии с основными законами Российской империи относились исключительно к компетенции монарха. Однако неудачная для России война с Японией, следствием которой стали революционные потрясения 1905–1907 гг., продемонстрировала представителям всех политических сил степень влияния внешней политики (особенно нерезультативной) на внутривнутриполитические процессы. В результате тема международных отношений довольно прочно закрепились в общественно-политическом дискурсе России в предвоенный период. Даже монархисты высказывались по вопросам внешней политики, вероятно полагая, что, реализуя славянофильский принцип «земле — свободу мнений, царю — свободу решений», они нисколько не посягают на внешнеполитические прерогативы монарха.

Монархисты традиционно настороженно относились к парламентской монархии Великобритании и республиканской Франции и симпатизировали Германии, политическая система которой была наиболее близка к российскому самодержавию. Кроме того, дружественные отношения с Германской империей обеспечивали русским помещикам, игравшим заметную роль в правом движении, стабильные прибыли от экспорта зерна. Масштабный же импорт продукции германского машиностроения беспокоил лишь промышленную буржуазию, представителей которой в монархическом лагере практически не было.

Ход и результаты исследования. В 1906 г. обрусевший немец, барон М. Ф. Таубе в журнале «Мирный труд» опубликовал свою работу «Образование великодержавных единиц», посвященную проблемам геополитики. Там он доказывал, что будущее принадлежит «миродержавам» — объединившимся политически материкам. То, что Евразия со временем будет единой, он не сомневался, но вопрос, кто завершит это объединение — «варварский южно-азиатский», «западный романо-германский» или «средний греко-славянский мир», — М. Ф. Таубе оставлял открытым, полагая что основная борьба развернется между Россией и Германией. Но так как последняя не обладает «материковой существенностью» и составляет «всего одну седьмую часть западноевропейского единства», то она не может долго занимать самостоятельного положения в «строю мировых держав»¹. Таким образом, в 1906 г. он еще рассматривал как вполне вероятный сценарий борьбы за материковую гегемонию между Россией и Германией. Однако в начале 1907 г. М. Ф. Таубе уже доказывал, что Германия и Россия должны выступить вместе против Британии, стремящейся к мировой гегемонии: «России выгоднее продолжать дружбу с немцами в борьбе с английским китом, пока кит не утомится на условиях славянского возрождения. Русский народ непосредственным чувством своим чует эту связь земельную и кровную с ближним соседом, неразлучным по материковому непосредственному сопрокосновению». С другой стороны, русское крестьянство, наоборот, «чувствует рознь с дальним заморским коварством... англичанина, обидчика буров-крестьян»².

¹ Таубе М. Образование великодержавных единиц // Мирный труд. 1906. № 3. С. 192, 193.

² Русское знамя. 1907. 25 января. № 19.

Особенно встревожило монархистов стремление Англии заключить союз с Россией в рамках Антанты. Летом 1907 г., когда этот процесс вошел в завершающую стадию, печатный орган Союза русского народа (СРН) газета «Русское знамя» задавалась вопросом: отчего «Англия ищет вдруг сближения с Россией»? По мнению газеты, сейчас Россия «вычеркнута из состава морских держав», однако «если она через пять десять лет возродится как таковая, то может легко случиться, что она пойдет, пожалуй, рука об руку с Германией и против той же Англии как общего врага... Вот этой-то комбинации, могущей произойти... в Лондоне бояться хуже огня»³. Таким образом, Российская империя должна стремиться к союзу с империей Германской против империи Британской. Член Государственной думы и лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) В. М. Пуришкевич также полагал, что целью сближения Англии с Россией является лишь взаимное ослабление Берлина на Западе и Петербурга на Востоке, «вздумавших препятствовать английской гегемонии»⁴.

Правый публицист К. Н. Пасхалов в своей работе «С Англией или Германией?» (1908) попытался выступить арбитром в споре колумниста «Нового времени», националиста М. О. Меньшикова, опасавшегося сближения с Англией из-за реакции Германии, и внепартийного правого публициста С. Ф. Шарапова, являвшегося поборником русско-английской дружбы. Разбирая их газетную полемику, К. Н. Пасхалов указал на стремление Великобритании к мировому владычеству, достичь которого ей может помешать только Россия. Установить своеобразный кондоминиум двух держав над миром не получится, «да и Англия вовсе не стремится к совладычеству с Россией, которую она в своей британской гордыне никогда не признает себе равной; она стремится к *исключительному* господству над миром»⁵. Еще одним препятствием к «мировой гегемонии» Англии стала возникшая в 1871 г. Германская империя. Таким образом, «у несомненно умных и дальновидных государственных людей Англии явилась мысль одно препятствие сокрушить другим и сделать попытку заставить Россию и Германию разбиться друг от друга и разом освободиться от обоих конкурентов»⁶. Следовательно, германо-русское противостояние в интересах одного лишь Лондона, но никак не Петербурга, заключал К. Н. Пасхалов.

Однако аннексия Боснии и Герцеговины, осуществленная 7 октября 1908 г. Австро-Венгрией, подорвала доверие к ее союзнику Германии и несколько поумерила пыл правых, выступавших за сближение со Вторым рейхом. Так, лидер Союза русских людей (СРЛ), князь А. Г. Щербатов в 1908 г. уже среди вероятных противников, наряду с Японией на Востоке, а также Турцией и Китаем на Юге, называл и Германию на Западе, подчеркивая, что «промышленно-торговое развитие Германии, захват ею английских, голландских, французских

³ Русское знамя. 1907. 7 июля. № 147.

⁴ Подробнее см.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 223.

⁵ *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос. М., 2008. С. 589.

⁶ Там же.

и русских торговых центров, рост ее коммерческого флота представляют собой проявления ее народной мощи, более опасные для ее соседей, чем ее армия и флот». Поэтому Россия, имея добрососедские отношения с Германией, «заведомо укрепляется и сосредоточивает на западной границе свои войска»⁷.

В 1909 г. член «Русского собрания» Ф. С. Хлеборад предлагал даже создать Всесветную лигу мира (союз Англии и Великой федерации славян во главе с Российской империей) для прекращения гонки вооружений и создания для России мирной передышки, чтобы восстановить силы «после несчастной войны и кровавой смуты»⁸. Вероятно, Ф. С. Хлеборад, видя реальную угрозу для России со стороны Германской империи, несколько позабыл о той роли, которую сыграла Великобритания в Русско-японской войне и поражении в ней России.

Однако об этом хорошо помнил В. М. Пуришкевич, еще в конце 1908 г. заявивший с думской трибуны, что в случае достижения соглашения с Британской империей лондонское правительство просто «нас надует» и «все кончится лишь к выгоде Англии». Поэтому вместо «кислой дружбы с Англией», которая однозначно «принесет нам только вред», он выступал за построение «самых прочных отношений с теми соседями, которые веками граничат с нами на многие тысячи верст»⁹, т. е. с Германией.

«Русское знамя» (номер от 1 июля 1909 г.) также предостерегло от «горячей любви, которой воспылали думские политиканы «кадюки» [кадеты] и «октябри» [октябристы] к английскому правительству». На своих страницах газета процитировала часть письма В. М. Пуришкевича, опубликованного в немецкой газете *Kreuzzeitung* и призывающего к союзу с Германией, а не с Англией, которая «переживает сейчас один из самых критических моментов в своей истории». По мнению правого политика, «охваченная паникой вследствие последних изобретений в области техники воздухоплавания, приблизившего ее недоступные берега к континенту», растерявшая свое морское могущество «вследствие роста морского могущества Германии... встревоженная промышленной конкуренцией в Европе Германии, Японии в Азии, Англия мечется в поисках не за союзником, а за тем государственным телом, которое могло бы стать орудием ее дипломатии на Востоке и на Западе, которое могло бы в самый критический для нее момент... принять на себя удар наиболее страшного для нее политического противника и тем отдалить час ее экономического и политического падения». Англия хочет столкнуть «кулаками» Россию и Германию «во славу... английской гегемонии на море и сохранения за нею рынков сбыта». Обе стороны этого конфликта, истощив друг друга в бессмысленной войне, таким образом, просто своими руками вынут каштаны из огня для Британской империи. Следовательно, заключал В. М. Пуришкевич, «кислая дружба с Англией,

⁷ Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности. М., 2010. С. 110, 156, 109.

⁸ Хлеборад Ф. С. Объединение славян — залог всесветного мира // Мирный труд. 1909. № 1. С. 169.

⁹ Цит. по: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич. С. 223, 224.

за которую поехали никем не уполномоченные члены русской Государственной Думы, принесет нам только вред», а представители оппозиции, «говорящие там речи любви от имени русского народа — самозванцы, лгут на русский народ, ибо кроме ненависти к Англии, ничего другого к ней русский народ не питает, помня хорошо свое прошлое, которое они успели позабыть»¹⁰.

Вновь к вопросу о выборе союзников на международной арене правые вернулись в начале 1912 г., когда Россию посетила английская делегация. РНСМА посвятил этой проблеме специальное заседание своего руководящего органа — Главной палаты, — состоявшееся 13 января. В ходе этого заседания Ю. С. Карцовым был прочитан доклад, посвященный взаимоотношениям трех империй — Российской, Германской и Британской. Указав на положительные и отрицательные стороны сближения с Германией и Англией, докладчик «пришел к заключению, что Англия, видя для себя опасность, ввиду все усиливающегося торгового значения и морского могущества Германии, ищет сближения с Россией, чтобы тем самым ослабить свою соперницу», поэтому «государственные интересы России требуют союза не с Англией, а с Германией; ибо война России с Германией повела бы к печальным результатам, не только Россию, — но даже и всю континентальную Европу и, мало того, чрезмерно усилила бы господство Англии»¹¹. Доклад, как сообщалось, «вызвал оживленные прения», после которых Главная палата РНСМА отправила главе МИДа С. Д. Сазонову, придерживавшемуся откровенно проанглийской ориентации, телеграмму, в которой выражалась «уверенность, что приезд дорогих гостей (английской делегации. — *И. О.*) есть дело мира, а потому ни в коем случае не повлияет на ухудшение... наших отношений с Германией, в которых Союз видит могучий оплот монархических принципов среди кругов бушующего моря революции...»¹². Вторая телеграмма была отправлена обер-прокурору Св. Синода и выражала опасения по поводу возможного сближения с Англиканской церковью, что «породит опасные смущения в сердцах верных сынов Православной Церкви» и могут возникнуть «ереси, опасные не только для Церкви, но и для государства»¹³.

После визита английской делегации крайне правая газета «Гроза» писала, что, учитывая возрастающую экономическую и военную мощь Германии, в настоящее время у Британии не имеется достаточно сил для сохранения своих колониальных владений, которые будут немедленно потеряны «после первого, даже победоносного столкновения на море» с Германией. В результате Туманный Альбион ищет союзников, чтобы с их помощью ослабить своего главного соперника — Германию, полагая, что последняя является общим врагом и для России, и для Англии. Однако, если немцы в действительности являются для англичан непримиримыми врагами, то «для России они друзья» и разрушать эту дружбу на пользу нашему настоящему врагу — Англии, —

¹⁰ Русское знамя. 1909. 1 июля. № 144.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 121. 1912 г. Д. 117. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же.

в свое время «предательски помогавшей Японии нанести нам поражение», нет никаких оснований, утверждала «Гроза»¹⁴.

Один из отцов-основателей русской школы геополитики А. Е. Вандам (Едрихин) в своей книге «Наше положение», вышедшей в 1912 г., писал: после того как германский император Вильгельм II объявил, что «будущее Германии лежит на море», лозунг этот был воспринят англичанами «как вызов на борьбу не на жизнь, а на смерть»¹⁵, ибо Британская империя «на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море смотрела и продолжает смотреть как на посягательство на ее жизненные интересы». Следовательно, сейчас Англия готовится к борьбе «против очередного и последнего из ее серьезных соперников — Германии»¹⁶. «Но так как для серьезного обессиления перво-классной европейской державы одной морской победы над нею совершенно недостаточно, а необходимо глубокое поражение ее на суше, то сама Англия начнет войну (с Германией. — *И. О.*) лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию и Францию». Однако у Германии и России сходные геополитические задачи, а именно — «жестоко высмеивавшееся Англичанами наше стремление к “теплой воде” и высмеиваемое теперь желание Германцев иметь “свое место на солнышке”», которые, по мнению А. Е. Вандама, «не заключают в себе ничего противоестественного»¹⁷. Таким образом, союз с Англией против Германии не отвечает нашим национальным интересам, а англичанам, присвоившим себе «исключительное право на пользование всеми благами мира... следует и защищать его одними собственными силами», полагал А. Е. Вандам¹⁸.

Прогерманские внешнеполитические ориентиры правых, хотя и не влияли на внешнеполитическую линию русского правительства, тем не менее вызывали недовольство союзников по Антанте, опасавшихся, что рано или поздно не мытьем, так катаньем монархистам удастся изменить настроения в русском Министерстве иностранных дел. Как в своих мемуарах отметил посол Франции в России М. Палеолог, лидеры монархистов (председатель обновленческого СРН¹⁹ и глава правой фракции в Думе Н. Е. Марков 2-й, председатель РНСМА В. М. Пуришкевич, редактор-издатель правого журнала «Гражданин», князь В. П. Мещерский, член-учредитель Русской монархической партии Г. Г. Розен и др.) активно выступали за союз с Германией вплоть до лета 1914 г., надеясь «усилить православный царизм тесным союзом с прусским самовластием».

¹⁴ Гроза. 1912. 20 января. № 306.

¹⁵ Вандам А. Е. Наше положение. СПб., 1912. С. 199, 200.

¹⁶ Там же. С. 198.

¹⁷ Там же. С. 202–204.

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ В 1911 г. СРН раскололся на две отдельные организации — собственно Союз русского народа (обновленческий) под руководством сначала А. А. Римского-Корсакова, а затем, с 1912 г. — Н. Е. Маркова 2-го, и Всероссийский дубровинский Союз русского народа, лидером в котором остался первый председатель СРН А. И. Дубровин. Подробнее о причинах раскола СРН см.: *Омельяничук И. В.* «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139.

Причем для смены политического курса монархисты, точнее князь В. П. Мещерский, не стеснялись использовать и столь одиозную фигуру, как Г. Е. Распутин²⁰.

10 мая 1914 г. в разгар «газетной войны»²¹ Н. Е. Марков 2-й заявил, что для англичан «выгодно, чтобы Россия с Германией воевали, ибо они во всяком случае разобьют себе лбы, а Англия будет только усиливаться». По его мнению, «от дружбы с Англией мы реального почти ничего ожидать не можем. А вот дружбу с Германией мы постепенно растрчиваем, и эта дружба не далее японской войны нам давала серьезные доказательства своей реальности, а не фиктивности». Отметив, что Тройственный союз уже заключен и спорить с этим фактом бессмысленно, Н. Е. Марков 2-й в то же время подчеркнул, что в результате всех этих групповых соглашений (Антанта и Тройственный союз) может наступить война и необходимо стремиться хотя бы ослабить те негативные последствия, которые возникли в результате «неправильной группировки», т. е. союза с Англией против Германии, и «посмотреть: нельзя ли эту группировку изменить, — правильнее»²².

Н. Е. Марков 2-й сомневался, что между Россией и Германией имеются неразрешимые противоречия. В частности, он заявил, что в черноморские проливы Россию не пускает отнюдь не Германия и ее генерал Лиман фон Зандерс (глава немецкой военной миссии в Османской империи), «а именно наша дружественная Англия». Соответственно, он ставил под сомнение «саму основу нашей политики, т. е. вот ту группировку тройственного согласия, идущего против тройственного союза». Н. Е. Марков 2-й подчеркивал, что в настоящее время у нас нет причин для войны с Германией, с которой мы жили в мире более ста лет, нужна война между Францией и Германией, между Англией и Германией, «но между Россией и Германией война не нужна ни для России, ни для Германии». Следовательно, настаивал лидер правой фракции, главная задача нашей дипломатии заключается «в возможном отыскании миролюбивого, не нарушающего достоинства ни той, ни другой стороны, не нарушающего взаимных интересов соглашения с Германией»²³. По мнению Н. Е. Маркова 2-го, «это единственный способ избежать ужаснейшей войны, результаты которой никто не может учесть». Скромно назвав себя обывателем, правда имеющим «собственные мозги», Н. Е. Марков 2-й так изложил главный тезис своего доклада: «Я думаю, господа, по-обывательски, что лучше вместо большой дружбы с Англией иметь

²⁰ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. 2-е изд. М., 1991. С. 66, 67, 102.

²¹ «Газетная война» — полемика германских и русских газет весной 1914 г., начало которой было положено публикацией в немецком внешнеполитическом официозе — газете *Kölnische Zeitung* — статьи, содержащей обвинение России в подготовке совместно с Францией агрессии против Германии не позднее 1917 г. Подробнее см.: Котов Б. С. «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 87–97.

²² Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил. М., 2011. С. 100.

²³ Там же. С. 103.

маленький союз с Германией... здесь, мне кажется, мы гораздо легче можем договориться»²⁴. Впоследствии эти слова Н. Е. Маркова 2-го не раз припоминали его политические оппоненты, прерывая выступления лидера правой фракции криками: «Маленький союз с Германией!». Свои идеи Н. Е. Марков 2-й пытался донести и до главы внешнеполитического ведомства С. Д. Сазонова, но получил от него категорический ответ: «Союз с Германией в предположения русского правительства не входит»²⁵.

Излагая свои взгляды на отношения с Германией, лидер правой фракции учитывал еще и внутривнутриполитические соображения. Он напомнил членам Думы слова представителя меньшевистской фракции А. И. Чхенкели, в свое время заявившего, что «третья часть германских солдат — социал-демократы». Поэтому в результате всеобщей войны «государства все могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым — социал-демократы. Эти Аттилы пожрут все человечество...»²⁶

Приблизительно также объяснял мотивы поиска союза с Германией и правый публицист С. К. Глинка-Янчевский. На страницах «Земщины» он доказывал, что страны, являвшиеся «оплотом христианства и монархических начал» должны быть союзниками «не только во избежание внешних приключений, но и во имя совместного отпора надвигающейся с Запада анархии и отставания своих исторических устоев»²⁷.

Но даже выступая за дружбу с Германией, правые весьма настороженно относились к проживающим в России немцам, особенно сохранившим германское подданство. Современный исследователь Б. С. Котов подчеркивает, что в начале XX в. немцы составляли всего 1,5 % от населения Российской империи, однако «их роль в офицерском корпусе, царской администрации и дипломатии традиционно была очень существенна»²⁸. Вероятно, именно из этих соображений исходили члены Житомирского отдела СРН, когда в декабре 1912 г. потребовали, чтобы в русской армии командирами отдельных частей войска наряду с поляками (которых правые поголовно считали врагами империи) не назначались и немцы, «так как солдаты под командой этих врагов православия и русской народности в религиозно-нравственном и политическом отношении выйдут слишком равнодушные к своему родному отечеству и самодержавному государственному строю, а во время войны окажутся неблагонадежными»²⁹.

Даже В. М. Пуришкевич, один из главных апологетов союза с Берлином, в своей публичной лекции, прочитанной в апреле 1912 г., хотя и «выделил немцев, как, безусловно, преданных династии», но в то же время призвал

²⁴ Марков Н. Е. Указ. соч. С. 103.

²⁵ Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 325.

²⁶ Марков Н. Е. Указ. соч. С. 104.

²⁷ Цит. по: Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. М., 2022. С. 364.

²⁸ Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 391.

²⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 104. Л. 45.

отделять от вполне верноподданных балтийских немцев немецких колонистов, «захватывающих путем скупки земли в ряде губерний на Юге России и считающих себя, прежде всего, сынами Германской империи, а не русскими гражданами»³⁰. В. М. Пуришкевич имел основания для таких утверждений. В его родной Бессарабской губернии немцы, составляя 3 % населения региона, владели 11,1 % сельскохозяйственных земель. В Херсонской губернии эти цифры составляли 6,8 и 19,4 %, Екатеринославской — 5,4 и 25 %, Таврической — 8,8 и 38,3 %. Аналогичной была ситуация на Волыни и в Остзейских губерниях. «Немцы — хозяева Прибалтийского края, русские — их слуги, а эсты и латыши — рабы», — возмущалось «Русское знамя» в номере от 22 декабря 1913 г.³¹

В то же время из правого лагеря раздавались голоса, указывающие на усиление антироссийской политики Берлина. Так, один из лидеров думской фракции правых Г. А. Щечков, разделяя в целом взгляды Н. Е. Маркова 2-го, тем не менее «предупреждал правых и их лидера, что прогерманская ориентация обернется, в конце концов, пустой тратой времени и усилий, поскольку Германия определенно готовится к войне с Россией»³². Печатный орган иваново-вознесенских монархистов «Ивановский листок» утверждал, что Германия и Австрия пытаются сформировать «среди малороссов свое особое национальное сознание», стремясь выделить Украину «в особую единицу с широкой автономией и своим языком» и тем самым «расколоть великую Россию»³³. Князь А. Г. Щербатов в своей работе «Государственная оборона России» (1912) доказывал, что «при быстром росте населения и промышленности Германии необходимость расширения во владении есть потребность не условная, а стихийная. Никакие династические симпатии, никакие расчеты на прошлое не могут предотвратить, в известное время, захвата Германией части России, если только к тому представятся благоприятные обстоятельства»³⁴, под которыми князь понимал внутреннюю слабость России и втягивание ее в таком положении «в такую же тяжкую войну, как прошлая — Японская». Доказывая враждебность Германии, он напоминал читателям, что именно она изменила в ущерб России Сан-Стефанский мирный договор, в результате чего были утрачены «все выгоды от победы над турками»³⁵.

В октябре 1912 г. известный историк, член Союза русских людей Д. И. Иловайский на страницах собственного печатного органа — газеты «Кремль» — писал: «Немцы, бывшие сто лет назад раздробленными и слабейшими нас, за это столетие при нашей же помощи объединились, чрезвычайно усилились, высоко подняли свою культуру и свой национализм». Это означает, что

³⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 648. Л. 16.

³¹ Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны. С. 392, 395.

³² Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. С. 236.

³³ Ивановский листок. 1912. 25 апреля. № 87.

³⁴ Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности. М., 2010. С. 236.

³⁵ Там же.

в недалеком будущем «Славяно-Русскому миру предстоит неизбежное и страшное с ними столкновение»³⁶.

Начало Первой мировой войны поставило большинство монархистов в сложное положение: чтобы не быть обвиненными в прогерманских настроениях, им пришлось стать большими роялистами, чем король; очень быстро перейти с антианглийских на антигерманские позиции. А В. М. Пуришкевич пошел еще дальше — стал англофилом.

Уже 24 (19 по ст. ст.) июля 1914 г., через пять дней после объявления Германией войны России, «Русское знамя» заявляло, что «“немец” должен быть истреблен до самого корня, чего бы это не стоило. Пусть война длится год, пусть она длится два, но “немец” должен быть истреблен, должен быть приведен в такое состояние, чтобы у него, как у ядовитой гадюки были навсегда вырваны зубы, и он был приведен в безопасное состояние»³⁷. Поводом для таких грозных заявлений газеты стало задержание немцами великого князя Константина Константиновича и его семьи на территории Германии после начала боевых действий. В этом же номере предлагалось интернировать всех немцев, поместив их «на каком-нибудь из островов Северного Океана под надежной охраной». Те же из них, которые считают себя более русскими, чем немцами, пусть «докажут это и завоюют себе честь быть принятыми в русское подданство на поле брани»³⁸.

Спустя два дня «Русское знамя» опубликовало еще одну статью, подводившую итоги 150-летней дружбы России и Германии. По мнению газеты, в результате этой дружбы «Германская империя получила возможность возникнуть, а Пруссия получить гегемонию, и прусский король превратиться в Германского императора... Германия могла в течение 40 лет пользоваться незыблемым миром и широко развивать свою промышленность, торговлю... Благодаря нашей дружбе с Германией ее никто не трогал, и она могла обзавестись множеством колоний, водвориться в Малой Азии, Персии, сесть прочно в Константинополе, выстроить огромный военный, коммерческий, торговый флот, усовершенствовать свое внутреннее оборудование и создать такую промышленность и торговлю, что золото широким потоком полилось в карманы “немца”». Для России же «обязанность исполнять веления дружбы» с Германией принесли совершенно противоположные результаты: «...Мы должны были отдать Германии Малую Азию, пустить ее в Персию, получить целую систему мирного отвоевания у нас всего нашего Юга (немецкими колонистами. — *И. О.*), поднять наше вооружение до огромнейших размеров, а затем наш добрый сосед возложил на нас обязанность кормить и поить его и покупать у него произведения». Таким образом, сокрушалось «Русское знамя», Германия «при сведении баланса нашей дружбы с нею, записывает на свой счет огромную прибыль, а мы... должны записать

³⁶ Кремль. 1912. 12 октября. № 48-50; Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. М., 2014. С. 55.

³⁷ Русское знамя. 1914. 24 июля. № 166.

³⁸ Там же.

колоссальный убыток». От нашей дружбы «Германия выиграла все, а мы потеряли чрезвычайно много, и только благодаря особому соизволению Божьему, Германии до сих пор не удалось подорвать окончательно наше благосостояние и могущество». Поэтому, заключала газета, это Германия должна сожалеть о прекращении дружбы, «а мы должны только радоваться» тому, что «освободились от столь неестественного и невыгодного положения»³⁹.

До начала войны многие правые весьма позитивно оценивали личность германского императора Вильгельма II, называя его оплотом «против восстания новых гуннов (социалистов и масон)»⁴⁰. В. М. Пуришкевич даже поместил портрет кайзера на своем письменном столе и называл его императором-рыцарем)⁴¹. Однако 31 июля 1914 г. «Русское знамя» уже называло германского монарха Вильгельмом II Безумным. Действия его, утверждала газета, «прямо являются поведением психического больного, сошедшего с ума». Да и оценка собственно немцев у правых радикально изменилась. Они «показали себя с первых же дней вооруженного столкновения такими варварами, такими некультурными людьми, что дальше подобная аномалия не может быть терпима среди европейских государств и должна быть уничтожена», писало «Русское знамя»⁴². Д. И. Иловайский тоже не жалел черных красок для характеристики германцев, сравнивая их, как историк, со средневековыми варварами: «Для большего подобия татаро-монголам им не достает только обозначать свои пути пирамидами из человеческих черепов». При этом он подчеркивал, что «начальники их (немцев. — *И. О.*) не только не удерживают нижних чинов» от варварских поступков по отношению к мирному населению, пленным и раненым, «а еще и поджигают их и служат им примером»⁴³. РСМА после начала войны срочно убрал из партийного устава параграф, выражающий особое доверие немецкому населению империи⁴⁴.

Таким образом, правые, несмотря на их довоенную германофильскую позицию, единодушно выступили за полный разгром Германской империи. В частности, Д. И. Иловайский предлагал «сократить и обезвредить Германскую империю», «упразднить здание Германской империи», «воротить Пруссию к ее... прежнему образу». Кроме того, Германия должна будет заплатить «громадную контрибуцию» и передать России свой флот, что позволит последней вернуть себе звание великой морской державы, утраченное после Цусимы. Часть германских территорий необходимо отторгнуть: Познанская провинция и Южная Силезия, «отойдут к имеющей образоваться автономной Польше. Эльзас и вся Лотарингия будут возвращены Франции. От Дании зависит

³⁹ Русское знамя. 1914. 26 июля. № 168.

⁴⁰ Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. С. 364.

⁴¹ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич. С. 222, 226.

⁴² Русское знамя. 1914. 31 июля. № 172.

⁴³ Кремль. 1914. 30 декабря. № 56, 57 и 58; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 56–57.

⁴⁴ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 398.

потребовать себе возвращения северного Шлезвига». Бавария Вюртемберг, Саксония «и разные герцогства возвращают себе прежнюю самостоятельность». Воссоздается и Ганноверское королевство. «Вместе с их самостоятельностью, — полагал Д. И. Иловайский, — может быть возобновлен Германский союз в прежнем своем виде»⁴⁵.

Однако, несмотря на провозглашение «священного единения», либеральная оппозиция, традиционно выступавшая за дружественные отношения с Англией и Францией (не в последнюю очередь из-за их «демократического» государственного устройства), не могла не использовать в борьбе против своих политических оппонентов — консерваторов — неожиданно попавший в их руки козырь — довоенное германофильство правых. По этой причине уже через несколько месяцев после начала войны стали раздаваться обвинения правых в намерении заключения скорейшего сепаратного мира с Германией. В январе 1915 г. правый публицист С. К. Глинка-Янчевский сообщил, что в конце предыдущего года «один из самых вертлявых сотрудников» умеренно-правой (!) газеты «Киевлянин», представитель Всероссийского национального союза А. И. Савенко «пустил в ход гнуснейшую клевету, будто кто-то из “крайних правых кругов” составил записку, в коей рекомендуется ни более, ни менее как... “капитуляция перед Германией”!!»⁴⁶.

В феврале 1915 г. уже Департамент полиции МВД агентурным путем получил информацию о том, что «принадлежащие к русским придворным сферам немцы при участии Распутина стремятся оказать давление на правые фракции Гос. Думы в смысле побуждения последних к активной агитации в пользу прекращения военных действий при содействии и члена Думы Пуришкевича»⁴⁷. Якобы к этому движению примыкает и доктор А. И. Дубровин. Для реализации этого замысла, говорилось в полицейском документе, должна быть создана какая-то новая политическая организация, которая будет вести агитацию в нужном направлении сначала среди раненых нижних чинов, а затем и среди солдат действующей армии. Департамент полиции объяснял и мотивы таких действий правых, которые якобы опасались, «что окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где под влиянием соседней Германской республики может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение»⁴⁸.

Думается, что информация полиции весьма далека от действительности. А. И. Дубровин и В. М. Пуришкевич, давно и основательно рассорившиеся, в феврале 1915 г. еще не готовы были к примирению и сближению своих позиций. И уж во всяком случае оба категорически выступали против каких-либо

⁴⁵ Кремль. 1914. 30 декабря. № 56, 57 и 58; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 58.

⁴⁶ Вестник Союза русского народа. 1915. 31 января. № 208; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 122.

⁴⁷ Цит. по: Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917. М., 1998. С. 663.

⁴⁸ Цит. по: Там же. С. 664.

контактов с Распутиным. А новая организация — это созданный летом 1915 г. Отечественный патриотический союз (ОПС), вокруг которого правительство надеялось инициировать объединение правых политических сил. Но так как устав ОПС допускал прием в ряды Союза «инородцев», в том числе и евреев, то ортодоксальные черносотенцы обвинили его лидеров, В. Г. Орлова и В. М. Скворцова, в измене правому делу, и надежды, возлагаемые правительством на новую монархическую организацию, не оправдались. Тем не менее мнение о том, что монархисты выступают за сепаратный мир с Германией, получило широкое распространение. Так, печатный орган Дубровинского союза — газету «Русское знамя» — оппозиция насмешливо именовала «Прусским знаменем»⁴⁹. А архангельские монархисты сообщали А. И. Дубровину, что военный цензор «не советывал выписывать Русское Знамя говоря что неметскими деньгами пахнет»⁵⁰ (орфография оригинала сохранена. — *И. О.*).

Первый публицист С. К. Глинка-Янчевский выступил в защиту монархистов, доказывая, что правые всегда действовали в интересах России в отличие от либеральной оппозиции, которую он именовал «иудопокорные партии». Например, именно монархисты до войны поддержали «проект Столыпина о восприещении германским подданным приобретать земли в юго-западных губерниях. Единомышленники же Милюкова провалили этот проект». До войны правые группы в Думе «настаивали на усилении нашей обороны, на увеличении числа корпусов, на ускорении перевооружения... Против всего этого всегда возражали единомышленники Милюкова и Шингарева». Председатель правой фракции «Марков 2-й указывал на опасность хранения громадных сумм свыше 800 миллионов за границей», но все те же «иудопокорные партии не пожелали поддержать» его, и если бы министр финансов П. Л. Барк «не озаботился извлечь» из берлинских банков «наши сотни миллионов», то они были бы конфискованы⁵¹.

В октябре 1915 г. Н. Д. Облеухов (писавший под псевдонимом П. Ухтубужский) опубликовал в «Русском знамени» статью с характерным названием «Где надо искать германофилов?». В ней он заявил: «Отвергнув клеветническое обвинение в германофильстве, мы, монархисты, не можем, однако, считать вопрос исчерпанным», имея в виду «вопрос о том, есть ли у нас германофилы, а если есть, где их искать». Н. Д. Облеухов не отрицал, что «германофилы у нас имеются и притом в презрительном количестве». Однако искать их он предлагал «не там, где их ищут (а вернее, делают вид, что ищут) прислуживающие прогрессивной крамоле газеты», т. е. не среди монархистов. «Денежная буржуазия и примыкающие к ней общественные классы — вот главная твердыня и оплот нашего германофильства», — утверждал Н. Д. Облеухов⁵².

Организованное обновленцами Петроградское монархическое совещание, проходившее 21–23 ноября, в ответ на предъявляемые правым обвинения

⁴⁹ См., напр.: Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 27. М., 1961. С. 298.

⁵⁰ Цит. по: Степанов С. А. Указ. соч. С. 400.

⁵¹ Вестник Союза русского народа. 1915. 31 января. № 208; Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 122–124.

⁵² Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 197, 198.

в германофильстве, приняло резолюцию «Все для победы», в которой заявило, «что по единодушному глубокому убеждению нашему война, не взирая на все причиняемые бедствия, не может, не должна иметь окончания ранее разгрома Австро-Германских полчищ и одержания над исконным врагом святой Руси полной и решительной победы». Также монархисты заявили о «своей твердой единодушной решимости нести до конца все жертвы, которых только потребует защита великого Отечества»⁵³. Дубровинцы на своем совещании, проходившем 26–29 ноября того же года в Нижнем Новгороде, «единогласно и всецело присоединились к постановлениям Петроградского совещания монархистов» и постановили указать правительству, что многие левые газеты «ежедневно печатают заведомо лживые сведения о тенденциях к сепаратному миру, чем вселяют в население крайнюю тревогу и вызывают опасные брожения, которые доходят до нашей самоотверженной армии». По мнению участников совещания, «такие поступки должны караться по законам военного времени»⁵⁴. Собравшиеся в Нижнем Новгороде огромным плюсом проведенных в ноябре 1915 г. монархических совещаний назвали «то обстоятельство, что искренние русские речи и полные государственной мудрости решения свели окончательно на нет питаемую левым лагерем отвратительную по своему цинизму легенду о приверженности монархических организаций к тевтонофильству и кайзеру Вильгельму... Теперь все измышления шептунов ушли в подполье...»⁵⁵.

Однако это заявление было слишком оптимистичным. Оппозиция не отказывалась от своих клеветнических обвинений⁵⁶. В марте 1916 г. видный правый деятель, адвокат П. Ф. Булацель выразил возмущение картинкой, размещенной на страницах «Вечернего времени», на которой все редакторы и издатели петроградских газет были «изображены играющими гимны в честь Германии» и только суворинские «Новое время» и «Вечернее время» боролись с «немецким засильем». П. Ф. Булацель доказывал, что представители либеральной оппозиции — издатель Суворин, журналисты К. П. Медведский и А. А. Пиленко, а также лидер кадетов П. Н. Милюков — исключительно из соображений политической выгоды обвиняли «Н. Е. Маркова и других правых членов Государственной Думы в том, что они будто бы друзья Вильгельма». Он заявлял, что такая картинка рассчитана на газетных читателей с короткой памятью, поэтому и «нет надобности защищать Маркова, Замысловского и других правых членов Думы в этом отношении, ибо вымышленность этого против них обвинения вполне очевидна»⁵⁷.

⁵³ Совещание монархистов, 21–23 ноября 1915 года в Петрограде: постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 28.

⁵⁴ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 513, 515–516.

⁵⁵ Там же. С. 504.

⁵⁶ А. А. Иванов и А. В. Репников также утверждают, что «цель этих обвинений была сугубо политической — использовался любой повод, который мог послужить дискредитации политического противника». (См.: *Иванов А. А., Репников А. В.* Русские правые в годы Первой мировой войны // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 316.)

⁵⁷ Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 286; *Булацель П. Ф.* Борьба за правду. М., 2010.

Тем не менее сам П. Ф. Булацель не раз давал повод для обвинений, если не в германофильстве, то в англофобии, что в тех условиях было практически тождественно. Издаваемый им журнал «Русский гражданин» (название — явная отсылка к консервативному журналу германофила В. П. Мещерского «Гражданин», выходявшему в 1872–1914 гг.) на своих страницах размещал статьи, доказывающие, что именно Великобритания является главным поджигателем и бенефициаром Первой мировой войны и что проанглийский курс русского правительства может со временем превратить Россию в английскую колонию⁵⁸. Например, в мае 1916 г. П. Ф. Булацель выразил возмущение намерением союзников «лишить Германию по окончании войны на веки вечные ввоза сырья из тех стран, с которыми Германия теперь ведет войну». Он признавал, что «наказание это для немцев будет очень чувствительно» и что «англичане, избавляясь от соревнования германских покупателей нашего сырья, много выиграют». Однако какая от этого польза России, которая потеряет немецкий рынок? Нужно ли русскому правительству соглашаться «на такой способ наказания, который уподобится железной цепи, один конец которой больно ударит по Германии, а другой конец еще большее ударит по России?» В июле П. Ф. Булацель выразил удовлетворение по поводу ухода с поста министра иностранных дел С. Д. Сазонова, «друга сэра Бьюкенена и П. Н. Милюкова», которого он называл «приказчиком из Лондона»⁵⁹.

В конце концов такая линия «Русского гражданина» спровоцировала международный скандал, в центре которого оказался редактор-издатель журнала П. Ф. Булацель. В июле 1916 г. глава английского кабинета Г. Асквит заявил о своем намерении привлечь к ответственности за военные преступления всех виновников, в том числе и кайзера Вильгельма II. П. Ф. Булацель выступил категорически против международного трибунала «из парламентских дельцов и адвокатов, которым будет отдан на суде сам венценосный глава Германской империи». При этом он предвидел «маленькое затруднение» для англичан, «а именно, добровольно император Вильгельм на суд г. Асквита не явится, и, следовательно, надо будет принять меры “принудительного привода подсудимого на суд в Лондон”». А так как осуществить эту меру собственными силами англичане будут не в состоянии, то малопочтенная «роль судебного пристава, который потащит в Лондон коронованных германских принцев для утех лондонской черни, будет возложена на Россию»⁶⁰.

П. Ф. Булацель утверждал, что германский народ «не выдаст своего императора до тех пор, пока в Германии останется хоть один вооруженный солдат» и, значит, Британия не хочет закончить войну заключением Россией «выгодного и почетного» мира с побежденным врагом и попытается навязать ей «недостойную роль воевать до бесконечности, до полного истребления всего соседнего вооруженного германского народа». Кроме того, привлечение к ответственности

⁵⁸ Об этом также см.: *Стогов Д. И.* Предисловие // Булацель П. Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 18.

⁵⁹ Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 290, 292.

⁶⁰ *Булацель П. Ф.* Указ. соч. С. 561.

коронованных особ он квалифицировал как вмешательство во внутренние дела, т. е. нарушение норм международного права. По мнению П. Ф. Булацеля, «ответственность за грехи верховного управления приписывать личной вине монарха» можно было только «в средневековых государствах, живших весьма несложной жизнью». Теперь же «жизнь европейских государств усложнилась до чрезвычайности, служение огромному числу общественных потребностей возлагается непосредственно на подчиненные монарху правительственные места и учреждения»⁶¹. Следовательно, нельзя обвинять германского императора за «поступки и деяния, которые совершают различные правительственные места и должностные лица Германии». Все эти газетные рассуждения о будущем суде над Вильгельмом II П. Ф. Булацель объяснял «желанием через голову “кайзера” приучать в России народные толпы к мысли о возможности вообще какого-то “верховного суда” над верховной властью»⁶², т. е. подготовкой России к революции⁶³.

Публикация в «Русском гражданине» вызвала бурю в оппозиционной печати. «Все газеты, начиная от “Нового времени” и кончая “Копейками” и “Вечерним временем”, всячески изошрялись во всевозможных искажениях смысла этого моего злополучного дневника», — констатировал П. Ф. Булацель. Он вынужден был заявить, что защищает не Вильгельма, а «совсем что-то другое», что никогда ни одной строчки не написал против Франции, к которой питает самые искренние симпатии⁶⁴. Тем не менее британский посол в России Дж. Бьюкенен заявил протест, и редактор-издатель «Русского гражданина» вынужден был принести официальные извинения. Из правых только В. М. Пуришкевич однозначно осудил П. Ф. Булацеля, исключив его из рядов РНСМА и отправив Дж. Бьюкенену телеграмму, в которой назвал Британию великим и доблестным союзником⁶⁵. Как видим, монархисты публично никогда не выступали за заключение сепаратного мира с Германией, но зато регулярно выступали в защиту «монархического принципа» и высказывали опасения по поводу чрезмерного усиления Британской империи за счет русского народа.

Заключение. Таким образом, несмотря на то что внешняя политика относилась исключительно к прерогативе царя, правые весьма активно высказывались по вопросам международной проблематики. Большинство монархистов являлись противниками сближения с Францией и в особенности с Англией, не без оснований опасаясь втягивания России в военный конфликт с Германией,

⁶¹ Булацель П. Ф. Указ. соч. С. 563.

⁶² Там же.

⁶³ Следует отметить, что монархисты всегда выступали против нарушения «монархического принципа» и ареста с привлечением к суду коронованных особ. Так, «Русское знамя» в самом начале войны с негодованием писало: «Мы не удивимся, если завтра телеграф нам сообщит, что “немец” в качестве военнопленных повез в Берлин короля бельгийского и королеву нидерландскую...» (См.: Русское знамя. 1914. 24 июля. № 166.)

⁶⁴ Первая мировая война в оценке современников... Т. 2. С. 295, 296.

⁶⁵ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич. С. 225.

следствием которого станет укрепление мировой гегемонии Британской империи за счет интересов России и возможная революция в последней, как это было во время неудачной Русско-японской войны. Правые считали более выгодным сближение с последним оплотом «истинного монархизма» — кайзеровской Германией, — аргументируя этот союз отсутствием геополитических противоречий между двумя странами (Германия не воспользовалась ослаблением России в период Русско-японской войны); взаимовыгодным экономическим сотрудничеством (Россия продавала Германии сырье и сельскохозяйственную продукцию, покупая у нее промышленные товары); династической близостью (представители династии Романовых почти два столетия находили себе невест в Германии); а также сходством государственного устройства обеих империй. Эту позицию отстаивали преимущественно партийные лидеры (А. И. Дубровин, Н. Е. Марков 2-й, В. М. Пуришкевич, П. Ф. Булацель и др.), а также правые публицисты (В. П. Мещерский, С. К. Глинка-Янчевский, М. Ф. Таубе, Н. Д. Облеухов и др.). Однако, выступая за дружбу с Германией, сторонники этой линии высказывали опасение по поводу «захвата» русских земель немецкими колонистами на Юго-Западе и в Поволжье, а в Прибалтике — остзейскими баронами.

В то же время отдельные голоса в монархическом лагере указывали на развитие германского империализма, жаждавшего новых колоний и рынков, и предупреждали, что Россия может стать одной из первых жертв германской агрессии. Этой точки зрения придерживались в основном правые интеллектуалы (А. Г. Щербатов, Ф. С. Хлеборад, Г. А. Шечков, Д. И. Иловайский) и оказавшийся в их рядах председатель Союза русских людей, князь А. Г. Щербатов. Но эти голоса были в явном меньшинстве, что вызывало определенное беспокойство Англии и Франции, опасавшихся влияния на правительственный курс многочисленных прогермански настроенных монархистов.

С началом войны правые вынуждены были повернуть на 180 градусов свой внешнеполитический фронт и заявить о необходимости полного разгрома Германии и абсолютной поддержке союзников по Антанте. Теперь Германская империя в правой публицистике представала воплощением мирового зла, а немцы во главе со своим кайзером — средневековыми варварами, грубо нарушающими обычаи и законы войны. Причем этот поворот им пришлось совершить в предельно короткие сроки, что, безусловно, не могло не отразиться на политической репутации правых, дав в руки их оппонентам довольно эффективное оружие — обвинение в германофильстве, а значит, и в пособничестве врагу. С конца 1914 г. их политические противники, поддержанные, как это ни странно, Департаментом полиции, утверждали, что правые выступают за заключение сепаратного мира с Германией. Особенно часто подобные обвинения раздавались по адресу крайне правых дубровинцев. Поводом к ним было не столько якобы сохранившееся с довоенных времен германофильство монархистов, сколько их выступления против слишком проанглийского курса правительства, чреватого для России ее превращением в британскую

колонию. Других предлогов усомниться в своем патриотизме правые не давали⁶⁶. Но это не помешало оппозиции постоянно усиливать обвинения, особенно после неудач на фронте весны – лета 1915 г., когда либеральная оппозиция сменила лозунг «Священное единение» на другой — «Патриотическая тревога», — выражающий сомнение в способности действующей власти довести страну до победы. Ну а потом последовал лозунг «Штурм власти», откровенно провозглашающий намерение либералов свергнуть монархию. И здесь дискредитация правых давала оппозиции заметные преимущества. Либералам, наверно, впервые в истории удалось осуществить революционный захват власти под патриотическими лозунгами, убедив общественность воюющей страны в отсутствии патриотизма у своих политических противников. Кроме того, им удалось убедить и союзников — Англию и Францию — в том, что угроза заключения сепаратного мира и выход России из войны реальны, так как за это якобы выступают довольно влиятельные политические силы — правые партии, придворная камарилья и даже часть правительства. Последнее обеспечило Февральскому перевороту 1917 г. полную поддержку Антанты.

Литература

1. Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 442 с.
2. Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.
3. Иванов А. А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1. Консервативные партии. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.
4. Иванов А. А., Репников А. В. Русские правые в годы Первой мировой войны // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 308–333.
5. Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 391–398.
6. Котов Б. С. «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 87–97.
7. Омельянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4
8. Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ЭКСМО; Яуза, 2005. 544 с.
9. Стогов Д. И. Предисловие // Булацель П. Ф. Борьба за правду. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 5–29.

⁶⁶ С. А. Степанов также считает, «что лидеры черной сотни, вне зависимости от своих личных пристрастий, в годы войны не предприняли никаких шагов, которые могли быть истолкованы как пособничество врагу». См.: *Степанов С. А.* Указ. соч. С. 400.

References

1. Ivanov A. A. Vladimir Purishkevich: Opyt biografii pravogo politika (1870–1920) [Vladimir Purishkevich: Experience in the biography of a right-wing politician (1870–1920)]. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2011. 442 p. (In Russ.).
2. Ivanov A. A. Vozhd' chernoï reaktsii: Nikolai Evgen'evich Markov [Leader of the black reaction: Nikolai Evgenievich Markov]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2023. 639 p. (In Russ.).
3. Ivanov A. A. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.: v 3 t. T. 1. Konservativnye partii [Political parties of Russia. The end of the XIXth – the beginning of the XXth century: in 3 vols. Vol. 1. Conservative parties]. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2022. 599 p. (In Russ.).
4. Ivanov A. A., Repnikov A. V. Russkie pravye v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian right-wingers during the First World War] // Voprosy istorii konservatizma [Questions of the History of Conservatism]. 2015. № 1. P. 308–333. (In Russ.).
5. Kotov B. S. Obraz rossiiskikh nemtsev v russkoi presse nakanune Pervoi mirovoi voiny [The image of the Russian Germans in the Russian press on the eve of the First World War] // Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13. № 3-2. P. 391–398. (In Russ.).
6. Kotov B. S. «Chto mozhno germanskomu Zevsu...» Obraz Germanii v russkoi presse v period «gazetnoi voiny» vesny 1914 goda [“What is permitted to German Zeus...” The image of Germany in the Russian press during the “newspaper war” in the spring of 1914] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences]. 2011. № 3. P. 87–97. (In Russ.).
7. Omelyanchuk I. V. «Dom, razdelivshiisia v sebe»: raskol Soiuz a russkogo naroda [“A house divided against itself”: the split of the Union of the Russian People] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2021. № 1. P. 124–139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4 (In Russ.).
8. Stepanov S. A. Chernaia sotnia [Black Hundred]. 2-e izd., dop. i pererab. Moscow: EKSMO; Iauza, 2005. 544 p. (In Russ.).
9. Stogov D. I. Predislovie [Preface] // Bulatset' P. F. Bor'ba za pravdu. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. P. 5–29. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.06

Лобов Михаил Николаевич

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

lob.mixail2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7937-1036

**БОРЬБА ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ВРЕМЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
С КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ
В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 г.**

Аннотация. Основной целью данной работы является обзор мер, которые предпринимали исполнительные комитеты Владимирской губернии по отношению к тем лицам, чья деятельность признавалась вредной для государственного строя. Февральская революция привела к радикальному изменению политических и идеологических установок в государстве, и для бывших сотрудников царской администрации, а также для тех, кто был сторонником царской власти, это обернулось потерей своих должностей, а иногда и свободы. Однако аресту и заключению в основном подвергались высшие чины губернской администрации, сотрудники полиции и жандармы, а также секретные агенты охранного отделения. Систематического преследования бывших членов монархических партий как такового не наблюдалось.

Ключевые слова: Февральская революция, исполнительный комитет, Владимирская губерния, Временное правительство, местное самоуправление, самодержавие, монархические партии, корпус жандармов, охранное отделение, полиция, осведомители.

Для цитирования: Лобов М. Н. Борьба Владимирского губернского временного исполнительного комитета с контрреволюционными элементами в марте – октябре 1917 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 80–92. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.06

Original article

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.06

Lobov Mikhail N.

Postgraduate Student
Moscow City University
Moscow, Russia

lob.mixail2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7937-1036

**THE FIGHT OF THE VLADIMIR PROVISIONAL
TEMPORARY EXECUTIVE COMMITTEE
WITH COUNTER-REVOLUTIONARY ELEMENTS
IN MARCH – OCTOBER 1917**

Abstract. The main purpose of this work is to review the measures taken by the executive committees of the Vladimir province in relation to those persons whose activities were recognized as harmful to the state system. The February revolution led to a radical change in political and ideological attitudes in the state, and for former employees of the tsarist administration, as well as for those who were supporters of the tsarist government, this resulted in the loss of their positions, and sometimes freedom. However, the arrest and imprisonment were mainly carried out by the highest ranks of the provincial administration, police officers and gendarmes, as well as secret agents of the Security Department. There was no systematic persecution of former members of monarchist parties as such.

Keywords: February Revolution, executive committee, Vladimir province, Provisional Government, local self-government, monarchy, monarchist party, Separate Corps of Gendarmes, Guard Department, police, informants.

For citation: Lobov M. N. The fight of the Vladimir provisional temporary executive committee with counter-revolutionary elements in March – October 1917 // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 80–92. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.06

Введение. Февральская революция сопровождалась бурным ростом политической активности населения, одним из следствий которого стало создание новых органов власти Временного правительства на местах — временных исполнительных комитетов. Одной из главных задач этих структур стало сохранение собственной власти. При этом главную угрозу для себя временные вплоть до своего краха видели не столько в дальнейшей революционизации общества и радикализации политического процесса, сколько в контрреволюционном реванше со стороны промонархических сил. Для защиты нового порядка Временное правительство решило начать превентивные аресты представителей царской администрации, сотрудников департамента полиции, жандармов, а также деятелей монархического движения. Уже 4 марта 1917 г. для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц была организована

Чрезвычайная следственная комиссия¹. Эта комиссия служила нескольким целям. Во-первых, расследование деятельности видных сторонников царской власти, в частности представителей высшего органа политической полиции в Российской империи — жандармов. Во-вторых, данная комиссия являлась, по словам А. Ф. Керенского, своеобразным актом борьбы за массовое революционное сознание². Даже если в действиях видных царских чиновников не обнаруживалось состава преступления и им нельзя было инкриминировать измену стране или казнокрадство, их арест был необходим с точки зрения революционной морали.

В материалах данной комиссии можно найти множество свидетельств того, что охранное отделение и Департамент полиции практиковали деятельность по насаждению провокаторов в революционные организации и происходило это при содействии прокуратуры, с которой у полиции существовала тесная связь³. Разумеется, ни о каком доверии новой власти по отношению к бывшим сотрудникам царской охраны и полицейским не могло быть и речи. Таким образом, одними из первых постановлений Временного правительства были указы об упразднении корпуса жандармов и Департамента полиции⁴. Кроме того, было принято решение, что все бывшие сотрудники корпуса жандармов должны были быть направлены в действующие армейские части, а принимать их на службу в милицию запрещалось. Однако в отношении полицейских Временное правительство не было столь категорично, пытаясь сохранить опытные кадры, и поручило ново назначенным губернским и уездным комиссарам использовать бывших полицейских для организации милиции. Но в губерниях ситуация обстояла несколько иначе.

Ход и результаты исследования. Во Владимирской губернии революционные события начались ночью 3 марта, когда из Москвы во Владимир прибыла вооруженная делегация солдат, к которой примыкали все новые и новые воинские части. Солдаты двигались к губернаторскому дому, по пути отбирая у жандармов и городских оружие, которое те отдавали без сопротивления. В доме губернатора были арестованы сам губернатор В. Н. Крейтон, его жена, а также владимирский полицмейстер В. А. Иванов, у которого отобрали пистолет и револьвер. Судя по рассказу некоего Дмитрия Карманова, при аресте губернатор не оказал никакого сопротивления, только удивленно промолвил:

¹ *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава / под ред. О. Н. Знаменского. Л., 1980. С. 185.

² *Лукоянов И. В.* Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и ее подследственные // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение.* Санкт-Петербург. 2009. С. 231.

³ *Владимирская милиция: Прошлое и современность, 1802–2002 г.* / авт.-сост. А. Сухарев. Владимир, 2002. С. 79.

⁴ *Сборник указов и постановлений Временного правительства.* Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 / сост. Отд-нием свода законов Гос. канцелярии. Пг., 1917. С. 27.

«Ведь я присоединился к новому правительству!»⁵. Все арестованные, кроме жены губернатора, были отконвоированы в здание городской думы и по дороге на улице сильно избиты людьми. После этого толпа отправилась к казармам 668-й дружины, солдаты которой присоединились к восстанию с большим воодушевлением. Затем восставшие заняли полицейские участки, городскую управу, почту и банк. Кроме того, толпа разгромила канцелярию Губернского жандармского управления. Его начальнику полковнику В. Э. Славину удалось уничтожить часть секретных документов и скрыться⁶.

Начальник гарнизона генерал Гамбурцев и командиры 82 и 215 запасных полков, полковник Тарасов и полковник Евсеев, а также командир 668-й пешей Владимирской дружины, полковник Сорохтин готовили свои войска к сопротивлению восставшим. Однако солдаты гарнизона предпочли присоединиться к революционному выступлению. Сначала был арестован подполковник Штинский, попытавшийся остановить толпу у Золотых ворот, а затем восставшие арестовали полковника Евсева и генерал-майора Гамбурцева и препроводили их под стражей во временный Владимирский губернский исполнительный комитет. Позднее они были переведены в губернскую тюрьму. 4 марта также были арестованы полковник Сорохтин и поручик Зеге фон Лауренберг, который считался в 668-й дружине ненадежным, а его верность новому строю была сомнительной⁷.

Кроме вышеперечисленных были также арестованы и доставлены в тюрьму: вице-губернатор Мясоедов, начальник управления земледелия Г. А. Дартау, начальник сыскного отделения Киселев, сыщики Кузнецов, Горьков, Фирсов и Шихман, ревизор акцизного ведомства Бер, жандармский полковник Будницкий и правитель канцелярии губернатора М. И. Трегубов⁸. В тюрьму также были доставлены Штенгер, фон Кнаут, М. А. фон Мореншильдт и В. М. Корякин⁹. Двое последних были активными участниками местных монархических организаций. Так, М. А. фон Мореншильдт являлся основателем Владимирского отдела Всероссийского национального союза, а В. М. Корякин ранее занимал должность председателя Владимирского отдела Союза русского народа (СРН). Впрочем, обе организации к этому времени уже прекратили свою деятельность. Еще один активист местного отдела СРН — М. В. Байкусов, — отметившийся еще участием в погромах осени 1905 г.¹⁰,

⁵ Соколов-Соколенок Н. А. По путевке комсомольской. М., 1987. С. 14.

⁶ Владимирская губерния и российская революция в документах 1913–1918 гг.: сб. документов Государственного архива Владимирской области / Архивный департамент Администрации Владимирской области, Государственный архив Владимирской области; отв. ред. Н. Д. Максимова; сост.: Т. А. Лашманова, А. А. Арескин, Н. П. Механикова. Владимир, 2017. С. 133.

⁷ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 51. Л. 21.

⁸ Шаханов Н. П. 1917-й год во Владимирской губернии: хроника событий. Владимир, 1927. С. 17.

⁹ Старый Владимирец. 1917. 5 марта. № 51. С. 4.

¹⁰ Омелянчук И. В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022. С. 91, 48, 17.

был арестован 4 марта за попытку спровоцировать уличную толпу на беспорядки¹¹. Таким образом, сразу после Февральской революции члены монархических партий не являлись первоочередной целью для ареста, задержаны были лишь лидеры партий и один из активистов, пытавшийся спровоцировать беспорядки.

Четвертого марта на заседании Владимирской городской думы, куда были приглашены представители других общественных организаций губернии, был сформирован Владимирский губернский временный исполнительный комитет (ВГВИК), который и возложил на себя обязанности по управлению губернией и по защите революционной власти и борьбе с контрреволюцией. В начале марта уездные исполнительные комитеты формируются в Александрове, Гороховце, Гусь-Хрустальном, Вязниках, Киржаче, Коврове, Меленках, Муроме, Переславле-Залесском, Покрове, Суздале и Юрьеве-Польском¹². Одновременно Временным правительством был создан институт комиссаров, которыми обычно становились председатели земских управ. В губернии — губернские председатели, а в уездах — уездные. Во Владимирской губернии комиссаром Временного правительства был назначен С. А. Петров, являвшийся также председателем ВГВИК.

Аресты представителей царской администрации были проведены и в уездах. В Иваново-Вознесенске были арестованы полицмейстер Шапкин, помощник полицмейстера Бессонов, пристав Мякишев, помощник надзирателя Леонидов, жандармский ротмистр Лыклов, подполковник Васильев, казачий вахмистр Колоколов, чины сыскного отделения¹³. В Вязниках были отправлены в тюрьму поручик Величко и уездный воинский начальник Заремба. В Коврове распоряжением уездного исполнительного комитета были арестованы бывшие активисты местного отдела СРН — земский начальник Н. М. Маньков и секретарь городской управы П. С. Шитов¹⁴, являвшийся также секретарем Ковровского отдела СРН¹⁵. В Коврове, кроме того, были арестованы исправник Саваренский и все полицейские чины. В Меленках взят под стражу председатель уездной управы и предводитель дворянства М. А. Юдицкий¹⁶, а также местный исправник Кутырев. Все представители губернской администрации и полиции были арестованы в Гусь-Хрустальном. В Муроме арестован уездный исправник Чикваидзе¹⁷ и командир полка Фитингоф. Кроме него были арестованы жандармский полковник Дроздовский и прочие чины жандармов и городской полиции¹⁸.

¹¹ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 51. Л. 20 об.

¹² Шаханов Н. П. Указ. соч. С. 18–19.

¹³ Старый Владимирец. 1917. 8 марта. № 53. С. 4.

¹⁴ Там же С. 4.

¹⁵ Омелянчук И. В. Указ. соч. С. 96.

¹⁶ Старый Владимирец. 1917. 8 марта. № 53. С. 4.

¹⁷ Шаханов Н. П. Указ. соч. С. 18.

¹⁸ Старый Владимирец. 1917. 9 марта. № 54. С. 4.

Если во всех указанных выше населенных пунктах аресты носили в основном превентивный характер (во Владимире исключение составил М. И. Байкусов), то в Судогде портной Чугунов, некая Малягина, приказчик свечного магазина по имени Николай, а также полицейский надзиратель Романов и его помощник Анисимов были задержаны за организацию массовых выступлений населения против новой власти, сопровождавшихся нарушениями общественного порядка¹⁹.

5 марта 1917 г. губернский исполнительный комитет постановил запросить командующего войсками Московского военного округа о том, как поступить с арестованными военными чинами. Судьбу же остальных арестованных должна была решать особая комиссия, цель которой состояла в проверке обоснованности и законности всех уже совершенных арестов и, в случае необходимости, в произведении новых арестов. Комиссия по делам арестованных также рассматривала разного рода просьбы, в том числе и по поводу разрешений на свидания с арестованными. В состав данной комиссии вошли Н. Н. Овчининский, Г. Г. Козлов, Я. Е. Коробов, К. И. Мордвинов и Ф. В. Муханов²⁰.

Как было отмечено выше, одними из первых постановлений Временного правительства были упразднены корпус жандармов и Департамент полиции²¹. При этом всех бывших жандармов следовало направить в действующую армию на общих основаниях, а принимать их на службу в милицию запрещалось. Владимирский губернский временный исполнительный комитет своим решением признал недопустимым принятие бывших жандармов на службу в милицию²².

Арестованные как в самом Владимире, так и в уездных городах губернии достаточно быстро оказались на свободе. Бывших полицейских жандармов отправляли к губернскому воинскому начальнику, который, в свою очередь, распределял их в действующие части. Такая же участь ждала и добровольно явившихся полицейских, жандармов и офицеров. Недолго пробыли под арестом и высшие чины губернской администрации и офицеры Владимирского гарнизона. Штенгера и фон Кнаута решено было освободить 11 марта, так как их задержание было обусловлено тем, что они носят немецкие фамилии²³. Вице-губернатор Мясоедов также был освобожден 11 марта, так как, когда его арестовали, он тяжело болел воспалением легких²⁴.

Освобождение же губернатора, его жены и полицмейстера было пока признано преждевременным. Одной из причин такого решения послужило

¹⁹ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 51. Л. 46.

²⁰ Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 8 марта. № 3. С. 1.

²¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917. С. 27.

²² Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 8 марта. № 3. С. 1.

²³ Там же..

²⁴ Там же. С. 2.

недовольство солдат гарнизона, которые были против освобождения кого-либо из администрации²⁵. Однако 16 марта были освобождены и губернатор В. Н. Крейтон с супругой, а также генерал Гамбурцев вместе с полковниками Тарасовым и Евсеевым, обвинявшимися в попытке воспрепятствовать революционным событиям 3 марта 1917 г. Всех освобожденных, а с ними и поручика Зеге фон Лауренберга было решено отправить в Москву, в соответствии с предписанием командующего войсками Московского военного округа А. Е. Грузинова, привезенным его адъютантом²⁶.

Кроме того, 15 марта был освобожден ревизор акцизного ведомства Бер, который изначально явился к новой власти добровольно. 17 марта было принято решение о переводе арестованного Г. А. Дартау в распоряжение районного уполномоченного по 12 губерниям профессора Новгородцева, так как ранее Г. А. Дартау отвечал за заготовку дров для Москвы, Владимира и Рязани, а также Московской и Рязанской губерний. Кроме него был освобожден и передан в распоряжение воинского начальника бывший жандармский полковник Будницкий. С них была взята расписка, что они никогда больше не будут проживать во Владимирской губернии²⁷. 20 марта из-под ареста был освобожден М. А. Юдицкий, ранее арестованный Меленковским исполнительным комитетом и позднее переведенный во Владимир.

22 марта дошла очередь и до арестованных ранее активистов монархических партий: на заседании ВГВИК было решено освободить В. М. Карякина, М. А. фон Мореншильдта и М. В. Байкусова, правда с условием, чтобы первые двое выехали за пределы губернии до созыва Учредительного собрания, а последний — на один месяц²⁸. 29 марта был освобожден бывший полицмейстер В. А. Иванов, который находился на излечении в губернской земской больнице.

Со временем большая часть арестованных была освобождена. Исключение составили те, кто действительно совершил преступление или же признавался вредным для нового строя. Дольше всего Владимирский губернский временный исполнительный комитет не хотел освобождать правителя канцелярии губернатора М. И. Трегубова, деятельность которого вызывала больше всего вопросов с точки зрения закона. Но и он был освобожден 12 апреля 1917 г., однако ему воспрещалось выезжать из Владимира, а для расследования его служебной деятельности по продовольствию губернии была создана специальная комиссия²⁹, а 5 мая еще одна³⁰.

Зачастую задержания граждан были абсолютно бесконтрольными, с чем пытался бороться ВГВИК, однако аресты не прекращались. Осуществляли

²⁵ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 51. Л. 63–63 об.

²⁶ Там же.. Л. 74–74 об.

²⁷ Там же.. Л. 82–82 об.

²⁸ Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 25 марта. № 19. С. 4.

²⁹ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 51. Л. 106.

³⁰ Там же.. Л. 128.

их представители самых разных организаций, а иногда просто солдаты и даже обыватели. Например, 7 марта 1917 г. десять женщин привели под конвоем в исполнительный комитет крестьянина села Овчухи, бывшего председателя волостного попечительства П. И. Афанасова, которого обвиняли в злоупотреблениях при выдаче пайка семьям призванных. Арестованного для разбирательства передали уездному комиссару³¹. 8 апреля 1917 г. без ведома как Владимирского губернского исполкома, так и Совета солдатских депутатов были арестованы вольноопределяющийся Дитмар и брандмейстер Соломка. Основанием для ареста первого (между прочим, георгиевского кавалера) была немецкая фамилия, второго — недовольство пожарной команды. Солдаты требовали от начальника милиции города Владимира Г. Т. Плющева провести обыск у бывшего жандармского полковника Будницкого. В связи с этим Плющев вынужден был просить ВГВИК выпустить воззвание к населению с призывом не допускать самочинных арестов и обысков, а также разъяснить гражданам порядок их производства³².

ВГВИК, в свою очередь, издал правила, согласно которым отныне арестовывать людей во Владимирской губернии имели право только: 1) губернский и уездные комиссары; 2) судебные власти, судебные следователи и судьи; 3) чины городской и уездной милиции в предоставленных им законом случаях. Частные лица и учреждения для ареста или произведения обыска должны были обращаться к одному из вышеуказанных лиц и только в исключительных случаях, например, будучи очевидцами совершения какого-либо преступления, могли задержать преступника самостоятельно³³. Это постановление значительно снизило количество незаконных арестов, но не избавило от них окончательно, так как помимо ВГВИК существовали также Советы, присвоившие себе схожие полномочия.

Кроме того, некоторое количество арестов было инициировано тюремной комиссией Владимирского губернского исполнительного комитета, которая 11 мая 1917 г. представила в Совет ВГВИК доклад о деятельности должностных лиц тюремной администрации: губернского тюремного инспектора К. Н. Капацинского, бывшего начальника Владимирской временной каторжной тюрьмы капитана Гавемана, действующего начальника Павлова-Сильванского, его помощника Васильева и начальника Владимирской губернской тюрьмы Бубекина³⁴. При этом капитана Гавемана, который был уволен сразу после Февральской революции, тюремная комиссия решила привлечь к уголовной ответственности и арестовать. Остальные обвинялись в разного рода нарушениях, злоупотреблении полномочиями, применении к заключенным наказаний

³¹ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

³² Там же. Л. 21–21 об.

³³ Там же. Д. 68. Л. 7.

³⁴ *Ерин Д. А.* Тюремная комиссия Владимирского временного губернского исполнительного комитета (февраль – октябрь 1917 года): организационные и правовые аспекты деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1 (62). С. 145.

по надуманным поводам, присвоении тюремного имущества. Интересно, что членами тюремной комиссии являлись А. С. Уваров и М. И. Соболева, ранее отбывавшие наказание во Владимирской губернской тюрьме. При этом в работу тюремной комиссии ВГВИК достаточно активно вмешивался Совет солдатских депутатов, запрашивая, например, объяснения по причине высылки из губернии М. В. Байкусова или освобождения бывшего полицейстера В. А. Иванова. На данные запросы обычно следовали сухие отписки³⁵.

После Февральской революции по всей стране начались аресты секретных сотрудников охранки. Сведения о них находились в жандармских архивах. Поэтому члены ВГВИК М. М. Зубков и Н. И. Яхонтов при содействии правителя дел Губернской архивной комиссии А. В. Смирнова перевезли архив Владимирского губернского жандармского управления (ГЖУ) в Губернскую ученую архивную комиссию³⁶. Уже 20 марта была организована специальная комиссия по разработке жандармского архива, куда вошли Н. В. Малицкий, П. И. Неволин, В. А. Навроцкий, Я. И. Сонн, П. П. Котельников, С. Н. Бакунин, Кукольников, Токарев, Григорьев³⁷.

Исполнительный комитет московских общественных организаций в поиске сведений о секретных сотрудниках Московского ГЖУ обратился во Владимирский губернский временный исполнительный комитет с запросом о материалах дела бывшего смотрителя Сергиево-Посадской почтово-телеграфной конторы И. Г. Александрова или о переводе его в Москву с целью допроса³⁸. Административная комиссия ВГВИК 31 августа 1917 г. ответила, что дело И. Г. Александрова находится в жандармском архиве и для его получения необходимо обратиться к П. И. Неволину, однако тот, в свою очередь, сообщил, что дело уже передано прокурору окружного суда, который и будет его рассматривать³⁹.

Для суда над бывшими агентами царской охранки в Москве был создан междупартийный совестный суд, в состав которого вошли по одному представителю от каждой из ведущих революционных партий того периода: социал-демократов (большевиков и меньшевиков), социалистов-революционеров, трудовиков, народных социалистов, конституционно-демократической партии и Бунда. По образцу московского совестного суда должны были быть организованы суды и в других губерниях России, в том числе и во Владимирской. Для этого Комиссия по обеспечению нового строя исполнительного комитета

³⁵ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 44. Л. 60.

³⁶ Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 12 марта. № 7. С. 4.

³⁷ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 70. Л. 9.

³⁸ *Лобов М. Н.* Взаимодействие Владимирского Губернского Временного Исполнительного комитета с Временным правительством и его представителями в губернии // Гусевские чтения – 2023. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практика: сб. науч. статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). М., 2023. С. 335.

³⁹ ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 58. Л. 8.

московских общественных организаций 15 июля 1917 г. выслала во Владимирский губернский исполнительный комитет документы, необходимые для правильной организации междупартийного совестного суда⁴⁰.

Однако во Владимире междупартийный совестный суд был создан еще до получения инструкций из Москвы, по инициативе административной комиссии ВГВИК. 6 июля 1917 г. состоялось его первое общее собрание. Но организаторы этого суда все же решили воспользоваться опытом аналогичного столичного учреждения и попросили М. И. Соболеву выяснить, как организован междупартийный совестный суд в Москве. Именно она сообщила владимирцам, что в состав такого суда должны входить только члены перечисленных выше партий.

Владимирский губернский временный исполнительный комитет принял участие в организации междупартийного совестного суда над агентами охранки, но решать их судьбу предстояло представителям партий, делегированных в эту структуру. Многие из них являлись членами Владимирского губернского исполнительного комитета, что свидетельствует об их высоком авторитете как в своих партиях, так и в среде губернской общественности.

Первое заседание суда, в состав которого входили А. А. Потапов, И. Д. Оводов, А. М. Лифанов, Н. М. Георгиевский и М. А. Иорданский (председатель), состоялось 5 августа 1917 г. На нем были рассмотрены несколько дел. Так, бывший чиновник Муромской почтово-телеграфной конторы Н. К. Варежкин был привлечен к суду как сотрудник Владимирского охранного отделения и обвинен в перлюстрации. Доклад о деятельности Варежкина зачитали члены Комиссии по новому строю П. И. Неволин и А. С. Уваров, свидетелем выступал бывший начальник сыскного отделения Владимирского ГЖУ Киселев. Установив факт перлюстрации переписки и выяснив, что Варежкин получал от охранки деньги, суд решил: дело Н. К. Варежкина передать через административную комиссию на рассмотрение прокурора⁴¹.

Весьма характерным было дело бывшего учителя Седлецкой гимназии (Царство Польское) Ю. О. Дашевского, привлеченного к суду в качестве секретного сотрудника Владимирского ГЖУ. Сведения об этом сохранились в жандармском архиве. Арестован он был еще в конце марта 1917 г.⁴² Члены Комиссии по новому строю П. И. Неволин и А. С. Уваров в своем докладе сообщили, что Ю. О. Дашевский состоял сотрудником охранки с 1902 г. и находился в эвакуации во Владимире с 1916 г. Обвиняемый передавал жандармам важные сведения о деятельности революционных партий и отдельных лиц. За свою работу Ю. О. Дашевский получал от 25 до 30 руб. в месяц, а однажды получил 40 руб. Из его доносов следовало, что руководящая роль в оппозиционном движении во Владимире принадлежит группе лиц: Иорданскому,

⁴⁰ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 30. Л. 41.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² Старый Владимирец. 1917. 7 апреля. № 73. С. 3.

Куклеву, Шиллерову, Башмачникову, Бауэру, Неволину, Урусову, Лапшину и Бакунину. Свои собрания они проводили в студенческой организации⁴³, которая помогала пострадавшим от войны, а также военнопленным. Любопытно, что на суде присутствовали двое из тех, о ком доносил Ю. О. Дашевский: П. И. Неволин был обвинителем, а Иорданский — председателем суда.

Учитывая, что Ю. О. Дашевский добровольно сотрудничал с охранкой и являлся идейным защитником самодержавного строя, междупартийный совестный суд признал его вредным для государственного строя и общественной безопасности. Приговор суда был следующим: продлить содержание Ю. О. Дашевского под стражей до созыва Учредительного собрания, но не дольше трех месяцев, начиная с 5 августа 1917 г., а также ходатайствовать о лишении обвиняемого как пассивного, так и активного избирательного права на предстоящих выборах в Учредительное собрание⁴⁴. Следует отметить, что такое наказание является, в общем-то, типичным для того времени.

Еще более лояльно междупартийный совестный суд отнесся к М. Д. Алиманову, являвшемуся сотрудником Владимирского ГЖУ с 1914 г., что подтвердил свидетель Киселев и признал сам обвиняемый. Алиманов информировал жандармов о различных организациях, действовавших на заводе в г. Гусь-Хрустальный. Сведения, которые он сообщал, были в основном экономического характера, но были регулярными и имели указания на отдельных лиц⁴⁵. Междупартийный совестный суд постановил освободить М. Д. Алиманова из заключения и высказать ему порицание и гражданское недоверие с опубликованием в печати и сообщением в г. Гусь-Хрустальный. Стоит отметить, что по закону ни М. Д. Алиманову, ни Ю. О. Дашевскому нельзя было предъявить никаких обвинений, поэтому они требовали своего освобождения, ссылаясь на закон Временного правительства от 18 июля 1917 г., запрещающий держать заключенного больше недели, не предъявляя ему обвинения⁴⁶. Этим законом пытались воспользоваться многие бывшие сотрудники корпуса жандармов.

Заседания междупартийного совестного суда впоследствии продолжились, и ряд секретных сотрудников Владимирского ГЖУ были осуждены.

Заключение. Таким образом, практически сразу же после своего создания Владимирский губернский временный исполнительный комитет приступил к арестам лиц, представляющих, по мнению его членов, угрозу для нового строя и общественной безопасности. Это в первую очередь касалось представителей губернской администрации, офицеров воинских частей Владимирского гарнизона, бывших полицейских и жандармов, а также вообще сторонников монархии. Однако инициатором арестов был не только ВГВИК, но и имеющий

⁴³ ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Л. 11.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Д. 44. Л. 35.

реальную силу и огромный авторитет Совет солдатских депутатов, а также охваченные революционным энтузиазмом обыватели. В связи с этим одной из своих главных задач Владимирский губернский временный исполнительный комитет считал прекращение самочинных арестов и введение их в законные рамки.

Эти усилия принесли свои плоды: вскоре волна арестов начала спадать, а большая часть заключенных либо была переведена в Москву для дальнейших разбирательств, либо передана воинскому начальнику для отправки на фронт, либо вовсе была отпущена, подвергнувшись наказанию в виде общественного порицания. Иногда применялось выдворение за пределы губернии на определенный срок, тюремное же заключение — очень редко. Правда, некоторые из арестованных просидели в заключении несколько месяцев, ожидая приговора комиссии об арестованных, комиссии о несудебных арестах или между-партийного совестного суда. Но даже эти арестованные крайне редко признавались настолько опасными для нового строя, чтобы оставлять их и далее в заключении. Такое мягкое отношение к «врагам нового строя» было характерной чертой для всего периода существования Временного правительства, что объяснялось в первую очередь революционным романтизмом и надеждами на радикальное положительное изменение людей после революции. Кроме того, следует отметить, что с точки зрения законов Российской империи, которые, пусть и в измененном виде, но продолжали действовать на территории страны, арестованным зачастую было нечего предъявить, кроме нарушения норм новой, революционной морали.

Литература

1. Владимирская милиция: Прошлое и современность, 1802–2002 г. / авт.-сост. Александр Сухарев. Владимир: Реко, 2002. 333 с.
2. Ерин Д. А. Тюремная комиссия Владимирского временного губернского исполнительного комитета (февраль – октябрь 1917 года): организационные и правовые аспекты деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1 (62). С. 141–149.
3. Лобов М. Н. Взаимодействие Владимирского губернского временного исполнительного комитета с Временным правительством и его представителями в губернии // Гусевские чтения – 2023. Три измерения политической истории России: Идеология, политика, практика: сб. научных статей. М.: Зерцало-М, 2023. С. 326–337.
4. Лукоянов И. В. Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и ее подследственные // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 226–240.
5. Омелянчук И. В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. М.: МГПУ, 2022. 444 с.
6. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / под ред. О. Н. Знаменского. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1980. 256 с.

References

1. Vladimirskaia militsiia: Proshloe i sovremennost', 1802–2002 g. [Vladimir militia: Past and present, 1802–2002] / avt.-sost. Aleksandr Sukharev. Vladimir: Reko, 2002. 333 p. (In Russ.).
2. Erin D. A. Tiuremnaia komissiiia Vladimirskaia vremennogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta (fevral' – oktiabr' 1917 goda): organizatsionnye i pravovye aspekty deiatel'nosti [Prison commission of the Vladimir Provisional Provincial Executive Committee (February – October 1917): organizational and legal aspects of activity] // Vestnik Vladimirskaia yuridicheskogo instituta. 2022. № 1 (62). P. 141–149. (In Russ.).
3. Lobov M. N. Vzaimodeistvie Vladimirskaia Gubernskogo Vremennogo Ispolnitel'nogo komiteta s Vremennym pravitel'stvom i ego predstaviteliami v gubernii [Interaction of the Vladimir provincial provisional executive committee with the Provisional Government and its representatives in the province] // Gusevskie chteniia – 2023. Tri izmeneniia politicheskoi istorii Rossii: Ideologiya, politika, praktika: sbornik nauchnykh statei. Moscow: Zertsalo-M, 2023. P. 326–337. (In Russ.).
4. Lukoyanov I. V. Nakazannye bez viny: Chrezvychainaia sledstvennaia komissiiia Vremennogo pravitel'stva i ee podsledstvennye [Punished without guilt: The Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government and its persons under investigation] // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX – nachale XX veka: issledovaniia, istoriografiia, istochnikovedenie. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009. P. 226–240. (In Russ.).
5. Omelyanchuk I. V. Gubernskie pravye (stanovlenie i evoliutsiia konservativnogo kryla partiinoi sistemy Rossii na primere Vladimirskaia gubernii) [The Provincial Right (the formation and evolution of the conservative wing of the Russian party system on the example of the Vladimir province)]: monografiia. Moscow: MGPU, 2022. 444 p. (In Russ.).
6. Startsev V. I. Vnutrenniaia politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava [Internal policy of the Provisional government of the first composition] / pod red. O. N. Znamenskogo. Leningrad: Nauka: Leningr. otdelenie, 1980. 256 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47).084.1; 94(47).084.2

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.07

Местковский Дмитрий Александрович

кандидат исторических наук

средняя школа № 86

Волгоград, Россия

mestkovskiy@mail.ru

**ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В ПАРТИИ ЭСЕРОВ
ПО ВОПРОСУ О ВХОЖДЕНИИ ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ КОАЛИЦИЮ В 1917 г.**

Аннотация. Февральская революция часто рассматривается как демократический этап революции 1917 г. Таковыми же представляются и основные силы, действовавшие в этот период. Партия социалистов-революционеров, одна из участниц правящей коалиции буржуазных и социалистических партий, являлась самой многочисленной политической силой. Анализ воззваний, решений конференций, совещаний партийного совета показывает, что отношение к формированию правительства рядовых эсеров резко расходилось с представлениями партийного актива. Неприятие партийными массами вхождения представителей партии во Временное правительство привело к тому, что руководство эсеров для получения необходимого решения пошло на нарушение как предыдущих постановлений, так и организационных форм, что искажало представления о демократии в партии. В статье обращается внимание на отказ от принципа свободного волеизъявления всех членов партии при выработке решений, на замену выборных делегатов работниками комитетов. Эти и другие факты организационной деятельности ПСР не получили отражения в научной литературе, преобладающей точкой зрения которой сегодня является тезис об эсерах как демократической альтернативе большевизму. Представленный материал позволяет показать степень лояльности в партии к решению о вхождении в коалиционное правительство. Являясь отражением настроений руководства партии, оно не всегда соответствовало представлениям рядовых членов. Это привело к противостоянию левых и правых эсеров.

Ключевые слова: Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, коалиционное правительство, однородное социалистическое правительство, эсеры.

Для цитирования: Местковский Д. А. Внутрипартийная борьба в партии эсеров по вопросу о вхождении ее представителей в правительственную коалицию в 1917 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 93–108. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.07

Original article

UDC 94(47).084.1; 94(47).084.2

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.07

Mestkovsky Dmitry A.

Candidate of Historical Sciences

secondary school № 86

Volgograd, Russia

mestkovskiy@mail.ru

**INTERNAL PARTY STRUGGLE
IN THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY
ON THE ISSUE OF ITS REPRESENTATIVES
JOINING THE GOVERNMENT COALITION IN 1917**

Abstract. The February Revolution is often regarded as the democratic stage of the 1917 revolution. The same are considered the main forces that acted in this period. The party of socialists-revolutionaries, one of the participants of the ruling coalition of bourgeois and socialist parties, was the most numerous political force. The analysis of appeals, decisions of conferences, meetings of the party Council shows that the attitude to the formation of the government of the rank-and-file SRs sharply differed from the views of the party activists. The rejection of the party masses of the entry of party representatives into the Provisional Government led to the fact that the leadership of the SRs for obtaining the necessary decision went to the violation of both the previous resolutions and the organizational forms, which violated the representations of democracy in the party. The article draws attention to the refusal of the principle of free expression of all party members in the development of decisions, to the replacement of elected delegates by workers of committees. These and other facts of the organizational activity of the PSR did not receive reflection in the scientific literature, the prevailing point of view of which today is the thesis of the SRs as a democratic alternative to Bolshevism. The presented material allows to show the degree of loyalty in the party to the decision to enter the coalition government. Being a reflection of the moods of the party leadership, it did not always correspond to the representations of the rank-and-file members. This led to the confrontation of the left and right SRs.

Keywords: N. D. Avksentiev, V. M. Zenzinov, coalition government, homogeneous socialist government, SRs.

For citation: Mestkovsky D. A. Internal party struggle in the Socialist Revolutionary Party on the issue of its representatives joining the government coalition in 1917 // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 93–108. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.07

Введение. Более века прошло после революции и прихода к власти в России социалистических партий в 1917 г. Казавшийся незыблемым и господствовавший на протяжении почти всего XX века¹ советский подход к изучению Партии социалистов-революционеров (ПСР)

¹ *Стеклов Ю. М.* Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922; *Вардин И. В.* Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы). М., 1922; *Гармуза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970.

как партии мелкобуржуазных соглашателей уступил место другим подходам. Появились работы иностранных исследователей², которым, впрочем, отечественные ученые отказывают в создании «объективной» и «научной» историографии ПСР³. Сегодня в историографии преобладает взгляд, который сложился в середине XX в. за рубежом в эмигрантской эсеровской среде⁴. Он распространился в России к началу XXI в. и заключается в разделении участников революционного движения на сторонников демократической альтернативы и авторитаризма, относя эсеров к первым. Основания для этих взглядов исследователи видят в деятельности лидера партии В. М. Чернова⁵, в позднейших публикациях эмигрантов второй половины XX в.⁶

На современном этапе база источников расширилась. Публикация документов, начавшись с конца 1990-х гг., продолжается вплоть до настоящего времени⁷. Сложилась ситуация, когда документы и материалы преобладают над исследовательскими работами. Однако это не привело, как отмечают историки, к появлению в историографии серьезного исследования, а история ПСР по-прежнему считается недостаточно разработанной⁸. Отсутствие научной истории отмечают и авторы сборника документов позднейшего периода существования ПСР⁹. Рассмотрение борьбы сторонников и противников коалиционного правительства проливает свет на характер партии.

Ход и результаты исследования. Февральская революция вывела ПСР из подполья, сделав центральным вопрос формирования власти, отмечал видный представитель партии В. М. Зензинов. Вместе со считавшим себя эсером депутатом Государственной думы А. Ф. Керенским они восстанавливали в Петрограде партийные организации. Активная роль близко познакомившихся В. М. Зензинова и А. Ф. Керенского предопределила участие членов

² Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

³ Сергеев С. Наследие В. М. Чернова [вступ. ст.] // Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 3; Суслов А. Ю. Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань, 2007. С. 150, 154, 183.

⁴ Карпович М. П. Традиции русской общественной мысли // Судьбы России: сб. ст. Нью-Йорк, 1957. С. 5–25.

⁵ Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009; Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Виктор Чернов: Судьба русского социалиста. М., 2015.

⁶ Морозов К. Н. Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 144–157.

⁷ Партия социалистов-революционеров: документы и материалы: в 3 т. (далее — ПСР). Т. 3. Ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г. М., 2000; Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. Документы и материалы. М., 2022.

⁸ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) с комментариями В. М. Чернова / [вступ. ст. Ю. Г. Фельштинского, Г. Н. Чернявского] // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 3–4.

⁹ Голосеева А. А., Морозов К. Н., Суслов А. Ю. Социалисты-революционеры в годы последней эмиграции // Партия социалистов-революционеров в эмиграции... С. 5.

ПСР в создании Исполнительного комитета (Исполкома, ИК) Совета рабочих и солдатских депутатов (С. р. и с. д.). Войдя в его состав вместе с группой в количестве 30–40 человек, «никем не уполномоченных» на то, они собрались в Таврическом дворце, там же, где создавалось и Временное правительство (ВП)¹⁰. Другой влиятельный член партии, Н. Д. Авксентьев, отмечал соглашение двух самочинно возникших органов — комитета Госдумы и Советов рабочих и солдатских депутатов, — на основании которого было создано Временное правительство¹¹. Известный участник событий, бывший эсер, но в 1917 г. — социал-демократ, член Исполкома Н. Н. Суханов называл В. М. Зензинова «энергичным (закулисным) помощником и верным оруженосцем» А. Ф. Керенского, а его самого — орудием лидеров октябристов и кадетов. Параллельно с группой В. М. Зензинова, связанного с Государственной думой и опирающегося на «интеллигентов и студентов», формировалась и другая. Ее лидер — левый эсер В. А. Александрович (в будущем «помощник» Ф. Э. Дзержинского в ВЧК) — руководил рабочими-эсерами и выстраивал связи с группой социал-демократов — «межрайонцами»¹².

Воззрения групп были противоположны. Объединившиеся вокруг В. М. Зензинова поддержали решение Исполкома об образовании Временного правительства из представителей цензовых (буржуазных) кругов¹³. Группа В. А. Александровича от имени Петербургского комитета ПСР опубликовала воззвание с призывом к созданию правительства рабочих и солдат, недоверии Временному правительству, создаваемому временным комитетом Государственной думы и представляющему тех, «кто побогаче, да посановитее»¹⁴. Эсеровские группы не только выдвинули взаимоисключающие программы, но одна из них имела договоренность с комитетом Госдумы о невозможности компромисса с другой.

В. М. Зензинов увидел в воззвании В. А. Александровича стиль «пугачевской прокламации», решив его остановить во что бы то ни стало. Он наложил запрет на распространение воззвания группы В. А. Александровича и привлек к дальнейшим действиям А. Ф. Керенского. Следуя их рекомендациям, Исполком прокламации задержал. Н. Н. Суханов отмечал деликатные особенности ситуации. Во-первых, решение ограничивало свободу социалистической группы, а во-вторых, инициаторами решения были сами социалисты-революционеры. Так, в Исполкоме эсер Б. О. Флеккель представил прокламацию как срыв революции, а А. Ф. Керенский эмоционально (в отчаянии), обвинил его в провокации и грозил «карами». В. М. Зензинов говорил о слабости группы ультралевого В. А. Александровича, называя его незначительной фигурой.

¹⁰ Зензинов В. Февральские дни // Новый журнал. 1953. № 34. С. 190; № 35. С. 216, 217, 221, 225–231.

¹¹ Большевицкий переворот. Воспоминания Н. Авксентьева // Отечественная история. 1992. № 5. С. 149.

¹² Суханов Н. Записки о революции. Книга первая. Петербург, 1919. С. 94, 185, 229.

¹³ Зензинов В. Указ. соч. № 35. С. 221, 225–231.

¹⁴ Товарищи солдаты! // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 20–21.

Он отмечал контакты группы с большевиками, попытки раздобыть денег с помощью А. Ф. Керенского и отсутствие сочувствия у последнего. Н. Н. Суханов указывал, что «официальное эсерство» от левого В. А. Александровича «открещивалось», но он, поддержанный рабочими, прошел процедуру выборов в Исполнительный комитет. А вот В. М. Зензинов, опиравшийся на кружки интеллигентов, «монополизировавших партийную марку», выборы не прошел и в Исполкоме оказался по квоте, предоставленной соцпартиям. Зензинов со скепсисом признавал «эмиссара» В. М. Чернова В. А. Александровича нелегальным, но все же эсером, а Петербургский комитет им не признавался совсем. Он считал его фиктивной организацией, а его — членом одного В. А. Александровича¹⁵, отказываясь считать эсерами объединившихся вокруг него рабочих. Впоследствии меньшевистско-эсеровское большинство Исполкома отстранило бывшего «в резкой оппозиции верхам правых эсеров» В. А. Александровича от работы¹⁶.

Ситуация была настолько острой, что В. М. Зензинов считал ее отправной точкой «откола» левых от партии¹⁷. 2 марта 1917 г. его сторонниками была созвана Первая Петроградская конференция, единодушно заявившая о поддержке Временного правительства, необходимости борьбы с его дискредитацией и праве менять отношение к нему. Эсеры, ориентирующиеся на В. М. Зензинова, осудили прокламацию как изданную без ведома «правомочных партийных учреждений». В противовес издавшему ее Петербургскому комитету образовали Петроградский комитет (ПК) партии во главе с В. М. Зензиновым. Он выполнял роль высшего органа партии — Центрального комитета (ЦК) — до Третьего съезда¹⁸, перехватив инициативу у группы В. А. Александровича. Но «единодушные» решения Первой конференции показывали, что она не представляла всех эсеров Петрограда и не являлась демократически созванной.

Решения конференции задали внутрипартийный образец отношения к буржуазному Временному правительству. Четвертого марта к ней присоединился Петроградский областной комитет (ОК), затем губернские группы Киева, Красноярска и Томска¹⁹. Несколько иную тактику предлагала Московская конференция, призвав, помимо поддержки, оказывать давление на правительство²⁰. Губернские группы эсеров в Казани и Костроме заявили о принятии решений

¹⁵ Зензинов В. Указ. соч. № 34, С. 190–192, 208–210; № 35, С. 216, 217, 223–225; Суханов Н. Указ. соч. С. 94–95, 113, 218–220.

¹⁶ Архив ВЧК: сборник документов. М., 2007. С. 663.

¹⁷ Краткий отчет о работах Четвертого съезда партии социалистов-революционеров. (26 ноября – 5 декабря 1917 г.) // ПСР. Т. 3. Ч. 2. С. 116.

¹⁸ Сообщение газеты «Дело народа» о первой Петроградской конференции социалистов-революционеров // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 26–27; Резолюция первой Петроградской конференции социалистов-революционеров «Об отношении к Временному правительству» // Там же. С. 27; Ерофеев Н. Д. Примечания // Там же. С. 893.

¹⁹ Дело народа. 1917. 15 марта. № 1; 17 марта. № 3.

²⁰ Резолюции первой Московской конференции социалистов-революционеров (3 марта 1917 г.) // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 30.

и Петроградской, и Московской конференций. Организация эсеров Приморско-Финляндского района поступила так же, признав и принципы Петроградской конференции, и давление на правительство. Группа ПСР уездного рабочего Царицына вместе с поддержкой Временного правительства призвала к влиянию на него. Созванный эсерами митинг в Петрограде высказался за поддержку и за давление, а митинг Колпинского районного комитета партии условием признания Временного правительства назвал выполнение программы советов рабочих и советов солдатских депутатов²¹. Оппозиционное радикальное отношение к правительству сохранилось.

Оппозиция сохранялась и внутри партии. Четвертого марта в печати появилось постановление некоторых неназванных групп эсеров, соглашавшихся подчиняться решениям ПК временно, до новой конференции. Ее предлагалось созвать «на началах полного и правильного представительства» всех групп²². Одной из них была организация эсеров Приморско-Финляндского района (среди которых было много солдат и рабочих). Решением 10 марта участники собрания ставили признание руководящих органов в зависимость от избрания их на демократических выборах²³. Схожее решение вынесло 4 марта и собрание Выборгской районной организации, признав полномочия ПК до конференции, основанной на правильном представительстве, где из среды участников будет избран правомочный комитет. Кроме членов самой организации под председательством Е. С. Берга присутствовали 33 товарища от других районов и старые партийные работники. С докладом о Первой Петроградской конференции выступил представитель ПК, после чего М. П. Затонский призвал признать ее решения, что собравшиеся и сделали. А вот предложение другого участника увязать поддержку Временного правительства с созывом Учредительного собрания было снято, после того как представитель ПК высказался против, назвав его излишним²⁴.

Известные партийные фигуры могли менять ситуацию на местах, зарабатывая при этом политические очки (на Третьем съезде партии М. П. Затонский вошел в ЦК, Е. С. Берг стал кандидатом). Однако требования о правильном представительстве повторялись, отражая общепринятые партийные нормы. Апеллируя к ним, сторонники однородного правительства переносили разрешение спора в представительные учреждения партии. Это расходится с мнением о левых как о представителях «недемократической альтернативы» в партии²⁵. Группа правого В. М. Зензинова вместо демократических норм опиралась на поддержку Исполкома, связи с временным комитетом Думы и лучшее финансовое положение.

²¹ Дело народа. 1917. 17 марта. № 3; 18 марта. № 4; 19 марта. № 5; 13 апреля. № 23.

²² Сообщение газеты «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» о собрании петроградских социалистов-революционеров 4 марта 1917 г. // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 32.

²³ Дело народа. 1917. 17 марта. № 3.

²⁴ Там же. 21 марта. № 6.

²⁵ Морозов К. Н. Указ. соч. С. 147.

Особенности создания ПК вынудили его дать обязательство в короткий срок созвать Вторую Петроградскую конференцию с правильным представительством²⁶. 28 марта 1917 г. были выработаны условия ее созыва Петроградским и районными комитетами. Делегатов на основе пропорционального представительства направляли районные организации (одного от 50 членов). Настроения были такие, что право предоставления голоса для ПК, ОК, фракции эсеров в Советах рабочих и солдатских депутатов и редакций партийной печати отложили до самой конференции²⁷. В литературе распространено мнение о дезавуировании Второй Петроградской конференцией постановления о вхождении во Временное правительство, принятого на Первой конференции²⁸. Как говорилось выше, такого решения не было, но заявления о поддержке правительства были убраны. Вторая Петроградская конференция допускала лишь содействие Временному правительству в некоторых мероприятиях. Участие эсеров в коалиционном правительстве называлось недопустимым, а давление на него — достаточным способом взаимодействия. Подобное решение стало результатом согласования противоположных взглядов. Правые в поддержке правительства были единодушны. Старейший член ПСР докладчик Н. С. Русанов призывал не вступать в коалиционное министерство и возобновить борьбу с ним в случае отхода от обязательств. Левые разделились: В. Е. Трутовский допускал поддержку Временного правительства с большинством социалистов, Б. Д. Камков выступал за полное недоверие. Председатель конференции А. Р. Гоц от имени собрания приветствовал телеграммой министра А. Ф. Керенского²⁹. П. А. Сорокин, видный эсер, социолог, отмечал численное преобладание неопитов («новых», «февральских» эсеров), оттеснивших старых членов партии. Он, как и другие старые члены партии, не принял решения конференции и покинул ее и редакцию «Дела народа»³⁰. В. М. Чернов в воспоминаниях указывал на борьбу своего ученика Б. Д. Камкова с А. Р. Гоцем³¹.

Из публикаций видно отношение к решениям Второй Петроградской конференции. Так, 12 апреля «организованное давление» на Временное правительство поддержали 1,5 тыс. членов Невского района петроградской организации партии³². А вот Группа 36-ти (среди которых были такие видные деятели ПСР, как А. А. Аргунов, А. И. Гуковский, Б. В. Савинков, Е. А. Сталинский, Н. С. Тютчев) призвала к поддержке правительства и даже вхождению в него. Группа

²⁶ Сообщение газеты «Дело народа» о первой Петроградской конференции... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 26.

²⁷ Дело народа. 1917. 30 марта. № 13.

²⁸ Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры в 1917 г.: от Февраля к Октябрю // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 9–10.

²⁹ Вторая Петроградская конференция партии социалистов-революционеров (3–5 апреля 1917 г.) // Там же. С. 36–37, 44–45, 56–59, 77, 82.

³⁰ Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 74.

³¹ Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 309.

³² Дело народа. 1917. 14 апреля. № 24.

не считала решения Второй конференции представляющими мнение большинства партии, противопоставляя «городской» статус конференции решениям, вынесенным от имени партии. Назвав такое положение разноречием между местными и областными организациями партии, группа отказалась считаться с принятыми решениями³³. При этом А. А. Аргунов 14 апреля на заседании ПК (ЦК) присоединился к постановлениям Второй Петроградской конференции³⁴. Численность групп могла не соответствовать их статусу, а губернские, или областные, комитеты из нескольких членов претендовали на бо́льший статус, чем районные организации с сотнями и даже тысячами участников. Формы, объединявшие Группу 36-ти, отличались от форм представительства конференции с выборными от районов города делегатами. Аргументация группы восходила к традициям партии, когда вокруг вышестоящих комитетов консолидировались нижестоящие. Такими были на рубеже веков кружки А. А. Аргунова в Саратове и Москве, а О. С. Минор в 1908 г. из-за границы был назначен уполномоченным в Поволжский областной комитет³⁵. Более того, ЦК формировался так, что никто не знал, кто, когда и при каких обстоятельствах включался в него³⁶. Оттеснивший группу В. А. Александровича кружок В. М. Зензинова — пример из того же ряда. «Разноречие» между центральными и местными организациями фиксировало отсутствие влияния старых партийцев на неофитов и нежелание принимать новые условия.

Ситуацию изменили вернувшиеся эмигранты, пользовавшиеся влиянием в партии. В. М. Чернов отмечал важность их и их окружения для складывания партии³⁷. Многие стали ориентироваться на них. Так, комиссия по созыву съезда приурочила его к возвращению «товарищей из-за границы». Президиум Северной областной конференции, одним из членов которой был П. А. Сорокин, приветствовал вернувшегося В. М. Чернова и «дорогих товарищей». ПК (ЦК) 14 апреля кооптировал в свой состав и включил в редакцию «Дела народа» вернувшихся 8 апреля В. М. Чернова и Н. Д. Авксентьева. Последний стал и представителем ПК в Исполкоме Советов рабочих и солдатских депутатов, присоединившись к В. М. Зензинову и А. Р. Гоцу. При этом последний особо пояснял, что Н. Д. Авксентьев принял постановления Второй Петроградской конференции³⁸. Без этого условия, что сразу признал В. М. Чернов, он не мог войти в комитет.

Кооптируя новых членов ПК, отбросил прежние постановления о формировании комитета из среды участников конференции, нарушая принятые договоренности с некоторыми партийными группами. В. М. Зензинов говорил,

³³ Письмо 36-ти в редакцию «Дела народа» [22 апреля, 1917 г.] // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 82–83.

³⁴ Дело народа. 1917. 16 апреля. № 26.

³⁵ Чернов В. М. Указ. соч. С. 125, 284.

³⁶ Леонов М. И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века — 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2005. С. 406.

³⁷ Чернов В. М. Указ. соч. С. 321.

³⁸ Дело народа. 1917. 6 апреля. № 17; 14 апреля. № 24; 16 апреля. № 26.

что с появлением эмигрантов возникли разногласия среди партийцев³⁹, самым значительным из которых была попытка В. М. Чернова вступить в правительство, которое его биографы относят к концу апреля – началу мая 1917 г.⁴⁰ Решение Второй Петроградской конференции становилось помехой на пути к этому. На пике оказываемого доверия сторонники вхождения во Временное правительство могли столкнуться лишь с сопротивлением в партии, причем без каких-либо для себя последствий. Лидеры эсеров решили войти в правительство, отвергнув, как ранее А. А. Аргунов, решения конференции.

Намерение представителей ПСР войти во Временное правительство прослеживается с заседания ПК (ЦК) 25 апреля. Тогда же, на 28 апреля было назначено собрание Исполкома Петроградского и Московского советов рабочих и солдатских депутатов по пересмотру вопроса о вхождении в правительство представителя партии или Исполкома⁴¹. 26 апреля перед членами фракции эсеров в Советах в Петрограде выступили их представители в ПК. В результате большинство согласилось с целесообразностью коалиционного министерства⁴².

27 апреля в одном номере «Дела народа» вышли статьи В. М. Чернова, Н. Д. Авксентьева и С. Маслова. И если первый автор допускал создание собственно коалиционного правительства, то двое других убеждали в необходимости помощи эсеров буржуазному правительству в вопросах о мире и земле⁴³. На том же заседании ПК (ЦК) 25 апреля В. М. Чернов и В. М. Зензинов были делегированы на предстоящий 30 апреля Совет партии в Москву. Там 26–28 апреля под председательством члена Московского комитета (МК) ПСР С. Л. Маслова проходила Московская (Центральная) областная конференция ПСР. Собравшиеся поддержали создание коалиционного министерства и отказались от прежней тактики давления на правительство⁴⁴. Все, что публиковалось в партийной печати или делалось Московской конференцией и Петроградской фракцией, выглядело как отдельные мнения или решения местных организаций. Для последующих действий этого было достаточно.

VI Совет партии, планировавшийся до возвращения эмигрантов, оказался не нужен: открывшись 30 апреля, он был закрыт 1 мая. Начавшись на две недели позже намеченного комиссией по созыву съезда срока, он был перенесен из центра разворачивающихся в Петрограде событий в Москву. Его основным вопросом стал съезд, который Совет партии также перенес с начала мая на 25 мая в Москву⁴⁵. Будучи вторым по значимости после съезда, этот общепартийный орган, включавший видных деятелей партии из многих областей,

³⁹ Краткий отчет о работах Четвертого съезда... // ПСР. Т. 3. Ч. 2. С. 116.

⁴⁰ Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Указ. соч. С. 163–164; В. М. Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии / сост. А. П. Новиков. Саратов, 2004. С. 44.

⁴¹ Дело народа. 1917. 25 апреля. № 32.

⁴² Там же. 27 апреля. № 34.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. 30 марта. № 13; 27 апреля. № 34; 28 апреля. № 35; 30 апреля. № 37; 2 мая. № 38.

⁴⁵ Там же. 27 апреля. № 34; 6 апреля. № 17.

занимался вопросами, ранее порученными комиссии по созыву съезда. На фоне разворачивающегося в стране правительственного кризиса Совет партии не комментировал решений фракций ПСР в Советах рабочих и солдатских депутатов и Московской конференции и не высказал своего отношения к Временному правительству⁴⁶, что делали группы, менее значимые в партии. Обязательные для исполнения решения Совета партии, и тем более партийного съезда с его открытым голосованием, могли воспрепятствовать сторонникам вхождения во Временное правительство осуществить свои намерения.

После закрытия Совета в ночь с 1 на 2 мая, опираясь на поддержку фракции ПСР в Советах рабочих и солдатских депутатов, Н. Д. Авксентьев и А. Р. Гоц вошли в комиссию Исполкома для ведения переговоров об образовании коалиционного правительства. На утреннем заседании 2 мая они же доложили о ситуации в Петроградском и областном комитетах. После вечернего заседания было заявлено, что окончательное решение вопроса о вступлении представителя ПСР во Временное правительство будет принято на заседании комитетов Петрограда всех уровней⁴⁷. К решению этого вопроса подключились представители высшего руководства ПСР — глава ПК (ЦК) В. М. Зензинов и ведущий теоретик партии В. М. Чернов. Были также привлечены представители районных комитетов, позиция которых по обсуждаемому вопросу была известна. Рядовые партийцы, не состоявшие в комитетах, или их представители — избираемые делегаты, как было на Второй конференции, к решению вопроса о вхождении эсеров в состав Временного правительства не привлекались, что устраняло риски, возможные при созыве конференции.

Третьего мая под председательством В. М. Зензинова члены районных комитетов, ПК, ОК и бюро эсеровской фракции Совета рабочих и солдатских депутатов выслушали доклады В. М. Чернова и Н. Д. Авксентьева об отношении к правительству. Комитетчики согласились с мнением высших функционеров о необходимости вхождения в коалиционное министерство. Резолюция меньшинства «против», предложенная Б. Д. Камковым, была отклонена. Статус заседания 3 мая, отсутствующий как форма в партийном уставе, нарушал партийные нормы. Заседание не соответствовало принципам и структуре Петроградской конференции, решения которой отвергло. Оно не могло быть объявлено конференцией, оставшись совещанием и собранием партийного аппарата⁴⁸. По свидетельству Н. Н. Суханова, слабость позиций сторонников вхождения в коалицию все же перевесила «неоформленность» оппонентов и невысокий уровень их лидеров⁴⁹. 5 мая 1917 г. В. М. Чернов занял пост министра земледелия. Он вошел в правительство, получив поддержку комитетов, в отличие

⁴⁶ Отчет о VI Совете партии социалистов-революционеров и Постановление VI Совета партии с.-р. о партийном съезде [1 мая 1917 г.] // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 90–93.

⁴⁷ Дело народа. 1917. 3 мая. № 39.

⁴⁸ Отчет о совместном заседании петроградских организаций партии с.-р. по вопросу о вступлении с.-р. в коалиционное Временное правительство (3 мая 1917 г.) // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 94–96.

⁴⁹ Суханов Н. Указ. соч. С. 231.

от А. Ф. Керенского, сделавшего это без одобрения партии. Позже министерские посты получили и другие представители эсеров, выступавшие за вхождение в правительство. Так, Н. Д. Авксентьев в первом коалиционном правительстве получил «большое назначение» в министерстве иностранных дел⁵⁰, а 7 августа стал министром внутренних дел. С. Л. Маслов 3 октября занял пост министра земледелия.

Решение о вхождении во Временное правительство в партийных массах называли подтасованным. О его неодобрении значительным количеством членов ПСР много говорилось в печати, однако верхушка партии отрицала данный факт. Отводя упреки в «перерешении» постановления Второй Петроградской конференции, нарушившем ранее достигнутые договоренности, авторы убеждали, что это не так⁵¹. Принятие решения комитетчиками диссонировало с провозглашенными нормами партии. Постановлением VI Совета партии право принятия решений на съезде представлялось только делегатам, избранным конференциями⁵². На этот принцип обращал внимание и глава Московского комитета ПСР В. В. Руднев. Он указывал, что решения принимают не референдумы комитетов, а конференции местных организаций⁵³. То, что вопрос о вхождении во Временное правительство не должен был решаться комитетами, понимал и В. М. Чернов. На заседании 3 мая он призывал комитетчиков подтвердить полученное решение голосованиями в рабочих низах⁵⁴. Но через день Совету крестьянских депутатов В. М. Чернов представлял это решение как демократическое волеизъявление самой крупной организации партии⁵⁵. Позже в эмиграции он объяснял вхождение в правительство давлением съезда крестьянских депутатов и эсеровского съезда⁵⁶, замалчивая роль партийного аппарата.

Так, при пересмотре вопроса фракциями эсеров в Советах рабочих и солдатских депутатов допускалось право на вхождение во Временное правительство представителя не только от партии в целом, но и от исполнительного комитета⁵⁷. Это позволяло войти в правительство представителям ПСР в Исполкоме (Н. Д. Авксентьеву или А. Р. Гоцу) без решения партии, по рекомендации Исполкома. Из них только первый был готов к министерскому посту, второй же всегда отказывался от него⁵⁸. В. М. Чернов, открыто включившийся

⁵⁰ Дело народа. 1917. 3 мая. № 39.

⁵¹ Там же. 3 мая. № 39; 11 мая. № 46.

⁵² Отчет о VI Совете... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 90–93.

⁵³ Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня 1917 г.): стенографический отчет // Там же. С. 575.

⁵⁴ Отчет о совместном заседании петроградских организаций... // Там же. С. 107–108.

⁵⁵ Отчет о речи В. М. Чернова на вечернем заседании всероссийского совета крестьянских депутатов 5 мая 1917 г. // Там же. С. 116.

⁵⁶ Чернов В. М. Указ. соч. С. 326; *Его же*. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007. С. 390.

⁵⁷ Дело народа. 1917. 25 апреля. № 32.

⁵⁸ Чернов В. М. Перед бурей. С. 312, 317. *Его же*. В партии социалистов-революционеров. С. 389.

в происходившее 3 мая, убеждал участников заседания, что лишь в общих чертах знает о происходящем⁵⁹. Отстраняясь от «перерешившей» фракции и стоявшего за ней Н. Д. Авксентьева, В. М. Чернов подчеркивал свою общность с представителями районных комитетов, пытаясь опираться на массы, поддерживавшие их. Закулисная игра и ее организатор — масон Н. Д. Авксентьев — уходили в тень, а вхождение в правительство рисовалось развитием революции, вынесшим фигуру теоретика партии наверх. Игнорирование же биографами В. М. Чернова факта признания им решений Второй конференции приводит к выводу о наличии внешних условий, когда в апреле он считал это невозможным, а на рубеже апреля – мая уже согласился вступить в правительство по решению Советов рабочих и солдатских депутатов⁶⁰. При этом не учитывается, что для члена ПК решение конференции являлось обязательным и отменить его могли только на партийном форуме не меньшего статуса. Другие исследователи указывают, что в конце переговоров между Временным правительством и Исполкомом Советов В. М. Чернов, будучи «вызван» из Москвы в Петроград, получил предложение занять пост министра⁶¹. Это не отражает участия партийного лидера в череде событий и представляет его деятелем, за спиной которого приняли решение, которое в итоге он принял.

Решения в русле Петроградских конференций о поддержке Временного правительства приняли в конце апреля Ростовская конференция эсеров и организованный эсерами губернский крестьянский съезд в Саратове, где заметную роль играл Н. И. Ракитников⁶². Сообщения о поддержке вхождения в правительство местными организациями партийная печать приводит только после решения 3 мая. Из публикаций видно, что за коалиционное министерство выступали организации работников шоколадного и кондитерского производства Петрограда, служащие учреждений и армейские снабженцы, крестьянские объединения, квалифицированные специалисты железных дорог⁶³. Настроения заводских коллективов Петрограда были иные. На промышленных предприятиях вхождение социалистов в коалиционное правительство часто называлось недопустимым, звучали требования полного перехода власти в руки трудящихся. Решения о поддержке министров сопровождались напоминаниями о судьбе предшествующих правительств и их ответственности перед трудящимися⁶⁴. В резолюциях эсеровских групп, находившихся на предприятиях, отражен скепсис в отношении коалиционного министерства. Так, собрание членов ПСР Невского судостроительного и механического завода, наряду с поддержкой вхождения во Временное правительство, требовало не допускать «уклонений» буржуазных министров⁶⁵.

⁵⁹ Отчет о совместном заседании петроградских организаций... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 104.

⁶⁰ Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Указ. соч. С. 163–164; В. М. Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии. С. 43–44.

⁶¹ Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб., 2015. С. 183.

⁶² Дело народа. 1917. 28 апреля. № 35; 29 апреля. № 36.

⁶³ Там же. 9 мая. № 44; 11 мая. № 46; 12 мая. № 47; 17 мая. № 51.

⁶⁴ Там же. 7 мая. № 43; 9 мая. № 44; 10 мая. № 45; 11 мая. № 46; 19 мая. № 53.

⁶⁵ Там же. 17 мая. № 51.

Среди сообщений от областных, губернских, районных комитетов и групп лишь часть содержала высказывания за однородное правительство и считала вхождение во Временное правительство недопустимым. С губернского уровня демонстрировалась лояльность решению 3-го мая⁶⁶. В Невской организации ПСР Петрограда районный комитет, считая недопустимым вхождение в коалиционное министерство, призвал выяснить отношение к этому посредством опроса членов петроградской организации. На общем собрании ситуацию пытались изменить представитель фронта и видный член ПК А. Д. Высоцкий (с июля 1917 г. — председатель ПК). В результате организация обещала поддержку, но лишь В. М. Чернову и министрам-социалистам⁶⁷.

12 мая часть рабочих сорвала выступление Н. Д. Авксентьева на Путиловском заводе (где в период Первой русской революции он был особенно популярен⁶⁸). 15 мая другие рабочие заявили, что они неответственны за «неприятность», причиненную Н. Д. Авксентьеву, и вынесли порицание в адрес мешавших его выступлению⁶⁹. Чтобы не допустить повторения подобных инцидентов, лидеры эсеров решили проведение массовых мероприятий тщательно организовывать. За это большевик В. А. Антонов-Овсеенко сравнивал эсеров с шулерами, отметив отстранение от выступления оппонентов на митинге с участием В. М. Чернова⁷⁰.

Подобные действия руководства эсеров приводили к снижению энтузиазма партийных масс. М. И. Леонов отмечал, что в период Первой русской революции функциональность партии обеспечивали интеллигенты. Однако на фабриках и заводах «своими» считали агитаторов из рабочих и крестьян, говоривших то, что хотел слышать простой человек⁷¹. Вхождение во Временное правительство представителей ПСР, не нарушив механизма функционирования партии, меняло отношение к ней в массах, установившееся после Второй конференции.

На эти изменения влияли и противоречия в аргументации за вхождение эсеров в коалиционное министерство, приводимые сторонниками этой идеи. Заявляя о «новой эре» Временного правительства, основанной на «излучении революционной энергии рабочего класса» и «всенародном энтузиазме», В. М. Чернов откладывал эсеровскую аграрную программу до Учредительного собрания, а рабочий вопрос и министерство труда уступал меньшевикам⁷². При этом ставший министром сельского хозяйства В. М. Чернов гораздо больше активности проявлял в решении международных проблем, нежели аграрных. М. А. Натансон

⁶⁶ Там же. 3 мая. № 39; 5 мая. № 41; 7 мая. № 43; 9 мая. № 44; 10 мая. № 45; 13 мая. № 48; 17 мая. № 51.

⁶⁷ Там же. 3 мая. № 39; 19 мая. № 53.

⁶⁸ *Аракелова М. П., Городницкий Р. А.* Николай Дмитриевич Авксентьев: министр, партийный лидер, человек // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2005. № 1. С. 68.

⁶⁹ Дело народа. 1917. 18 мая. № 52.

⁷⁰ *Антонов-Овсеенко В. А.* В революции. М., 1983. С. 25.

⁷¹ *Леонов М. И.* Указ. соч. С. 408.

⁷² Отчет о совместном заседании петроградских организаций... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 97, 104–107; Отчет о речи В. М. Чернова на вечернем заседании... // Там же. С. 116.

(его учитель и старейший партийный деятель) даже прочил ему пост министра иностранных дел⁷³. Партийная пресса проводила идею, что правительство из коалиционного превратится в революционное, призывая оставить неприятные ассоциации, выражения и слова о коалиции⁷⁴. Н. С. Русанов же, ранее призывавший бороться с вхождением во Временное правительство, после появления в нем эсеров заявлял, что он поддерживает его, оставаясь против коалиции. Он объяснял это тем, что правительство станет революционным. Партийная оппозиция в лице М. А. Натансона и Б. Д. Камкова понимала, что правительство, заполучив в свой состав эсеров, вряд ли сможет улучшить ситуацию в стране, но породит сомнения в массах и «взвалит» на партию ответственность за все свои ошибки⁷⁵. Вхождение представителей ПСР во Временное правительство не гарантировало выполнения требований партийных масс, а из арсенала партийных методов устранялось давление на правительство.

Заключение. Оспорив право Второй Петроградской конференции выражать мнение партии, эсеры — сторонники вхождения во Временное правительство — использовали совещание комитетчиков 3-го мая, которое в еще меньшей степени выражало мнение партии. Победа стороны, ориентировавшейся на правительственную коалицию с буржуазией, отбросила ПСР к состоянию Первой конференции. При этом руководящие комитеты в новых условиях уже не имели сдерживающего фактора в виде одобрения их решений комитетами нижестоящими. Это нарушало баланс внутренней демократии, ранее установившийся в партии. Сторонники однородного социалистического правительства в ПСР, имея широкую поддержку в партийных низах, были оттеснены на второй план. Массы, ранее имевшие возможность доносить свое мнение до партийных верхов через выборных делегатов и выражение своей воли на митингах, также отстранялись от участия в решении вопроса о коалиционном правительстве, в чем они видели подтасовку и «перерешение».

Литература

1. Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Виктор Чернов: Судьба русского социалиста. М.: Ключ-С, 2015. 375 с.
2. Аракелова М. П., Городницкий Р. А. Николай Дмитриевич Авксентьев: министр, партийный лидер, человек // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2005. № 1. С. 66–77.
3. Вардин И. В. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты: (факты и документы). М.: ГИЗ, 1922. 40 с.

⁷³ Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 1999. С. 61–64.

⁷⁴ Дело народа. 1917. 3 мая. № 39.

⁷⁵ Отчет о совместном заседании III городской и областной петроградских конференций партии с.-р. по вопросу об отношении к коалиционному правительству (23 мая 1917 г.) // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 133, 136–137.

4. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970. 294 с.
5. Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М.: РОССПЭН, 1999. 207 с.
6. Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры в 1917 г.: от Февраля к Октябрю // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5–15.
7. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952) / [пер. с англ. Е. Шраги]. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. 486 с.
8. Карпович М. П. Традиции русской общественной мысли // Судьбы России: сб. ст. Нью-Йорк: Rausen Bros, 1957. С. 5–25.
9. Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009. 383 с.
10. Леонов М. И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века – 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г. Н. Севостьянова; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. 533 с.
11. Морозов К. Н. Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 144–157.
12. Сергеев С. Наследие В. М. Чернова [вступ. ст.] // Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1993. С. 3–17.
13. Стеклов Ю. М. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М.: Госиздат, 1922. 64 с.
14. Суслов А. Ю. Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань: КГТУ, 2007. 232 с.
15. Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров / пер. с англ. М.: Возвращение, 1993. 272 с.

References

1. Avrus A. I., Goloseeva A. A., Novikov A. P. Viktor Chernov: Sud'ba russkogo sotsialista [Viktor Chernov: the fate of a Russian socialist]. Moscow: Kliuch-S, 2015. 375 p. (In Russ.).
2. Arakelova M. P., Gorodnitsky R. A. Nikolai Dmitrievich Avksent'ev: ministr, partiinyi lider, chelovek [Nikolai Dmitrievich Avksentyev: minister, party leader, person] // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2005. № 1. P. 66–77. (In Russ.).
3. Vardin I. V. Eserovskie ubiitsy i sotsial-demokraticheskie advokaty: (fakty i dokumenty) [SR murderers and social-democratic lawyers: (facts and documents)]. Moscow: GIZ, 1922. 40 p. (In Russ.).
4. Garmiza V. V. Krushenie eserovskikh pravitel'stv [The collapse of the SR governments]. Moscow: Mysl', 1970. 294 p. (In Russ.).
5. Gusev K. V. V. M. Chernov. Shtrikhi k politicheskomu portretu (Pobedy i porazheniia Viktora Chernova) [B. M. Chernov. Strokes to the political portrait (Victories and defeats of Viktor Chernov)]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 207 p. (In Russ.).
6. Erofeev N. D. Sotsialisty-revoliutsionery v 1917 g.: ot Fevralia k Oktiabriu [Socialist-Revolutionaries in 1917: from February to October] // Partiiia sotsialistov-revoliutsionerov: dokumenty i materialy: v 3 t. T. 3. Ch. 1. Fevral' – oktiabr' 1917 g. Moscow: ROSSPEN, 2000. P. 5–15. (In Russ.).

7. Immonen Kh. *Mechty o novoi Rossii. Viktor Chernov (1873–1952) [Dreams of a new Russia. Viktor Chernov (1873–1952)] / perevod s angliiskogo E. Shragi. St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2015. 486 p. (In Russ.)*.
8. Karpovich M. P. *Traditsii russkoi obshchestvennoi mysli [Traditions of Russian social thought] // Sud'by Rossii: sbornik statei. New-York: Rausen Bros, 1957. P. 5–25. (In Russ.)*.
9. Konovalova O. V. V. M. Chernov o putiakh razvitiia Rossii [B. M. Chernov on the ways of Russia's development]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 383 p. (In Russ.)
10. Leonov M. I. *Partiia eserov: seredina 90-kh godov XIX veka — 1907 god [Socialist Revolutionary Party: mid-1990s – 1907] // Politicheskie partii v rossiiskikh revoliutsiakh v nachale XX veka / pod red. G. N. Sevost'ianova; Institut rossiiskoi istorii. Moscow: Nauka, 2005. 533 p. (In Russ.)*.
11. Morozov K. N. *Eserovskaia demokraticheskaia al'ternativa Oktiabriu 1917 g. [The social revolutionary democratic alternative to October 1917] // Saint-Petersburg Historical Journal. 2017. № 4. P. 144–157. (In Russ.)*.
12. Sergeev S. *Nasledie V. M. Chernova [vstupitel'naia stat'ia] [The legacy of V. M. Chernov [introductory article]] // Chernov V. M. Pered burei. Vospominaniia. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1993. P. 3–17. (In Russ.)*.
13. Steklov Yu. M. *Partiia sotsialistov-revoliutsionerov (pravykh eserov) [Party of Socialist-Revolutionaries (right Socialist Revolutionaries)]. Moscow: Gosizdat, 1922. 64 p. (In Russ.)*.
14. Suslov A. Yu. *Sotsialisty-revoliutsionery v Sovetskoii Rossii: istochniki i istoriografiia [Socialist-Revolutionaries in Soviet Russia: sources and historiography]. Kazan': KGTU, 2007. 232 p. (In Russ.)*.
15. Iansen M. *Sud bez suda. 1922 god. Pokazatel'nyi protsess sotsialistov-revoliutsionerov [A trial without a trial. 1922. Show trial of socialist-revolutionaries] / perevod s angliiskogo. Moscow: Vozvrashchenie, 1993. 272 p. (In Russ.)*.

Научная статья

УДК 94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.08

Тулянов Владислав Андреевич

кандидат исторических наук, доцент

Государственный университет просвещения

Москва, Россия

v.tulyanov@mail.ru; ORCID: 0009-0001-4377-3623

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СССР И РСФСР О РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: К ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Аннотация. Статья посвящена изучению нормативно-правового закрепления изменений государственной религиозной политики, произошедших в период горбачевской перестройки (1985–1991) и приведших к демократизации положения Русской православной церкви (РПЦ) в СССР. В статье рассмотрены проблемы разработки и принятия советского и российского законодательства о религиозных организациях в 1989–1990 гг. В период 1985–1991 гг. серьезно изменился правовой статус РПЦ, она постепенно освобождалась от административного давления со стороны советского государства и от попыток регламентации внутренней церковной жизни, неуклонно рос ее авторитет в обществе. Вместе с тем появлялись и возможности ее полноценного включения в жизнь советского/российского общества. Однако дальнейшей демократизации положения РПЦ в стране мешало действующее советское законодательство, принятое в предыдущие годы и не отражавшее реального положения религиозных организаций в стране.

В 1989–1990 гг. эта проблема была решена принятием законов СССР и РСФСР о религиозных организациях. Союзный закон, в отличие от республиканского, в меньшей степени был ориентирован на создание из РПЦ сильной общественной организации. Российский же закон стал основой для церковно-государственных отношений в стране в новых, уже постсоветских реалиях и открывал перед РПЦ целый спектр

различных видов деятельности, но при этом не препятствовал (скорее даже содействовал) становлению РПЦ как сильной общественной организации. Советский закон утратил силу с распадом СССР, а российский почти на весь период 1990-х гг. стал основой для государственной религиозной политики в условиях переходного периода.

Ключевые слова: Русская православная церковь, перестройка, церковно-государственные отношения, законодательство о религиозных организациях, М. С. Горбачев, патриарх Пимен (Извеков).

Для цитирования: Тулянов В. А. Законодательство СССР и РСФСР о религиозных организациях: к вопросу о демократизации положения Русской православной церкви в годы перестройки // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 109–124. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.08

Original article

UDC 94(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.08

Tulyanov Vladislav A.

Candidate of Historical Science, Associate Professor

Federal State University of Education

Moscow, Russia

v.tulyanov@mail.ru; ORCID: 0009-0001-4377-3623

LEGISLATION OF THE USSR AND THE RSFSR ON RELIGIOUS ORGANIZATIONS: ON THE ISSUE OF DEMOCRATIZATION OF THE POSITION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE YEARS OF PERESTROIKA

Abstract. The article is devoted to the study of the regulatory and legal consolidation of changes in state religious policy that occurred during the period of Gorbachev's perestroika (1985–1991) and led to the democratization of the position of the Russian Orthodox Church (ROC) in the USSR. The article examines the problems of the development and adoption of Soviet and Russian legislation on religious organizations in 1989–1990. In the period 1985–1991. The legal status of the Russian Orthodox Church seriously changed; it gradually freed itself from administrative pressure from the Soviet state and from attempts to regulate internal church life, and its authority in society grew steadily. At the same time, opportunities arose for full inclusion in the life of Soviet / Russian society. However, further democratization of the position of the Russian Orthodox Church in the country was hampered by the current Soviet legislation, adopted in previous years and which did not reflect the real situation of religious organizations in the country.

In 1989–1990 this problem was solved by the adoption of Soviet and Russian laws on religious organizations. Soviet law, unlike Russian law, was less focused on creating a strong public organization from the Russian Orthodox Church. Russian law became the basis for church-state relations in the country in the new post-Soviet realities and opened up a whole range

of different types of activities for the Russian Orthodox Church, but at the same time did not hinder (or rather even facilitate) the formation of the Russian Orthodox Church as a strong public organization. The Soviet law lost force with the collapse of the USSR, and the Russian one for almost the entire period of the 1990s. became the basis for state religious policy during the transition period of the 1990s.

Keywords: Russian Orthodox Church, perestroika, church-state relations, legislation on religious organizations, M. S. Gorbachev, Patriarch Pimen (Izvekov).

For citation: Tulyanov V. A. Legislation of the USSR and the RSFSR on religious organizations: on the issue of democratization of the position of the Russian Orthodox Church during the years of perestroika // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 109–124. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.08

Введение. Изучение церковно-государственных отношений в СССР в годы горбачевской перестройки (1985–1991) в последние два десятилетия стало настоящим историографическим трендом. Уже были изданы монографии¹, освещающие различные вопросы этой многогранной темы, и сборники ранее недоступных рядовому исследователю документов², защищены кандидатские³ и докторские⁴ диссертации. Количество же опубликованных научных статей вообще не поддается какому-либо счету.

Такой повышенный интерес как академических специалистов, так и самых широких кругов общественности к тематике церковно-государственных отношений в годы горбачевской перестройки легко объясним: с одной стороны, сам по себе примечателен факт эволюции церковно-государственных отношений в период 1985–1991 гг., достигшей своего пика в год празднования Тысячелетия

¹ *Одинцов М. И.* Вероисповедные реформы в Советском Союзе и России. 1985–1997 гг. М., 2010; История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. М., 2010; *Мельниченко О. В.* Эволюция государственно-конфессиональной политики в отношении Русской православной церкви в России. 1985–2000 гг. Пенза, 2012 и др.

² Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 2. М., 1995; *Одинцов М. И.* Совет Министров СССР постановляет: «Выселить навечно!»: сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.). М., 2002; *Фаст А. А.* Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. Документы и материалы. Барнаул, 2009 и др.

³ *Еремин А. В.* Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в контексте государственно-церковных отношений: 1988–2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004; *Ермолюк А. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви с государством и интеллигенцией в 1988–2000 годах: по материалам Челябинской области: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007; *Безбородов М. И.* Роль социально-политической доктрины Русской Православной Церкви в формировании ее отношений с государством в конце XX – начале XXI вв.: на примере Республики Карелия: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011 и др.

⁴ *Федотов А. А.* Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2009; *Симонова М. А.* Социальная, образовательная и миссионерская деятельность Русской православной церкви в контексте взаимодействия с государством и обществом (1943–2013 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015 и др.

Крещения Руси, когда в СМИ были допущены православные священнослужители, состоялась встреча патриарха Пимена (Извекова) с М. С. Горбачевым, а часть партийно-государственного аппарата приняла активное участие в юбилейных торжествах⁵; с другой же стороны, религиозный бум⁶ 1990-х гг. (безусловно, затронувший не только православную часть граждан нашей страны) и возросшая роль Русской православной церкви (далее — РПЦ) в социально-экономической и политической жизни России в 2000-е гг. являются следствием процессов, запущенных в годы горбачевской перестройки и во многом до сих пор остающихся реалиями российской действительности.

Тем не менее, несмотря на обилие научной литературы по тематике церковно-государственных отношений в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., приходится констатировать, что осмысление этой стороны горбачевской перестройки только начинается⁷. Огромное количество научных проблем теоретического, методологического, практического и конкретно-исторического характера остаются довольно поверхностно или совсем неизученными. Одной из таких проблем, несомненно, является вопрос о правовом закреплении изменений государственной религиозной политики, произошедших в период 1985–1988 гг. и приведших к дальнейшей демократизации положения РПЦ в стране, а также к разработке и принятию советского и российского законодательства о религиозных организациях в 1989–1990 гг. В данной статье предпринята попытка хотя бы частично восполнить этот историографический пробел.

Ход и результаты исследования. Церковно-государственные отношения периода 1985–1991 гг. наглядно демонстрируют хаотичность и бессистемность реформ, проходящих в стране под лозунгами горбачевской перестройки. Если для периода 1985–1987 гг. в целом характерно следование прежним принципам и нормам взаимоотношений с РПЦ, то в 1988 г. в силу ряда причин начинается постепенная демократизация положения Церкви в стране. Отказ от административного давления, церковно-государственный формат празднования Тысячелетия Крещения Руси, допуск священнослужителей в СМИ, передача РПЦ части ранее принадлежащего ей имущества — лишь небольшой перечень изменений в положении Церкви, произошедших в 1988 г. и значительно отличающих партийно-государственный курс религиозной политики от ситуации

⁵ Лебедева О. В. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Курской области: государственная политика и региональная практика // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2011. Т. 3. Вып. 3. С. 78–80; Дворянчикова Н. С., Шершинева Е. А. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Алтайском крае // Труды IV Конгресса российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций» (24–28 сентября 2018 г., г. Благовещенск). Благовещенск, 2018. С. 309–314.

⁶ Термин М. М. Мчедловой: Мчедлова М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12 (308). С. 80.

⁷ Маслов Д. В. Некоторые тенденции новейшей отечественной литературы по истории распада СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 30–36.

предшествующих лет⁸. Однако кульминация демократизации положения РПЦ в стране произошла в 1989–1990 гг., когда изменения затронули и государственное законодательство как общесоюзного, так и республиканского (РСФСР) уровня.

В сентябре 1989 г. на очередном пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев объявил о создании в СССР условий для нормального существования религиозных конфессий в соответствии с конституционными нормами⁹. Имелась в виду статья 52 Конституции СССР 1977 г., закреплявшая право граждан на свободу вероисповедания. К тому моменту у генсека действительно были основания утверждать, что эта конституционная норма в стране соблюдается.

Летом 1989 г. мощи святого князя Александра Невского были переданы РПЦ и перенесены из Музея истории религии и атеизма, находившегося в бывшем Казанском соборе в Ленинграде, в Александро-Невскую Лавру. За несколько дней до этого события советские СМИ стали открыто приглашать верующих на торжественный крестный ход и молебен, а местные власти даже частично перекрыли автомобильное движение в городе, чтобы не препятствовать верующим, пришедшим прикоснуться к святыне¹⁰. Проведение крестного хода, его масштабы и открытое освещение в СМИ вряд ли были бы возможны еще двумя годами ранее. Все это свидетельствовало о признании за РПЦ прав на свободное отправление религиозного культа и распространение своих убеждений.

В то же время произошло первое законодательное закрепление (через ведомственный нормативно-правовой акт) за гражданами СССР права исповедовать любую религию и отправлять религиозный культ. Характерно, что впервые эта правовая норма была зафиксирована в приказе № 250, подписанном министром внутренних дел СССР В. В. Бакатиным, и предоставляла подобные права заключенным¹¹. Очевидно, что потенциал религиозного просвещения планировалось использовать в целях ресоциализации заключенных в пенитенциарных учреждениях¹². Примечательно, что о таком использовании потенциала религиозного просвещения и проповеди говорил еще митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер) в своем письме М. С. Горбачеву в 1985 г.¹³ Лишь спустя четыре года партийно-государственные элиты решили опробовать эту практику в пенитенциарных учреждениях.

⁸ Тулянов В. А. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви (1990-е – 2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. С. 44–57.

⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М.: Политиздат, 1989. С. 39.

¹⁰ Кашиеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в период перестройки 1985–1991 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 112.

¹¹ Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. 2392. Оп. 1. Д. 141. Л. 6.

¹² Тулянов В. А. Проблема эффективности социального служения Русской православной церкви в пенитенциарных учреждениях в современной истории России // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 70–74.

¹³ Письмо Алексея М. Горбачеву // Яков Кротов: сайт. URL: <http://yakov.works/acts/20/1980/19851217.htm> (дата обращения: 05.10.2023).

Еще одним важным изменением в положении РПЦ в стране весной – летом 1989 г. стало появление собственной церковной газеты «Московский церковный вестник», рассчитанной на массового читателя. На тот момент единственным церковным ежемесячным изданием был «Журнал Московской патриархии», выпускаемый малыми тиражами, отсутствующий в свободной продаже и ориентированный главным образом на священнослужителей. О создании же массовой церковной газеты патриарх Пимен говорил на встрече с М. С. Горбачевым еще в апреле 1988 г.¹⁴ Чуть более года спустя вышел первый номер такой газеты. Характерно, что, по словам первого главного редактора «Московского церковного вестника» В. В. Лебедева, первый номер газеты был выпущен даже без формального разрешения Совета по делам религий при Совете Министров СССР (далее — СДР СССР)¹⁵, что свидетельствовало об отказе от административного давления на РПЦ и о соблюдении в СССР конституционного права на свободу вероисповедания и распространения своих убеждений.

Эти наиболее яркие изменения государственной религиозной политики и целый ряд других преобразований, ранее подробно рассмотренных автором настоящей статьи¹⁶, явственно показывают, что и после празднования Тысячелетия Крещения Руси советские власти не отказались от демократизации положения РПЦ в стране. Однако все происходящие перемены в положении РПЦ слабо вписывались в советское законодательство, поскольку согласно действующим на тот момент нормативно-правовым актам религиозные организации не имели статуса и прав юридического лица, а значит, большинство сфер возможной деятельности оставались для них закрытыми.

Перед советским правительством вопрос о предоставлении РПЦ статуса и прав юридического лица поднимался неоднократно, в частности об этом говорил митрополит Алексей в уже упоминавшемся письме М. С. Горбачеву в 1985 г. Вновь к этому вопросу вернулся председатель Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР (далее — СДР РСФСР) Л. Ф. Колесников. В сентябре 1989 г. он пишет записку в Совет Министров СССР (формально через голову председателя СДР СССР К. М. Харчева, что, очевидно, станет одной из причин конфликта двух Советов в будущем, подробнее об этом см. ниже), в которой озвучивает ряд своих предложений по изменению существующего советского законодательства о религиозных организациях. Так, Л. Ф. Колесников предлагал законодательно закрепить за РПЦ статус и права юридического лица, но при этом в законодательство об образовании внести положение об особом государственном контроле за церковными учебными заведениями (семинариями

¹⁴ Вопросы, поставленные патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской Православной Церкви на встрече с М. С. Горбачевым // Одинцов М. И. Указ. соч. С. 138–139.

¹⁵ Идти царским путем // Русь Державная. Православная народная газета: сайт. URL: http://rusderjavnaya.ru/news/iddi_carskim_putem/2015-12-16-695 (дата обращения: 05.10.2023).

¹⁶ Тулянов В. А. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви. С. 44–57.

и академиями), создать особую комиссию по цензурированию выпускаемой церковной литературы и нарастить масштабы атеистической пропаганды¹⁷. Очевидно, что предлагаемые меры сильно устарели, отдельные положения инициатив Л. Ф. Колесникова озвучивались СДР СССР еще в 1985 г.¹⁸ Однако спустя четыре года ни РПЦ, ни верующую православную общественность эти инициативы удовлетворить уже не могли.

В 1989 г. РПЦ отмечала еще один важный юбилей — Четырехсотлетие учреждения патриаршества в России. В связи с этим 9–11 октября в Московском Даниловском монастыре проходил Архиерейский собор. Сложно сказать, было ли известно членам собора о записке Л. Ф. Колесникова (источники об этом молчат), но озвученные 10 октября требования к советским властям заставляют думать, что в РПЦ были в курсе инициатив председателя СДР РСФСР. Архиерейский собор выдвинул ряд требований к государственной власти: признание за РПЦ статуса и прав юридического лица; предоставление прав на обучение и воспитание (в том числе в государственных учебных заведениях); разрешение на возобновление социального служения; свободу издательской деятельности; свободный допуск священнослужителей в СМИ¹⁹. Как и следовало ожидать, требования Архиерейского собора вступали в жесткие противоречия с инициативами Л. Ф. Колесникова. Однако к нарастанию конфликта это не привело, поскольку внимание партийно-государственного аппарата было отвлечено конфликтом двух Советов — СДР СССР и СДР РСФСР, — который рано или поздно должен был произойти, поскольку эти органы во многом копировали деятельность друг друга, по сути являясь двойниками. Само создание СДР РСФСР в 1986 г. церковными иерархами было встречено сугубо негативно и даже враждебно. Так, митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан) в 1987 г. писал: «Создали российский Совет. Еще больше проблем стало у Русской церкви и Синода. Мы не знаем, где и что согласовывать»²⁰. Митрополит Киевский Филарет (Денисенко), в свою очередь, на встрече постоянных членов Синода с секретарем ЦК КПСС А. И. Лукьяновым в 1989 г. называл СДР РСФСР язвой на теле церкви и государства, говорил, что Совет не способен контролировать ситуацию и задавался вопросом, зачем он нужен²¹. Стоит сказать, что за годы существования СДР СССР церковные иерархи научились находить компромиссы с его председателями, особенно с К. М. Харчевым, но создание нового Совета ставило под большой вопрос уже отработанные методы

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А-661. Оп. 1. Д. 13. Л. 136-138.

¹⁸ Тулянов В. А. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви. С. 44-57.

¹⁹ Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 9–11 октября 1989 г. // Журнал Московской патриархии. 1990. № 1. С. 11–12.

²⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 89. Пер. 8. Д. 41. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 9.

взаимоотношений: теперь приходилось находить общий язык с двумя Советами и двумя председателями, что было значительно сложнее. Тем более в условиях нарастающего кризиса во взаимоотношениях союзного и российского правительств.

Итак, причина для конфликта назревала изначально. Поводом же к началу конфликта стала внеочередная проверка республиканского Совета, решение о проведении которой было принято, очевидно, сразу после отправки Л. Ф. Колесниковым записки в Совет Министров СССР через голову К. М. Харчева. Колесников считал, что проверка была начата по личному ходатайству председателя СДР СССР, который якобы заранее подготовил отрицательную характеристику работы СДР РСФСР и его председателя²². Было ли это на самом деле так, неизвестно, запротоколированные результаты проверки в российских архивах пока выявлены не были. Для скорейшего разрешения конфликта партийно-государственное руководство спешно сняло со всех занимаемых постов К. М. Харчева и новым председателем СДР СССР назначило Ю. Н. Христораднова, который отказался и от проверки, и от ее результатов, прекратив тем самым разгоравшийся конфликт двух Советов.

Как видится, именно этот конфликт и поставил точку в существовании двух Советов: стала понятна вся несостоятельность системы управления религиозными организациями руками двух Советов-двойников. Через год Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 августа 1990 г. был упразднен СДР РСФСР²³. Его союзный двойник с серьезно урезанными полномочиями, превратившийся по сути в совещательный орган, формально просуществовал до распада СССР²⁴. Однако именно председатель СДР СССР Ю. Н. Христораднов сыграл роль автора законопроекта нового союзного закона о религиозных организациях.

В начале весны 1989 г. Ю. Н. Христораднов направляет в Верховный Совет СССР проект закона «О свободе совести и религиозных организациях в СССР». В целом законопроект был достаточно консервативным в отношении регулирования деятельности РПЦ в стране. В частности, он не предполагал наделения РПЦ статусом и правами юридического лица, однако в отношении верующих вводились новые нормы права: свобода вероисповедания и отправления религиозного культа, свобода распространения своих убеждений, право на издание религиозной литературы в стране и т. д. Однако в Верховном Совете СССР законопроект считали слишком демократичным и отправили на доработку, формально подвергнув критике только одно его положение о возможности замены воинской службы на альтернативную гражданскую

²² ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 125–128.

²³ Там же. Д. 23. Л. 13.

²⁴ *Маслова И. И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР: к вопросу о взаимоотношениях государства и Русской православной церкви (1965–1991 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М., 2011. С. 102–103.

для отдельных категорий верующих граждан²⁵. Очевидно, что законопроект после этого пережил несколько редакторских правок в СДР СССР, став еще более консервативным в отношении РПЦ. Лишь спустя год, в апреле 1990 г., в сильно измененном виде законопроект был вновь вынесен на обсуждение в Верховный Совет СССР. Однако сразу он принят не был, сначала законопроект опубликовали в советской прессе для обсуждения общественностью и специалистами²⁶.

Разумеется, к обсуждению законопроекта подключилась и РПЦ, подвергнув его жесткой критике. Особо этот вопрос обсуждался Поместным собором, заседавшим 7–8 июня 1990 г. По существу, критические отзывы собора могут быть сведены к следующим основным тезисам.

Во-первых, законопроект отказывал РПЦ в предоставлении статуса и прав юридического лица. Таким статусом и правами наделялись только религиозные общины, монастыри, духовные учебные заведения (семинарии и академии), религиозные братства и сестричества и миссионерские общества. Поместный собор требовал пересмотра этого положения и предоставления РПЦ как организации статуса и прав юридического лица.

Во-вторых, законопроект обязывал религиозные организации (общины, монастыри, братства, сестричества и т. д., но не РПЦ, регистрация которой не предполагалась, ведь это повлекло бы за собой наделение ее статусом и правами юридического лица) проходить процедуру государственной регистрации в местном исполнительном комитете районного или городского Совета народных депутатов, что подразумевало деятельность этих религиозных организаций лишь в границах города или района, где они были зарегистрированы. Деятельность за границами территориальных субъектов регистрации, очевидно, запрещалась, т. е. об общесоюзном уровне деятельности отдельных религиозных организаций в данном случае речи вообще не шло. Поместный собор также требовал пересмотра этого положения и предлагал религиозные организации республиканского значения регистрировать в Верховных советах автономных или союзных республик, а РПЦ как юридическое лицо — зарегистрировать в Верховном Совете СССР.

В-третьих, законопроект отказывал РПЦ в праве собственности на недвижимое имущество. Это было следствием отказа РПЦ в статусе и правах юридического лица. Исходя из текста законопроекта, РПЦ становилась, скорее, своеобразной управляющей организацией, собственностью же владело советское государство. Поместный собор высказал несогласие с таким положением дел, в пример был даже приведен Московский Даниловский монастырь, переданный РПЦ еще в 1983 г., отреставрированный на деньги верующих и находящийся на полном содержании РПЦ, но при этом являющийся собственностью государства. Поместный собор предлагал наделить РПЦ статусом и правами

²⁵ *Одинцов М. И.* Указ. соч. С. 78.

²⁶ Там же.

юридического лица, а следовательно, и правом собственности на недвижимое имущество, после чего предполагалась передача в собственность РПЦ всех православных культовых построек²⁷.

Тем не менее критический отзыв Поместного собора эффекта не возымел, по крайней мере на союзном уровне. Видимо, свою роль здесь сыграли процессы децентрализации союзного государства и начало суверенизации союзных республик. Однако, как видится, мы вправе предположить, что на республиканском (РСФСР) уровне голос РПЦ все же был услышан. На эту мысль наводит Декларация о государственном суверенитете России, принятая 12 июня 1990 г. Первым съездом народных депутатов РСФСР. Пункт 12 декларации провозглашал: «РСФСР гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным организациям, действующим в рамках Конституции РСФСР, равные правовые возможности участвовать в управлении государственными и общественными делами»²⁸. Характерно, что согласно этому нормативно-правовому акту религиозные организации также получили право на участие в управлении государством, что прямо противоречило союзному законодательству: «Религиозные организации, не вмешиваясь в дела государства и его органов, имеют право участвовать во всех сферах общественной жизни в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность добровольных объединений граждан»²⁹. Вопрос о том, пыталось ли российское правительство привлечь таким образом на свою сторону РПЦ, пока остается открытым. Однако последующие события с принятием российского закона «О свободе вероисповеданий», куда более демократичного в отношении РПЦ, чем советского, как будто подталкивают к такому выводу.

Вопрос о принятии закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» был внесен в повестку осенней сессии 1990 г. Верховного Совета СССР без каких-либо изменений. Сама процедура общественного обсуждения законопроекта и критика со стороны РПЦ оказались пустой формальностью. 1 октября закон был принят.

Еще в сентябре 1990 г. председатель Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности (орган, сменивший расформированный СДР РСФСР), священник Вячеслав Полосин письменно изложил свои замечания на тот момент еще к законопроекту: «Проект Закона СССР о свободе совести и религиозных организациях нуждается как в смысловом совершенствовании, так и в доработке по части законотворческой техники. Принятие его в таком виде... породит ненужное противостояние республикам...

²⁷ Определение о принятом Законе СССР о свободе совести // Русская православная церковь: официальный сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/525413.html> (дата обращения: 06.10.2023).

²⁸ Первый съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая – 22 июня 1990 года. Стенографический отчет. Т. IV. М., 1993. С. 478.

²⁹ Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

создаст неразбериху с применением этого закона на практике, не обеспечит правовой механизм отделения церкви от государства, даст возможность произвола местных властей в отношении религиозных организаций»³⁰. Уже 25 октября 1990 г. был принят закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»³¹. Союзный и российский законы существенно отличались. Можно выделить следующие важные отличия.

Во-первых, существенно отличались законные цели деятельности религиозных организаций. Союзный закон (ст. 7) предполагал лишь одну такую цель — удовлетворение потребности людей в религии путем ее исповедания и распространения. Собственно, в этом положении и заключалась двойственность политики горбачевской перестройки в сфере церковно-государственных отношений: никто уже не планировал чинить каких-либо препятствий для верующих в удовлетворении их религиозных потребностей, но создавать из РПЦ сильную и влиятельную общественную организацию в союзном правительстве отнюдь не собирались. Российский же закон (ст. 17) значительно расширял перечень законных целей деятельности религиозных организаций и, по сути, предполагал увеличение роли РПЦ как общественной организации в стране. Помимо удовлетворения религиозных потребностей людей российский закон называл такие цели деятельности религиозных организаций: свободное распространение религиозных убеждений (в том числе через СМИ), миссионерская деятельность, церковная благотворительность и социальное служение, религиозное обучение и воспитание (причем как в государственных учебных заведениях, так и в частных), подвижническая и паломническая деятельность и т. д. При этом возможность участия религиозных организаций в управлении государством, закрепленную Декларацией о государственном суверенитете России, никто не отменял. Таким образом, в этом положении российское законодательство было куда более демократичным, чем союзное, и закрепляло за РПЦ значительно больше целей законной деятельности, что предполагало укрепление положения РПЦ как общественной организации в стране, имевшей право на политическую активность, духовно-просветительскую деятельность, социальное служение и т. д.

Во-вторых, наблюдались значительные различия в регистрации религиозных организаций в стране. Союзный закон (ст. 14) отказывал в официальной регистрации РПЦ как общественной организации общесоюзного масштаба; регистрировать предполагалось только религиозные объединения на местах (общины, монастыри, братства, сестричества и т. д.) и лишь в исполнительных комитетах районных или городских Советов народных депутатов. Это предполагало наделение статусом и правами юридического лица только местные религиозные объединения, а масштаб их деятельности ограничивался местом

³⁰ Замечания Комитета Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности к проекту Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» // Одинцов М. И. Указ. соч. С. 156.

³¹ Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.

регистрации (городом или районом), что автоматически делало невозможным существование церковных инициатив общесоюзного или республиканского масштаба. Российский закон (ст. 11) предполагал регистрацию всех религиозных организаций, вне зависимости от масштабов их деятельности, в Министерстве юстиции РСФСР и, как следствие, наделение РПЦ и всех религиозных объединений статусом и правами юридического лица. Последнее также подтверждает вывод о том, что российское законодательство способствовало становлению РПЦ в качестве влиятельной общественной организации, по крайней мере в границах РСФСР.

В-третьих, законы существенно отличались в отношении вопроса преподавания основ вероучения в государственных учебных заведениях. Союзный закон (ст. 6) запрещал преподавание основ вероучения в государственных учебных заведениях. Однако предусматривалась возможность создания религиозных образовательных учреждений (школ и вузов), в которых допускалось преподавание в том числе основ вероучения. Российский закон (ст. 9), хотя и заявлял о светском характере образования в стране, тем не менее предполагал возможность преподавания основ вероучения во всех учебных заведениях страны, но строго в качестве факультативных занятий и специальных курсов, без отправления религиозного культа в здании учебного заведения и с письменного согласия руководства учебного заведения и самих обучающихся (для несовершеннолетних — с согласия родителей или опекунов). Таким образом, и в этом положении российское законодательство было более демократичным, чем союзное, и открывало перед РПЦ возможность заниматься распространением своих убеждений, в том числе в государственных учебных заведениях.

Скорый распад СССР помешал союзному закону вступить в реальную юридическую силу и стать основой для государственной религиозной политики в стране. Однако он ознаменовал очередной шаг (на этот раз заключительный) советского государства к ослаблению административного контроля над РПЦ и реализации конституционного принципа свободы вероисповедания. Тем не менее союзный закон, в отличие от российского, в меньшей степени был ориентирован на создание из РПЦ сильной общественной организации. Российский закон до 1997 г., когда был принят ныне действующий Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», стал основой для церковно-государственных отношений в стране в новых, постсоветских реалиях и открывал перед РПЦ целый спектр различных видов деятельности, но, самое главное, не препятствовал (скорее даже содействовал) становлению РПЦ как сильной общественной организации.

Заключение. Итак, годы горбачевской перестройки стали временем масштабных изменений, затронувших все сферы советского общества. Не обошли эти изменения и сферу церковно-государственных отношений. В период 1985–1991 гг. серьезно изменился правовой статус РПЦ, она постепенно освобождалась от административного давления со стороны советского государства и от попыток

регламентации внутренней церковной жизни, неуклонно рос ее авторитет в обществе. Вместе с тем появлялись и возможности полноценного включения в жизнь советского общества. Однако дальнейшей демократизации положения РПЦ в стране мешало действующее советское законодательство, принятое в предыдущие годы и не отражавшее реального положения религиозных организаций в стране. В 1989–1990 гг. эта проблема была решена принятием союзного и российского законов о религиозных организациях. Союзный закон утратил силу с распадом СССР, а российский же почти на весь период 1990-х гг. стал основой для государственной религиозной политики в новых постсоветских условиях. Однако РПЦ в рассматриваемый период только возрождалась, она была далека от того, чтобы стать сильной общественной организацией. Практически полностью утратив опыт институционализированной деятельности, испытывая явный кадровый дефицит, практически не имея средств для общественной деятельности и специализированной церковноправовой базы, как и все российское общество в 1990-е гг. преодолевая финансовые и политические кризисы, в 2000-е гг. РПЦ вступит совершенно другой организацией, готовой к тому, чтобы решать не только сугубо церковные вопросы, но и принять участие в решении государственных политических и социально-экономических проблем.

Литература

1. Безбородов М. И. Роль социально-политической доктрины Русской Православной Церкви в формировании ее отношений с государством в конце XX – начале XXI вв.: на примере Республики Карелия: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 229 с.
2. Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Алтайском крае // Труды IV Конгресса российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций». 24–28 сентября 2018 г., г. Благовещенск. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. С. 309–314.
3. Еремин А. В. Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в контексте государственно-церковных отношений: 1988–2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004. 260 с.
4. Ермолюк А. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с государством и интеллигенцией в 1988–2000 годах: по материалам Челябинской области: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. 234 с.
5. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 286 с.
6. Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в период перестройки 1985–1991 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 109–115. DOI: 10.5862/JHSS.215.14
7. Лебедева О. В. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Курской области: государственная политика и региональная практика // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2011. Т. 3. Вып. 3. С. 78–80.
8. Маслов Д. В. Некоторые тенденции новейшей отечественной литературы по истории распада СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 30–36. DOI: 10.18384/2310-676x-2022-1-30-36

9. Маслова И. И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР: к вопросу о взаимоотношениях государства и Русской православной церкви (1965–1991 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 78–105.
10. Мельниченко О. В. Эволюция государственно-конфессиональной политики в отношении Русской православной церкви в России. 1985–2000 гг. Пенза: ПИРО, 2012. 213 с.
11. Мchedлова М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12 (308). С. 77–84.
12. Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и России. 1985–1997 гг. / Российское объединение исследователей религии. М.: Древо жизни, 2010. 441 с.
13. Одинцов М. И. Совет Министров СССР постановляет: «Выселить навечно!»: сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.). М.: Арт-Бизнес-Центр, 2002. 231 с.
14. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 кн. / пер. с нем.; сост. Г. Штриккер. Кн. 2. М.: ПроPILEI, 1995. 462 с.
15. Симонова М. А. Социальная, образовательная и миротворческая деятельность Русской православной церкви в контексте взаимодействия с государством и обществом (1943–2013 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 330 с.
16. Тулянов В. А. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви (1990-е – 2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 255 с.
17. Тулянов В. А. Проблема эффективности социального служения Русской православной церкви в пенитенциарных учреждениях в современной истории России // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 70–74. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-70-74
18. Фаст А. А. Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. Документы и материалы. Барнаул: Алтай, 2009. 704 с.
19. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2009. 465 с.

References

1. Bezborodov M. I. Rol' sotsial'no-politicheskoi doktriny Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v formirovanii ee otnoshenii s gosudarstvom v kontse XX – nachale XXI vv.: na primere Respubliki Kareliia [The role of the socio-political doctrine of the Russian Orthodox Church in the formation of its relations with the state in the late XX – early XXI centuries: the example of the Republic of Karelia]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg, 2011. 229 s. (In Russ.).
2. Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A. Prazdnovanie 1000-letiiia Kreshcheniia Rusi v Altaiskom krae [The celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Russia in the Altai Territory] // Trudy IV Kongressa rossiiskikh issledovatelei religii «Religiia kak faktor vzaimodeistviia tsivilizatsii» (24–28 sentiabria 2018 g., g. Blagoveshchensk). Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2018. P. 309–314. (In Russ.).

3. Eremin A. V. Formirovanie sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v kontekste gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii: 1988–2000 gg. [Formation of the social concept of the Russian Orthodox Church in the context of state-church relations: 1988–2000]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Yaroslavl', 2004. 260 p. (In Russ.).
4. Ermolyuk A. V. Vzaimootnosheniia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi s gosudarstvom i intelligentsiei v 1988–2000 godakh: po materialam Cheliabinskoi oblasti [The relationship of the Russian Orthodox Church with the state and the intelligentsia in 1988–2000: based on the materials of the Chelyabinsk region]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Chelyabinsk, 2007. 234 p. (In Russ.).
5. Istoriia gosudarstvennoi politiki SSSR i Rossii v otnoshenii religioznykh organizatsii v 1985–1999 gg. [The history of the state policy of the USSR and Russia in relation to religious organizations in 1985–1999]. Moscow: OLMA Media Grupp, 2010. 286 p. (In Russ.).
6. Kashevarov A. N. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v period perestroiki 1985–1991 godov [The relations between the state and the church in the period of Perestroika 1985–1991] // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. 2015. № 1 (215). P. 109–115. (In Russ.). DOI: 10.5862/JHSS.215.14
7. Lebedeva O. V. Prazdnovanie 1000-letii Kreshcheniia Rusi v Kurskoi oblasti: gosudarstvennaia politika i regional'naia praktika [Celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus in the Kursk region: state policy and regional practice] // Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhoziaistvennoi akademii [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy]. 2011. Vol. 3. Iss. 3. P. 78–80. (In Russ.).
8. Maslov D. V. Nekotorye tendentsii noveishei otechestvennoi literatury po istorii raspada SSSR [Some trends of the latest Russian literature on the history of the collapse of the USSR] // Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science. 2022. № 1. P. 30–36. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310-676x-2022-1-30-36
9. Maslova I. I. Sovet po delam religii pri Sovete Ministrov SSSR: k voprosu o vzaimootnosheniakh gosudarstva i Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1965–1991 gg.) [Council for religious affairs under the Council of Ministers of the USSR: on the issue of relations between the state and the Russian Orthodox Church (1965–1991)] // Gosudarstvo i tserkov' v XX veke: evoliutsiia vzaimootnoshenii, politicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy. Moscow: LIBROKOM, 2011. P. 78–105. (In Russ.).
10. Mel'nichenko O. V. Evoliutsiia gosudarstvenno-konfessional'noi politiki v otnoshenii Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Rossii. 1985–2000 gg. [Evolution of state-confessional policy towards the Russian Orthodox Church in Russia. 1985–2000]. Penza: PIRO, 2012. 213 p. (In Russ.).
11. Mchedlova M. M. Rol' religii v sovremennom obshchestve [Religion's role in contemporary Russian society] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. 2009. № 12 (308). P. 77–84. (In Russ.).
12. Odintsov M. I. Verospovednye reformy v Sovetskom Soiuze i Rossii. 1985–1997 gg. [Religious reforms in the Soviet Union and Russia. 1985–1997] / Rossiiskoe ob'edinenie issledovatelei religii. Moscow: Drevo zhizni, 2010. 441 p. (In Russ.).
13. Odintsov M. I. Sovet Ministrov SSSR postanovliaet: «Vyselit' navechno!»: sbornik dokumentov i materialov o Svideteliakh Iegovy v Sovetskom Soiuze (1951–1985 gg.) [The Council of Ministers of the USSR decides: “Evict forever!”: a collection of documents and materials about Jehovah's Witnesses in the Soviet Union (1951–1985)]. Moscow: Art-Biznes-Tsentr, 2002. 231 p. (In Russ.).

14. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v sovetskoe vremia (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenii mezhdu gosudarstvom i Tserkov'iu [The Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991). Materials and documents on the history of relations between the State and the Church]: v 2 knigakh / perevod s nemetskogo; sostavitel' G. Shtrikker. Kn. 2. Moscow: Propilei, 1995. 462 p. (In Russ.).
15. Simonova M. A. Sotsial'naia, obrazovatel'naia i mirotvorcheskaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v kontekste vzaimodeistviia s gosudarstvom i obshchestvom (1943–2013 gg.) [Social, educational and peacemaking activities of the Russian Orthodox Church in the context of interaction with the state and society (1943–2013)]: dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2015. 330 p. (In Russ.).
16. Tulyanov V. A. Dukhovno-prosvetitel'skaia i blagotvoritel'naia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (1990-e – 2000-e gg.) [Spiritual, educational and charitable activities of the Russian Orthodox Church (1990s – 2000s)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Mytishchi, 2020. 255 p. (In Russ.).
17. Tulyanov V. A. Problema effektivnosti sotsial'nogo sluzheniia Russkoi pravoslavnoi tserkvi v penitentsiarnykh uchrezhdeniakh v sovremennoi istorii Rossii [The problem of the effectiveness of social service of the Russian Orthodox Church in penitentiary institutions in the modern history of Russia] // Vestnik of Kostroma State University. 2019. Vol. 25. № 4. P. 70–74. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-70-74 (In Russ.).
18. Fast A. A. Sovetskoe gosudarstvo, religiia i tserkov'. 1917–1990. Dokumenty i materialy [The Soviet state, religion and the Church. 1917–1990. Documents and materials]. Barnaul: Altai, 2009. 704 p. (In Russ.).
19. Fedotov A. A. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v 1943–2000 gg.: vnutritserkovnaia zhizn', vzaimootnosheniia s gosudarstvom i obshchestvom (po materialam Tsentral'noi Rossii) [The Russian Orthodox Church in 1943–2000: inner-church life, relations with the state and society (based on the materials of Central Russia)]: dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Ivanovo, 2009. 465 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 572.087

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.09

Худавердян Анаит Юрьевна

кандидат исторических наук

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения

Ереван, Армения

akhudaverdyan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1458-783X

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ПРОВИНЦИИ ЛОРИ)

Аннотация. В работе приводятся сведения о поле и возрасте умерших из трех некрополей одной локальной области Армении — Лори. Серии, привлеченные для анализа, включают скелетные останки 134 индивидов. Все три некрополя показали различные результаты по средней продолжительности жизни, детской смертности, пикам смертности. Они отличаются процентным соотношением мужчин и женщин и представительностью финальной возрастной когорты. Сходство лишь в общей тенденции — малой смертности детей и доживаемости мужчин до старческого возраста. Могильники имеют отличительные признаки: высокий средний возраст смерти и средние значения возраста смерти без учета детей. Межгрупповой анализ проведен с использованием метода главных компонент многомерной статистики. К сериям из провинции Лори наиболее близки более ранние выборки хвалынской и трипольской культур.

Ключевые слова: Армения, эпоха поздней бронзы и раннего железного века, археология, палеодемография, некрополь, возрастная когорта, средняя продолжительность жизни, процент детской смертности, пик смертности.

Для цитирования: Худавердян А. Ю. Палеодемография населения Армении в эпоху поздней бронзы и раннего железного века (по материалам памятников провинции Лори) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 125–150. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.09

Original article

UDC 572.087

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.09

Khudaverdyan Anahit Yu.

Candidate of Historical Sciences

Institute of Archaeology and Ethnography

of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

Yerevan, Armenia

akhudaverdyan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1458-783X

**PALEODEMOGRAPHY OF ARMENIA'S POPULATION
IN LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES
(THE MONUMENTS OF THE LORI PROVINCE CASE STUDY)**

Abstract. The paper provides information about the gender and age of the dead from 3 necropolises in one local region of Armenia — Lori. The groups used for analysis included the skeletal remains of 134 individuals. All three necropolises yielded different results in terms of life expectancy, infant mortality, and mortality peaks. They differ in the percentage of men and women and the representativeness of the final age cohort. The similarity is only in the general trend — the low mortality of children and the survival rate of men to old age. Burial grounds have good values: high mean age at death and mean age at death excluding children. The cross-group analysis was carried out using the method of principal components of multivariate statistics. The earlier samples of the Khvalyn and Cucuteni – Trypillia cultures are closest to the series from Lori Province.

Keywords: Armenia, Late Bronze and Early Iron ages, archaeology, paleodemography, necropolis, age cohort, average life expectancy, infant mortality rate, peak mortality.

For citation: Khudaverdyan A. Yu. Paleodemography of Armenia's population in Late Bronze and Early Iron ages (the monuments of the Lori province case study) // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 125–150. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.09

Введение. Современная палеодемография располагает большим набором методов анализа и интерпретации данных по количественным и половозрастным характеристикам как древнего населения какой-либо культуры в целом, так и группы, оставившей конкретный могильник. Различные подходы к интерпретации палеоматериалов, накопление новых источников, а также усовершенствование методов палеодемографического анализа определяют актуальность периодического обращения к проблеме особенностей жизнедеятельности древних обществ. Смертность как генерализованный показатель благополучия (а также неблагополучия) популяции отражает неспецифическую реакцию группы на внешние стимулы¹. В предлагаемой работе

¹ Федосова В. Н. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) // Российская археология. 1994. № 3. С. 78.

рассматриваются антропологические материалы из могильников эпохи поздней бронзы и раннего железного века из Лорийской провинции Армении. Раскопки могильников проводились археологической экспедицией Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения в 2006–2021 гг. под руководством С. Г. Обосяна. Памятники Багери чала, Барцрял и Бовер расположены в 7 км к югу от с. Шнох, на левобережном возвышенном мысе р. Шнох. Уникальные антропологические коллекции из раскопок Лорийской провинции уже достаточно подробно охарактеризованы в палеопатологическом отношении².

В работе впервые обсуждаются результаты палеодемографического анализа материалов со всех исследованных к настоящему времени памятников из провинции Лори. Определение половой принадлежности погребенных производилось с учетом морфологии тазовых костей, в случае их значительного повреждения — морфологии черепа и других элементов скелета³. При установлении возраста неполовозрелых индивидов внимание обращалось на сроки формирования зубной дуги и оксификации зубов⁴, а также на степень синостозирования эпифизов. Возраст взрослых определялся по наружному зарастанию черепных швов по системе боковых позиций и позиций свода⁵, трансформации лобкового симфиза⁶ и ушковидной поверхности тазовых костей⁷. В качестве дополнительных данных

² *Khudaverdyan A. Yu.* Trepanation in the Late Bronze Age and Early Iron Age in Armenia // *Homo — Journal of Comparative Human Biology*. 2016. № 67. P. 456; *Khudaverdyan A. Yu., Yengibaryan A. A., Hovhanisyan A. A., Hobosyan S. G.* Dyke – Davidoff – Masson syndrome in the Late Bronze and Early Iron ages Armenia — a cause of trepanation? // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2018. Vol. 28. P. 455; *Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G.* Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze Age and Early Iron Age Bakherichala population (Armenia) // *Anthropologie — International Journal of the Science of Man*. 2017. № LV/3. P. 329; *Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G., Saratikyan A. A.* Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze and Early Iron ages Bover population (Armenia) // *Anthropologie — International Journal of the Science of Man*. 2021. № LIX/1. P. 67.

³ *Phenice T. W.* A newly developed visual method of sexing the os pubis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1969. № 30. P. 299; *Bass W. M.* Human osteology. A laboratory and field manual. Columbia, Missouri, 1987; Standards for data collection from human skeletal remains / ed. by J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville, 1994. (“Arkansas Archaeological Survey Research Series”, 44).

⁴ *Ubelaker D. H.* Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1978; *AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M.* Brief communication: The London atlas of human tooth development and eruption // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. № 142 (3). P. 488.

⁵ *Meindl R. S., Lovejoy C. O.* Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 59.

⁶ *Brooks S., Suchey J. M.* Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks methods // *Human Evolution*. 1990. № 5. P. 232.

⁷ *Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P.* Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: a new method for the determination of adult skeletal age at death // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 21.

привлекались сведения по стертости постоянных зубов⁸ и состоянию крупных суставов⁹.

При анализе демографической структуры использовался ряд стандартных палеодемографических характеристик. Исследовательские процедуры включали расчет стандартных палеодемографических характеристик, построение общих и сокращенных (отдельно для мужчин и женщин) таблиц смертности, возрастных кривых ожидаемой продолжительности жизни (Ех), дожития (Iх) и вероятности смерти (qх)¹⁰. Таблицы смертности рассчитывались со строгим разбиением по пятилетним интервалам с выравниванием методом скользящей средней. Индивиды старше пятнадцати лет считались взрослыми, уже способными к выполнению репродуктивных функций. В работе используется термин «активное население», который в демографии означает оптимально трудоспособное население, возраст индивидов которого старше 15 лет и менее 50 лет. Расчет палеодемографических параметров произведен при помощи компьютерной программы Д. В. Богатенкова Acheron (Институт археологии РАН), построенной на базе MS Excel. Формализованное сопоставление при сравнительном палеодемографическом анализе проведено при помощи метода главных компонент. Статистические расчеты произведены с использованием пакета программ Statistica 10.

Ход и результаты исследования. В работе приводятся сведения о поле и возрасте умерших из трех некрополей одной локальной области Армении — Лори.

Могильник Барцрял

Для демографической характеристики барцряльской популяции использован перечень из 55 половозрастных определений (раскопки 2006–2021 гг.). По результатам половозрастного определения индивиды группируются в возрастные когорты (см. табл. 1¹¹, рис. 1). В таблицах 1 и 2 представлены результаты стандартизации палеодемографических показателей населения, оставившего могильник. Наибольшее количество детей умирало в возрасте 0–4 лет. Подобный результат получен и нами при демографическом исследовании других групп¹². С возрастом смертность детей снижается. Общий показатель детской смертности в группе составил 5,5 %. Немногочисленность детских останков удивляет, так как для эпохи бронзы общеизвестен факт очень высокой детской

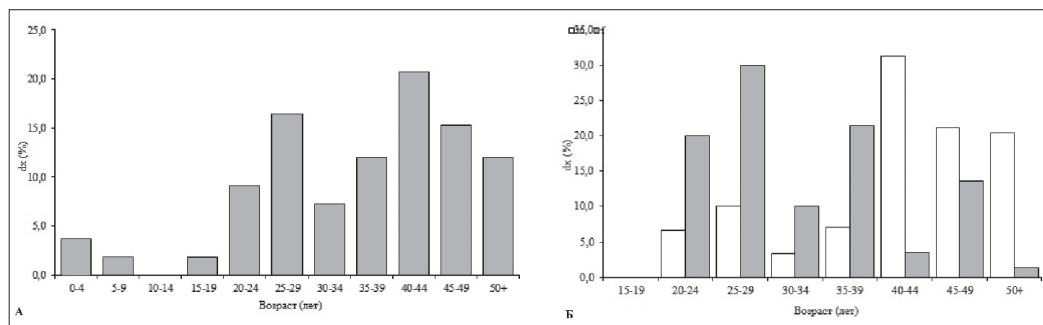
⁸ Lovejoy C. O. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 53.

⁹ Rogers J., Waldron T. A field guide to joint disease in archaeology. Chichester, 1995.

¹⁰ Acsadi Gy., Nemeskeri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970; Weiss K. M. Demographic models for anthropology // American Antiquity. 1973. Vol. 38. P. 78.

¹¹ Все таблицы см. в приложении к статье.

¹² Худавердян А. Ю. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван, 2000. С. 25.

Примечание: серые колонки — женщины, белые колонки — мужчины.

Рис. 1. А: Возрастная динамика показателей смертности в группе Барцрjal. Б: Динамика показателей смертности у мужчин и женщин в группе значения dx

смертности. Исследователями установлено, что детская смертность в древних и традиционных обществах обычно находится в пределах 30–70 %, причем уровень младенческой смертности высок и доходит до 10–40 %¹³. Так, в частности, в Среднем и Нижнем Поволжье процент детской смертности составляет приблизительно 50 % (45,3 % — Смеловский грунтовый некрополь¹⁴, 51,5 % — могильник срубной культуры Бариновка I)¹⁵.

Удивителен и наименьший процент умерших в подростковом возрасте. Так как определить пол было невозможно, то индивиды участвовали только в общем анализе. Это касалось нескольких индивидов первой взрослой возрастной когорты (15–19 лет). Для современных подростков это период активного полового созревания, отчетливых морфофункциональных и физиологических преобразований, этап наибольшей открытости организма для внешних и внутренних воздействий. Этот феномен можно объяснить сдвигом пубертатных проявлений к более старшему, по сравнению с современностью, календарному возрасту и, возможно, менее болезненными для организма его протеканиями. Не исключено, что повышение смертности людей в следующей возрастной категории можно отчасти объяснить именно этими причинами, отчасти и активизацией их социального поведения, целенаправленно используемой старшими при экстремальных для группы ситуациях (разрешение конфликтов и т. д.). С другой стороны, незначительную подростковую смертность можно объяснить и искусственно созданными условиями оберегания подростков.

¹³ Weiss K. Op. cit. P. 54; Романова Г. П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // Вопросы антропологии. 1989. Вып. 82. С. 72.

¹⁴ Нечвалода А. И. Палеодемография населения срубной культуры Среднего Поволжья эпохи поздней бронзы (по материалам Смеловского грунтового некрополя) // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 373.

¹⁵ Хохлов А. А. Палеоантропология могильника срубной культуры Бариновка I // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2. С. 134–144.

Другая специфическая черта погребенных в могильнике Барцрjal — значительное преобладание мужских погребений над женскими. Самым интересным палеодемографическим показателем для женской части группы является отсутствие представителей в первой взрослой возрастной когорте (15–19 лет). Это кажется странным, так как данная когорта — это возраст начала репродуктивной деятельности, и наверняка молодые, еще физически не окрепшие женщины во время родов должны были умирать. Смертность молодых женщин 20–24 лет, в возрасте повышенной частоты деторождений, была намного выше, чем у мужчин. Но есть все основания полагать, что к 25–29 годам у большинства фертильных женщин барцрjальского общности уже прошли первые, наиболее опасные роды. В таком случае объяснение преобладающей женской смертности родами в период 25–29 лет представляется не вполне обоснованным. Женщины доживали до старости (свыше 50 лет) в пятнадцать раз реже мужчин.

По материалам барцрjальского могильника можно судить, что на раннем этапе соотношение полов было в пользу мужчин (см. рис. 1). Наивысший показатель мужской смертности характерен для возраста 40+.

Как видно из таблицы 2, ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 равна 36,3 годам. Ожидаемая продолжительность жизни в случае достижения субъектом возраста 15 лет (или средняя теоретическая продолжительность жизни субъектов при достижении пятнадцатилетнего возраста) равна 23,2 годам. Следовательно, население характеризуется высоким уровнем детской смертности¹⁶. По данным К. Вайса,¹⁷ такая величина E_{15} свойственна сообществам с развитым сельским хозяйством. Половые различия в этом показателе наиболее ярко выражены в начальном взрослом пятилетии — в интервале 15–19 лет. Ожидаемая продолжительность жизни женщин к 15 годам — 17,7 года, мужчин — 27,1 года. В интервале 20–24 лет динамика величин ожидаемой продолжительности жизни в обеих половых группах снижается (женщины — 12,7 года, мужчины — 22,1 года). Кривые смертности, получаемые на основании табличных значений, полностью отражают всю имеющуюся демографическую информацию (рис. 2).

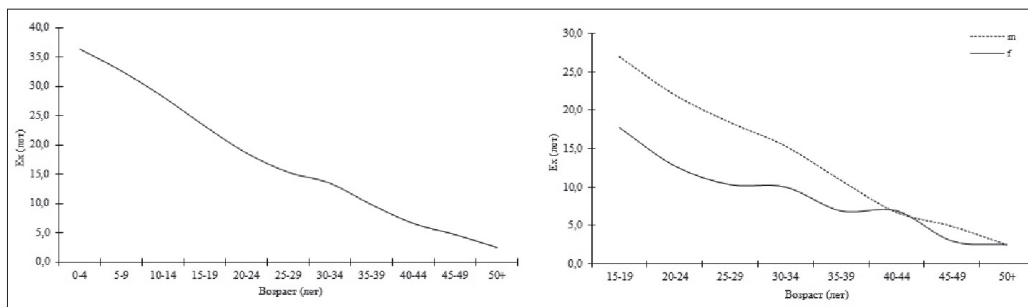

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни в различных возрастных интервалах

¹⁶ Acsadi Gy., Nemeskeri J. Op. cit. P. 79.

¹⁷ Weiss K. Op. cit. P. 58.

Числа доживающих (L_x), указанные в приводимых в работе рисунках (рис. 3) и определяющие порядок вымирания, т. е. показывающие, какая часть родившихся достигает определенного возраста, образуют линию дожития. Крутым спадом женская кривая отделяется от мужской в период от 25 до 29 лет. Быстрое сокращение числа доживающих приводит к низкой медианной продолжительности жизни.

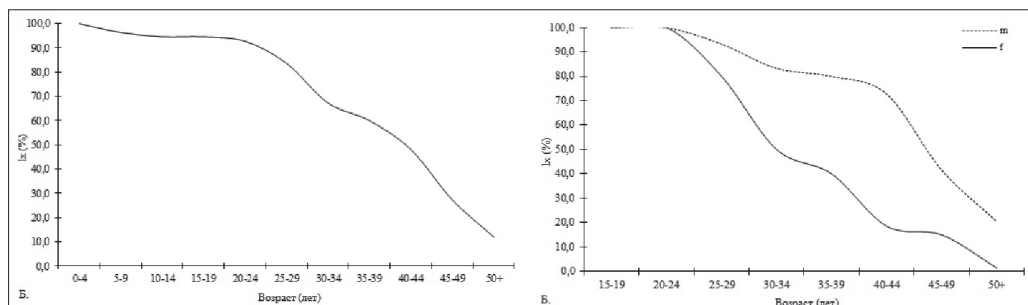

Рис. 3. Выживаемость в различных возрастных интервалах (в %)

Анализ данных о продолжительности жизни в палеопопуляции следует считать важной частью общей реконструкции качества жизни и развития общества. Перечислим закономерности, влияющие на продолжительность жизни: болезни, несчастные случаи, бытовые и рабочие травмы, военные столкновения, голод и т. д. Все это отражается на продолжительности жизни каждого отдельного человека. Средняя продолжительность жизни популяции из Барцрjala составила: с учетом детской смертности — 36,3 года, без учета детской смертности — 38,2. Средняя продолжительность жизни у представителей мужского пола составила 42,1 года, у женщин — 32,7 года. В целом отмечается высокий показатель продолжительности жизни.

Вероятность смерти в периоды 10–14 и 30–34 лет у погребенных невысокая; резкое повышение наблюдается в периоды 25–29, 40–44 лет и после 50 лет (см. рис. 4). Вероятность смерти в интервале 15–19 лет у мужчин и у женщин отсутствует. У мужчин и женщин первый пик обусловлен повышением вероятности смерти в возрастном интервале 25–29 лет. В дальнейшем мужская и женская выборки характеризуются различными механизмами вымирания. Вероятность смерти в возрастном интервале 35–39 лет у мужчин снижается, у женщин, наоборот, наблюдается повышение. В интервале 40–44 лет у мужчин повышается, у женщин наблюдается резкое понижение. Вероятность смерти у мужчин в возрасте 45–49 лет снижается. Женщины того же возрастного диапазона имеют высокую вероятность смерти. А в возрасте после 50 лет происходит повышение вероятности смерти.

Длина поколения (T) для серии из Барцрjala составляет величину 27,7 года. Уровень фертильности (B) равен 25,23 при общем репродуктивном уровне (GRR), равном 1,39. Общий реконструируемый размер барцрjальской семьи с учетом детей ($TCFS$) — 2,8 чел. при коэффициенте активного населения (DR), равном 0,21 (см. табл. 2).

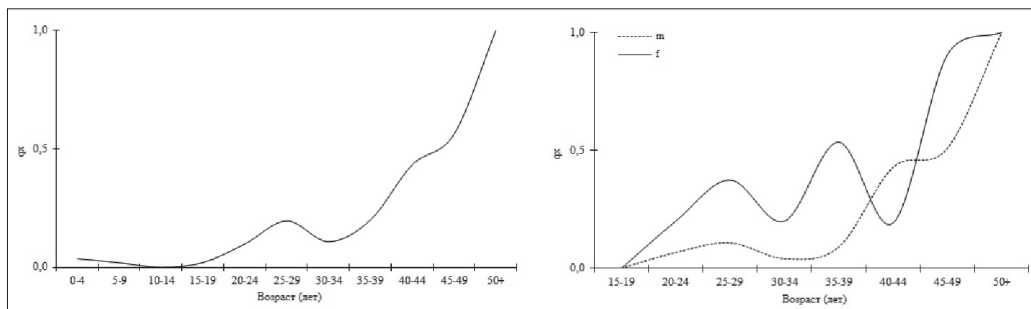

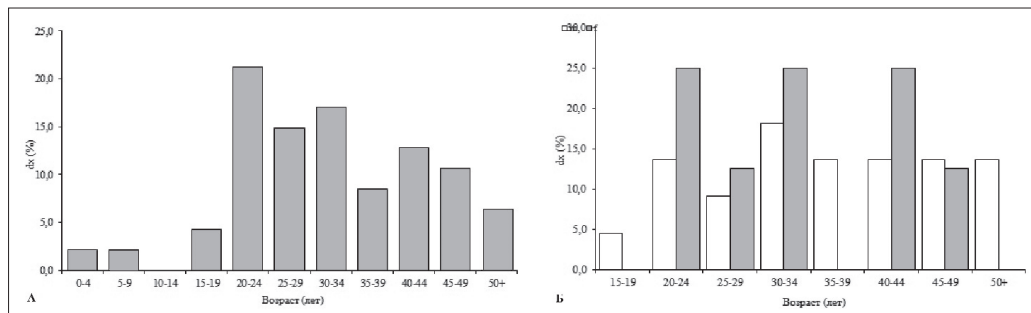
Рис. 4. Вероятность смерти в различных возрастных интервалах

Могильник Бовер

Для демографической характеристики боверской популяции использован перечень из 47 половозрастных определений (раскопки 2006–2021 гг.). Здесь также были построены графики распределения возрастных категорий как для всех имеющихся представителей некрополя с учетом детей, так и отдельно для долей мужчин и женщин в зависимости от показателей смертности. В таблице 3 представлены результаты стандартизации палеодемографических показателей населения боверского могильника. Общий показатель детской смертности в группе составил 4,3 %. Фиксируется небольшой процент умерших в подростковом возрасте.

В могильнике отмечается преобладание мужских погребений над женскими. В женской части группы наблюдается отсутствие представителей в первой взрослой возрастной когорте (15–19 лет). Смертность женщин в 20–24, 25–29, 30–34, 40–44 года была выше, чем у мужчин.

Женщины боверского могильника не доживали до старости (свыше 50 лет) (рис. 5). Показатель смертности у мужчин выше в возрасте 45–49 лет.

Примечание: серые колонки — женщины, белые колонки — мужчины.

Рис. 5. А: Возрастная динамика показателей смертности в группе Бовер.
Б: Динамика показателей смертности у мужчин и женщин в группе значения δx

Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 равна 32,4 года (см. табл. 4). Ожидаемая продолжительность жизни в случае достижения субъектом возраста 15 лет равна 18,6 года. Ожидаемая продолжительность жизни женщин к 15 годам — 18,8 года, мужчин — 21,8 года. В интервале 20–24 лет динамика величин ожидаемой продолжительности жизни в обеих половых группах снижается (женщины — 13,8 лет, мужчин — 17,7 лет). Кривые смертности полностью отражают всю имеющуюся демографическую информацию (рис. 6).

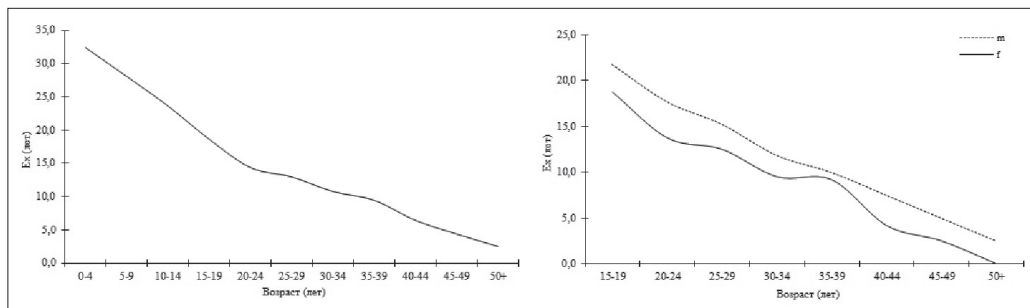

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни в различных возрастных интервалах

На графике представлен весьма большой показатель дожития мужчин до старческого возраста (50+) по сравнению с женщинами (рис. 7). Это предполагает более комфортные социальные условия для представителей мужского пола, способствующие их выживаемости.

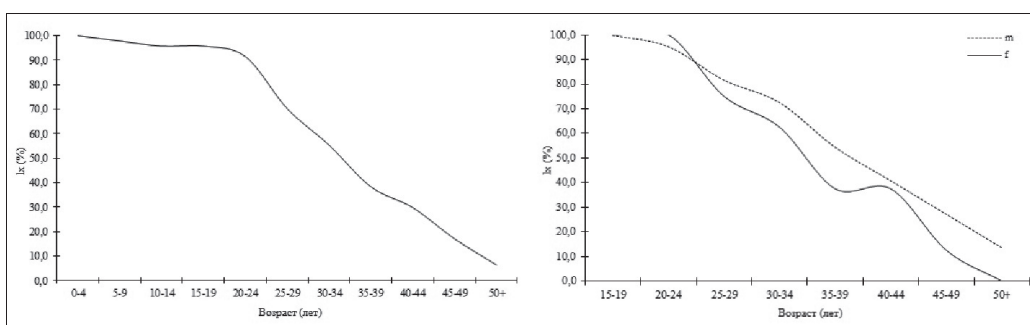

Рис. 7. Выживаемость в различных возрастных интервалах (в %)

Средняя продолжительность жизни в группе с учетом детской смертности составила 32,4 года, без учета детской смертности — 33,6, что является хорошим показателем. Средняя продолжительность жизни у представителей мужского пола составила 36,8 года, у женщин — 33,6 года.

Вероятность смерти в периоды 0–14, 25–29 и 35–39 лет у погребенных в Бовере невысокая; повышение наблюдается в периоды 20–24, 30–34 лет и после 50 лет (см. рис. 8). Вероятность смерти у мужчин снижается в 25–29 и 35–39 лет.

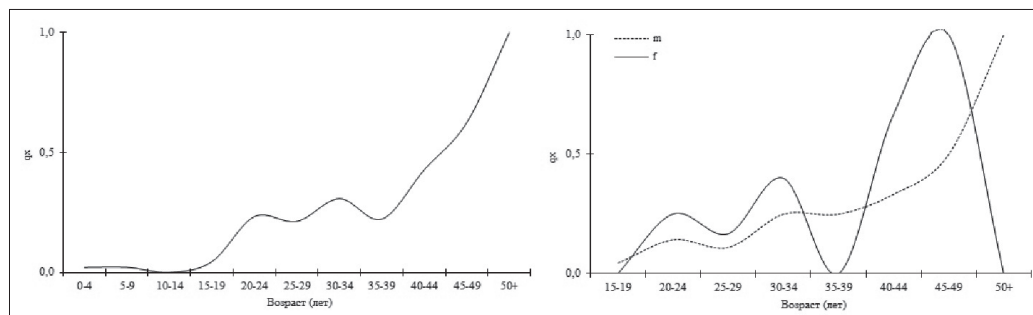

Рис. 8. Вероятность смерти в различных возрастных интервалах

У женщин наблюдается резкое понижение в интервале 35–39 и после 50 лет. В возрасте после 50 лет происходит повышение вероятности смерти у мужчин.

Длина поколения (T) для серии из Бовера составляет величину 26,36 года. Уровень фертильности (B) равен 20,99 при общем репродуктивном уровне (GRR), равном 1,67. Общий реконструируемый размер боверской семьи с учетом детей ($TCFS$) — 3,3 чел. при коэффициенте активного населения (DR), равном 0,12 (см. табл. 4).

Могильник Багери чала

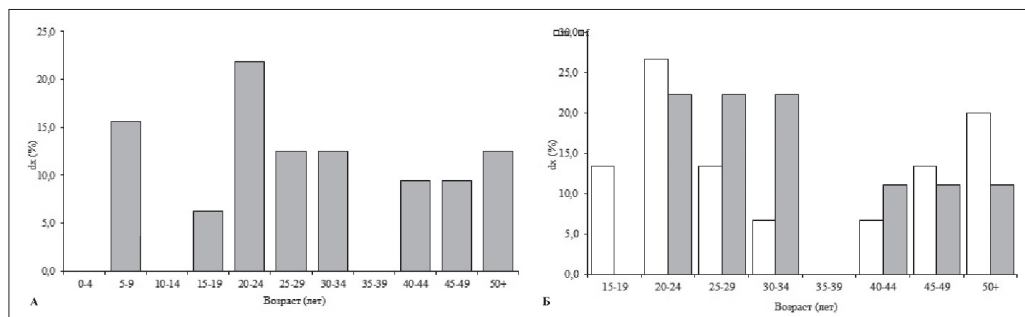
Всего имеются сведения о 32 индивидах, захороненных в могильнике Багери чала (см. табл. 5). Общий показатель детской смертности составил величину 15,6 % (см. табл. 6). Скелетов младенцев, умерших до двухлетнего возраста в погребениях Багери чала не обнаружено. Следует отметить, что младенцев, умерших до двухлетнего возраста нет и в синхронной группе из Ширакской равнины (Черная Крепость)¹⁸.

У женщин обнаружены довольно высокие показатели смертности в возрастных когортах 20–24, 25–29 и 30–34 лет (рис. 9). Затем идет снижение смертности. Таким образом, для женской части населения характерна очень высокая стрессовая нагрузка в молодом возрасте, в интервале 20–34 лет, наиболее активном детородном возрасте. Доля женщин, умерших в возрасте 25–34 лет, превышает таковую у мужчин, что вполне объяснимо распространением специфических заболеваний в период родов и после них. Эти показатели вполне сопоставимы с данными синхронных групп из могильников Черная Крепость¹⁹ и Гонур-Депе²⁰.

¹⁸ Худавердян А. Ю. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. Этногенез и этническая история. Ереван, 2009.

¹⁹ Худавердян А. Ю. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. С. 230.

²⁰ Дубова Н. А., Рыкушина Г. В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. Труды третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения акад. В. П. Алексеева. М., 2007. С. 312.

Примечание: серые колонки — женщины, колонки белые — мужчины.

Рис. 9. А: Возрастная динамика показателей смертности в группе Багери чала. Б: Динамика показателей смертности у мужчин и женщин в группе значения dx

Показатель смертности у мужчин выше в период юности и молодости (15–24 лет). Вероятно, причиной высокой смертности молодых мужчин могла быть сложная военная обстановка в обществе. В ходе любой войны наибольшие потери наблюдаются среди новобранцев, к которым для багеричалайского социума можно отнести 15–29-летнюю когорту. В возрасте же «ветеранов», т. е. мужчин старше 30 лет, смертность резко понижается.

Снижение ожидаемой продолжительности жизни с возрастом (рис. 10) объясняется неполнотой данных о детских погребениях. В противном случае следовало бы ожидать рост этой величины для 5–9 лет по сравнению с начальной. Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 равна 29,7 года (см. табл. 6, рис. 10). Ожидаемая продолжительность жизни в случае достижения субъектом возраста 15 лет равна 18,8 года. Ожидаемая продолжительность жизни женщин к 15 годам — 19,2 года, мужчин — 18,8 года. В интервале 20–24 лет динамика величин ожидаемой продолжительности жизни в обеих половых группах снижается (женщины — 14,2 года, мужчины — 16,3 года).

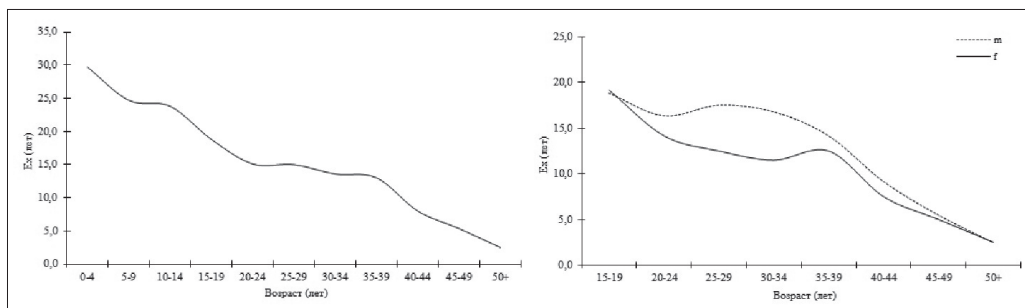

Рис. 10. Ожидаемая продолжительность жизни в различных возрастных интервалах

Числа доживающих (Lx), указанные в приводимых в работе рисунках, образуют линию дожития (см. рис. 11). Крутым спадом женская кривая отделяется от мужской в период 20–24.

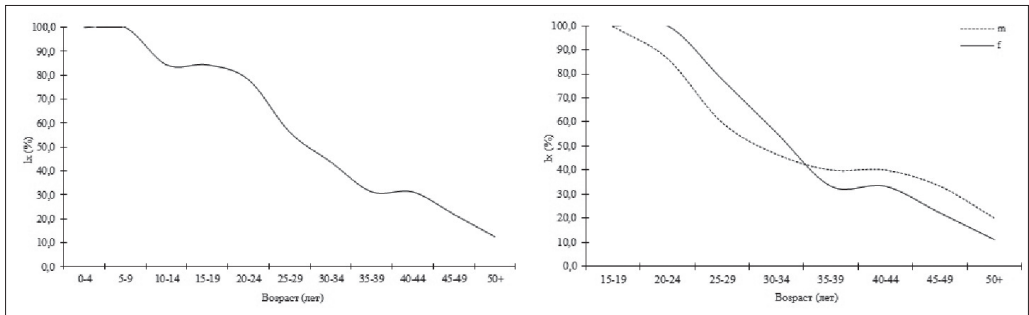

Рис. 11. Процентная выживаемость в различных возрастных интервалах

Наблюдается большой показатель дожития мужчин до старческого возраста (50+) по сравнению с женщинами (см. рис. 11). И здесь предполагается более комфортные социальные условия для представителей мужского пола, способствующие их выживаемости.

Средняя продолжительность жизни у населения Багери чала с учетом детской смертности составила величину 29,7 года, без учета детской смертности — 33,8. Мужчины данной палеовыборки умирали в среднем в 33,8 года, а женщины — в 34,2 года. Обращает внимание, что средний возраст смерти женщин выше, чем мужчин.

Вероятность смерти в периоды 0–4, 10–14 и 35–39 лет у погребенных отсутствует; повышение наблюдается в периоды 5–9, 20–24, 30–34, 40–44 лет и после 50 лет (рис. 12). Вероятность смерти у мужчин снижается в 25–29 и 35–39 лет. У женщин наблюдается резкое понижение в интервале 35–39 лет. В возрасте после 50 лет происходит повышение вероятности смерти и у мужчин, и у женщин.

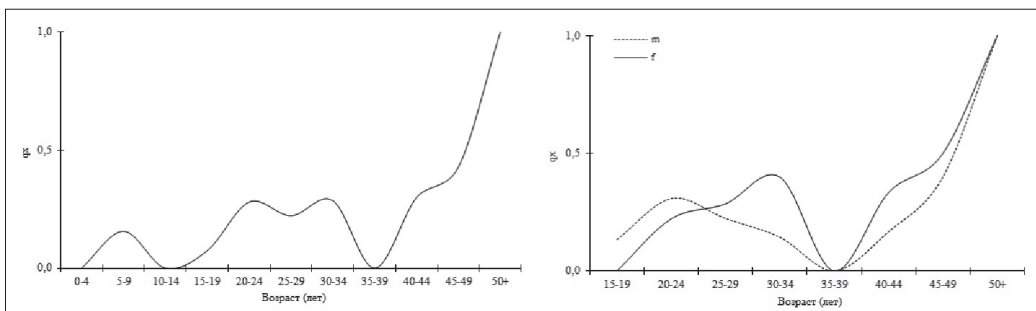

Рис. 12. Вероятность смерти в различных возрастных интервалах

Длина поколения (T) для серии из Багери чала составляет величину 26,52 года. Уровень фертильности (B) равен 17,59 при общем репродуктивном уровне (GRR), равном 1,99. Общий реконструируемый размер багеричалайской семьи с учетом детей ($TCFS$) — 4,0 чел. при коэффициенте активного населения (DR), равном 0,39.

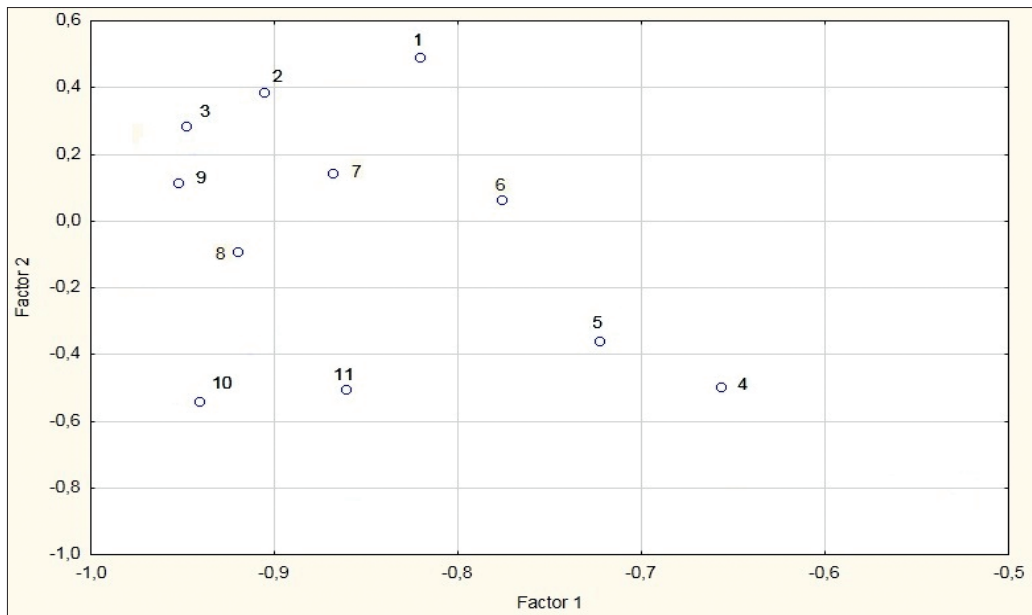
Межгрупповой сравнительный анализ

Межгрупповая изменчивость палеодемографических параметров населения эпохи поздней бронзы и раннего железного века Армении на фоне синхронных и более ранних выборок проанализирована с помощью метода главных компонент по семи основным параметрам: AAm (средний возраст смерти мужчин), AAf (средний возраст смерти женщин), PCD (минимальный процент детской смертности), PSRm (процентная представленность мужского населения), PSRf (процентная представленность женского населения), C50+m (процент индивидов старше 50 лет относительно взрослых погребенных мужчин), C50+f (процент индивидов старше 50 лет относительно взрослых погребенных женщин).

Коэффициенты корреляции (см. табл. 7) заслуживают рассмотрения, так как они демонстрируют независимость процентного соотношения полов от всех остальных признаков. Количество пожилых мужчин ожидаемо связано со средним возрастом смерти. Интересна положительная связь процента детской смертности с количеством пожилых женщин: чем больше в могильнике детских погребений, тем больше женщин пожилого возраста. Количество индивидов в финальной возрастной когорте ожидаемо положительно и достоверно связано со средним возрастом смерти.

В результате анализа главных компонент, проведенного с использованием семи палеодемографических характеристик для 11 групп от энеолита до эпохи поздней бронзы и раннего железного века, выделены две ГК (см. табл. 8). На отрицательном полюсе по ГК I (55,9 % изменчивости) располагаются группы, характеризующиеся большим возрастом смерти, большим количеством пожилых людей и большим количеством детских погребений (см. рис. 13). Группы Ширакской провинции тяготеют к правой части графика, а среднеазиатские серии — к левой. На отрицательном полюсе по ГК II (17,5 % изменчивости) располагаются группы, характеризующиеся большим количеством пожилых мужчин, а также PSRm и PSRf. В координатном поле ГК обособленное положение заняла выборка Екатерининского мыса Самарского Заволжья (см. рис. 13, точка 8; энеолит). К сериям из провинции Лори (см. рис. 13, точки 1–3) особенно близки более ранние выборки хвалынской (см. рис. 13, точка 9) и трипольской (см. рис. 13, точка 7) культур.

Заключение. Полученные результаты по лорийским материалам несколько различны. Различное «поведение» демографических кривых для исследованных серий, наглядно представленное на рисунках 1–12, объясняется принципиально разным характером «комплектования» могильников на этих участках. Они отличаются процентным соотношением мужчин и женщин и представительностью финальной возрастной когорты. Сходство лишь в общей тенденции — малой смертности детей и доживаемости мужчин до старческого возраста. Пик смертности у мужчин приходится на периоды 20–24 (могильник Багери чала), 30–34 (могильник Бовер) и 40–49, 50+ лет (могильник Барцрjal), у женщин — 20–29 (могильники Барцрjal, Бовер, Багери чала), 30–34, 40–44 (могильник Бовер) и 50+ лет (могильник Багери чала).

Примечание: 1 — Барцрjal; 2 — Бoвер; 3 — Багери чала; 4 — Шиpакская провинция (эпоха поздней бронзы и раннего железного века); 5 — Шиpакская провинция (куро-аракская культура); 6 — Великент (куро-аракская культура); 7 — Хвалынский могильник (энеолит); 8 — могильник Екатериновский мыс (энеолит); 9 — Выхватинский могильник (трипольская культура); 10 — Гонур-депе; 11 — Бустон 6.

Источники данных: 1–3²¹; 4–5²²; 6²³; 7–9²⁴ 10²⁵; 11²⁶.

Рис. 13. Распределение сравниваемых серий эпохи бронзы в пространстве главных компонент, рассчитанных на основе шести палеодемографических характеристик

Могильники использовались преимущественно для захоронения представителей взрослой части общества. Показатели детской смертности не соответствуют минимальному стандарту²⁷. Можно предположить несколько версий, объясняющих

²¹ Настоящая публикация.

²² Неопубликованные данные автора.

²³ Богатенков Д. В., Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б. К реконструкции демографических процессов в Прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2008. Вып. 6. С. 203.

²⁴ Богданаши А. В. Половозрастная структура населения по материалам погребальных памятников эпохи энеолита Среднего Поволжья // *Самарский научный вестник*. 2020. Т. 9. № 4. С. 220.

²⁵ Куфтерин В. В., Дубова Н. А. Палеодемография Гонура: ревизия данных // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2019. № 1 (44). С. 65.

²⁶ Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М., 2015. С. 27. (Сер. Этническая антропология Средней Азии; Вып. 4).

²⁷ Lewis M. The osteology of infancy and childhood: misconceptions and potential // (Re)thinking the little ancestor: new perspectives on the archaeology of infancy and childhood / ed. by M. Lally, A. Moore. Oxford, 2011. P. 5.

данную ситуацию. С одной стороны, детские захоронения могут быть в большей степени подвержены действию тафономических процессов в силу низкого содержания неорганической составляющей в детских костях²⁸. С другой стороны, в некрополях в основном практиковались два типа захоронений — погребения по обряду труположения и выставление трупов. После распада мягких тканей и поедания хищными птицами, останки детей собрать и захоронить было невозможно. Наконец, под детские захоронения мог отводиться особый участок кладбища, который, в силу различных обстоятельств, просто не охватывался или лишь частично охватывался исследованием.

Выборки эпохи бронзы и раннего железа из провинции Лори также характеризуются нарушением нормального соотношения полов (см. табл. 2, 4, 6), что объясняется либо военизированным характером могильников, либо особенностями сбора материала. Нами были зафиксированы множество черепных травм и трепанаций среди мужчин, женщин и детей. В то же время погребенные в могильниках, безусловно, принадлежат представителям единой палеопопуляции, что подтверждают данные одонтологического анализа²⁹. Вероятно, условия жизни, занятия, трудовая деятельность, история, события были в группах немного разными. Тем не менее по сути это были группы фактически из одного поселения, существовавшие в одно и то же время.

Могильники провинции Лори имеют отличительные признаки: высокий средний возраст смерти, средние значения возраста смерти без учета детей. Можно констатировать достаточно хорошую адаптированность этих групп, что не противоречит данным палеопатологии.

Литература

1. Богатенков Д. В., Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б. К реконструкции демографических процессов в Прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) // *Орус: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2008. Вып. 6. С. 196–213.
2. Богданаш А. В. Половозрастная структура населения по материалам погребальных памятников эпохи энеолита Среднего Поволжья // *Самарский научный вестник*. 2020. Т. 9. № 4. С. 214–223. DOI: 10.17816/snv202094202
3. Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с. (Этническая антропология Средней Азии; Вып. 4).
4. Дубова Н. А., Рыкушина Г. В. Палеодемография Гонур-депе // *Человек в культурной и природной среде: Труды третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения акад. В. П. Алексеева / под ред. Т. И. Алексеевой*. М.: Наука, 2007. С. 309–319.

²⁸ *Guy H., Masset C., Baud C.* Infant taphonomy // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1997. Vol. 7. P. 224.

²⁹ *Khudaverdyan A. Yu.* Illuminating the processes of microevolution: A bioarchaeological analysis of dental non-metric traits from Armenian Highland // *HOMO — Journal of Comparative Human Biology*, 2018. Vol. 69. P. 304–323.

5. Куфтерин В. В., Дубова Н. А. Палеодемография Гонура: ревизия данных // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 64–73. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-064-073
6. Нечвалода А. И. Палеодемография населения срубной культуры Среднего Поволжья эпохи поздней бронзы (по материалам Смеловского грунтового некрополя) // VI Конгресс этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.): тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 373–374.
7. Романова Г. П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // Вопросы антропологии. 1989. Вып. 82. С. 67–77.
8. Федосова В. Н. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) // Российская археология. 1994. № 3. С. 71–82.
9. Хохлов А. А. Палеоантропология могильника срубной культуры Бариновка I // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2002. Вып. 2. С. 134–144.
10. Худавердян А. Ю. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван: Тигран Мец, 2000. 140 с.
11. Худавердян А. Ю. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. Этногенез и этническая история. Ереван: Ван Арьян, 2009. 440 с.
12. Acsadi Gy., Nemeskeri J. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado, 1970. 346 p.
13. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief communication: The London atlas of human tooth development and eruption // American Journal of Physical Anthropology. 2010. № 142 (3). P. 481–490.
14. Bass W. M. Human osteology. A laboratory and field manual. Columbia, Missouri: Missouri Archaeological Society, 1987. 327 p.
15. Brooks S., Suchey J. M. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks methods // Human Evolution. 1990. № 5. P. 227–238.
16. Guy H., Masset C., Baud C. Infant taphonomy // International Journal of Osteoarchaeology. 1997. Vol. 7. P. 221–229.
17. Khudaverdyan A. Yu. Trepanation in the Late Bronze Age and Early Iron Age in Armenia // Homo — Journal of Comparative Human Biology. 2016. № 67. P. 447–461. DOI: 10.1016/j.jchb.2016.09.005
18. Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G. Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze Age and Early Iron Age Bakheri chala population (Armenia) // Anthropologie — International Journal of the Science of Man. 2017. № LV/3. Vol. 319–336. DOI: 10.26720/anthro.20.10.07.1
19. Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G., Saratikyan A. A. Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze and Early Iron Ages Bover population (Armenia) // Anthropologie — International Journal of the Science of Man. 2021. № LIX/1. P. 55–78. DOI: 10.26720/antro.20.10.07.1
20. Khudaverdyan A. Yu., Yengibaryan A. A., Hovhanisyan A. A., Hobosyan S. G. Dyke – Daviddoff – Masson syndrome in the Late Bronze and Early Iron ages Armenia — a cause of trepanation? // International Journal of Osteoarchaeology. 2018. Vol. 28. P. 448–457. DOI: 10.1002/oa.2663
21. Lewis M. The osteology of infancy and childhood: misconceptions and potential // (Re)thinking the little ancestor: new perspectives on the archaeology of infancy and childhood / ed. by M. Lally, A. Moore. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 1–13.

22. Lovejoy C. O. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 47–56.
23. Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: a new method for the determination of adult skeletal age at death // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 15–28.
24. Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 57–66.
25. Phenice T. W. A newly developed visual method of sexing the os pubis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1969. № 30. P. 297–301.
26. Rogers J., Waldron T. *A field guide to joint disease in archaeology*. Chichester: John Wiley & Sons, 1995. 119 p.
27. *Standards for data collection from human skeletal remains* / ed. by J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey, 1994. 272 p. (Arkansas Archaeological Survey Research Series).
28. Ubelaker D. H. *Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1978. 116 p.
29. Weiss K. M. Demographic models for anthropology // *American Antiquity*. 1973. Vol. 38. P. 1–186.

References

1. Bogatenkov D. V., Buzhilova A. P., Dobrovol'skaia M. V., Mednikova M. B. K rekonstruktsii demograficheskikh protsessov v Prikaspiiskom Dagestane epokhi bronzy (po materialam raskopok arkheologicheskogo kompleksa Velikent v 1995–1998 gg.) [Concerning reconstruction of demographic processes in Caspian Dagestan of the Bronze Age (on materials of archaeological complex Velikent in 1995–1998)] // *Opus: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [Opus: Interdisciplinary Investigations in Archaeology]. 2008. Vol. 6. P. 196–213. (In Russ and English).
2. Bogdanash A. V. Polovozrastnaia struktura naseleniia po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov epokhi eneolita Srednego Povolzh'ia [Sex and age structure of the population based on materials of burial sites of the Eneolithic era of the Middle Volga] // *Samara Scientific Bulletin*. 2020. Vol. 9. № 4. P. 214–223. (In Russ). DOI: 10.17816/snv202094202
3. Dubova N. A., Kufterin V. V. Antropologiiia naseleniia Iuzhnogo Uzbekistana epokhi pozdnei bronzy (po materialam nekropolia Buston VI) [Anthropology of the Late Bronze Age population of Southern Uzbekistan (materials of Buston VI necropolis)]. Moscow: Saryi sad, 2015. 186 p. (Ethnic Anthropology of Central Asia; Issue 4). (In Russ).
4. Dubova N. A., Rykushina G. V. Paleodemografiia Gonur-depe [Palaeodemography of Gonur Depe] // *Chelovek v kul'turnoi i prirodnoi srede: Trudy tret'ikh antropologicheskikh chtenii k 75-letiiu so dnia rozhdeniia akad. V. P. Alekseeva / pod red. T. I. Alekseevoi*. Moscow: Nauka, 2007. P. 309–319. (In Russ).
5. Kufterin V. V., Dubova N. A. Paleodemografiia Gonura: reviziia dannykh [Palaeodemography of Gonur: a review] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2019. № 1 (44). P. 64–73. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-064-073

6. Nechvaloda A. I. Paleodemografiia naseleniia srubnoi kul'tury Srednego Povolzh'ia epokhi pozdnei bronzy (po materialam Smelovskogo gruntovogo nekropolia) [Paleodemography of the population of the Srubnaya culture of the Middle Volga region of the Late Bronze age (based on the materials of the Smelovsky soil necropolis)] // VI Congress of ethnographers and anthropologists of Russia (St. Petersburg, June 28 – July 2, 2005): abstracts. St. Petersburg: MAE RAN, 2005. P. 373–374. (In Russ.).
7. Romanova G. P. Opyt paleodemograficheskogo analiza uslovii zhizni naseleniia stepnykh raionov Stavropol'ia v epokhu rannei bronzy [Experience of paleodemographic analysis of the living conditions of the population of the steppe regions of Stavropol in the Early Bronze Age] // Questions of Anthropology. 1989. Vol. 82. P. 67–77. (In Russ.).
8. Fedosova V. N. Razvitie sovremennoi paleodemografii (paleoekologicheskie aspekty analiza fakticheskikh dannykh) [Development of modern paleodemography (paleoecological aspects of the analysis of actual data)] // Russian Archeology. 1994. № 3. P. 71–82. (In Russ.).
9. Khokhlov A. A. Paleoantropologiya mogil'nika srubnoi kul'tury Barinovka I [Paleoanthropology of the burial ground of the Srubnaya culture Barinovka I] // Questions of Archeology of the Volga Region. Samara: Publishing House of the Samara State Pedagogical University, 2002. Vol. 2. P. 134–144. (In Russ.).
10. Khudaverdyan A. Yu. Naselenie Armianskogo nagor'ia v antichnuiu epokhu (po antropologicheskim dannym Beniaminskogo mogil'nika) [Population of the Armenian Highlands in Antiquity (according to the anthropological data of the Benjamin Burial Ground)]. Yerevan: Tigran Mets, 2000. 140 p. (In Russ.).
11. Khudaverdyan A. Yu. Naselenie Armianskogo nagor'ia v epokhu bronzy. Etnogenez i etnicheskaya istoriya [The population of the Armenian Highlands in the Bronze age. Ethnogenesis and ethnic history]. Yerevan: Van Aryan, 2009. 440 p. (In Russ.).
12. Acsadi Gy., Nemeskeri J. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado, 1970. 346 p.
13. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief communication: The London atlas of human tooth development and eruption // American Journal of Physical Anthropology. 2010. № 142 (3). P. 481–490.
14. Bass W. M. Human osteology. A laboratory and field manual. Columbia, Missouri: Missouri Archaeological Society, 1987. 327 p.
15. Brooks S., Suchey J. M. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks methods // Human Evolution. 1990. № 5. P. 227–238.
16. Guy H., Masset C., Baud C. Infant taphonomy // International Journal of Osteoarchaeology. 1997. Vol. 7. P. 221–229.
17. Khudaverdyan A. Yu. Trepanation in the Late Bronze Age and Early Iron Age in Armenia // Homo — Journal of Comparative Human Biology. 2016. № 67. P. 447–461. DOI: 10.1016/j.jchb.2016.09.005
18. Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G. Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze Age and Early Iron Age Bakheri chala population (Armenia) // Anthropologie — International Journal of the Science of Man. 2017. № LV/3. Vol. 319–336. DOI: 10.26720/anthro.20.10.07.1
19. Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G., Saratikyan A. A. Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze and Early Iron Ages Bover population (Armenia) // Anthropologie — International Journal of the Science of Man. 2021. № LIX/1. P. 55–78. DOI: 10.26720/antro.20.10.07.1

20. Khudaverdyan A. Yu., Yengibaryan A. A., Hovhanisyan A. A., Hobosyan S. G. Dyke – Davidoff – Masson syndrome in the Late Bronze and Early Iron ages Armenia — a cause of trepanation? // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2018. Vol. 28. P. 448–457. DOI: 10.1002/oa.2663
21. Lewis M. The osteology of infancy and childhood: misconceptions and potential // (Re)thinking the little ancestor: new perspectives on the archaeology of infancy and childhood / ed. by M. Lally, A. Moore. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 1–13.
22. Lovejoy C. O. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 47–56.
23. Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: a new method for the determination of adult skeletal age at death // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 15–28.
24. Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 57–66.
25. Phenice T. W. A newly developed visual method of sexing the os pubis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1969. № 30. P. 297–301.
26. Rogers J., Waldron T. *A field guide to joint disease in archaeology*. Chichester: John Wiley & Sons, 1995. 119 p.
27. *Standards for data collection from human skeletal remains* / ed. by J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey, 1994. 272 p. (Arkansas Archaeological Survey Research Series).
28. Ubelaker D. H. *Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1978. 116 p.
29. Weiss K. M. Demographic models for anthropology // *American Antiquity*. 1973. Vol. 38. P. 1–186.

Приложение

Таблица 1

Результаты стандартизации палеодемографических показателей в могильнике Барцрл

Возраст	Dx		dx		Ix		qx		Lx		Tx		Ex	
	Dx	dx	dx	qx	Ix	Ix	qx	Lx	Lx	Tx	Tx	Ex	Ex	
0-4	2,00	3,64	100,0	0,036	491	3632	36,32	491	3632	36,32	36,32	36,32	36,32	
5-9	1,00	1,82	96,36	0,019	477	3141	32,59	477	3141	32,59	32,59	32,59	32,59	
10-14	0,00	0,00	94,55	0,000	473	2664	28,17	473	2664	28,17	28,17	28,17	28,17	
15-19	1,00	1,82	94,55	0,019	468	2191	23,17	468	2191	23,17	23,17	23,17	23,17	
20-24	5,00	9,09	92,73	0,098	441	1723	18,58	441	1723	18,58	18,58	18,58	18,58	
25-29	9,00	16,36	83,64	0,196	377	1282	15,33	377	1282	15,33	15,33	15,33	15,33	
30-34	4,00	7,27	67,27	0,108	318	905	13,45	318	905	13,45	13,45	13,45	13,45	
35-39	6,57	11,95	60,00	0,199	270	586	9,77	270	586	9,77	9,77	9,77	9,77	
40-44	11,43	20,78	48,05	0,432	188	316	6,58	188	316	6,58	6,58	6,58	6,58	
45-49	8,43	15,32	27,27	0,562	98	128	4,69	98	128	4,69	4,69	4,69	4,69	
50 +	6,57	11,95	11,95	1,000	30	30	2,50	30	30	2,50	2,50	2,50	2,50	
Сумма:	55,0				3632			3632						

Возраст	Males			Females			All adults			
	Dx	dx	Ix	qx	Ex	Dx	dx	Ix	qx	Ex
15-19	0,00	0,00	100,0	0,000	27,08	0,00	0,00	100,0	0,000	17,75
20-24	2,00	6,67	100,00	0,067	22,08	2,00	20,00	100,00	0,200	12,75
25-29	3,00	10,00	93,33	0,107	18,48	3,00	30,00	80,00	0,375	10,31
30-34	1,00	3,33	83,33	0,040	15,40	1,00	10,00	50,00	0,200	10,00
35-39	2,14	7,14	80,00	0,089	10,94	2,14	21,43	40,00	0,536	6,87
40-44	9,36	31,19	72,86	0,428	6,76	0,36	3,57	18,57	0,192	6,92
45-49	6,36	21,19	41,67	0,509	4,96	1,36	13,57	15,00	0,905	2,98
50 +	6,14	20,48	20,48	1,000	2,50	0,14	1,43	1,43	1,000	2,50
Сумма:	30,0					10,0				

Таблица 2

Основные палеодемографические характеристики в группе Барцрjal

Основные палеодемографические характеристики	Total	Males	Females	All adults
Реальный объем выборки (N)	55,0	30,0	10,0	52,0
Средний возраст смерти в группе (A)	36,3	42,1	32,7	38,2
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	38,2	42,1	32,7	38,2
Процент детской смертности (PCD)	5,5	–	–	–
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD)	13,3	–	–	–
Процентное соотношение полов (SR)	300,0	–	–	300,0
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	75,0	25,0	–
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 (E0)	36,3	–	–	–
Ожидаемая продолжительность жизни в 15–19 лет (E15)	23,2	27,1	17,7	23,2
Ожидаемая продолжительность жизни в 20–24 года (E20)	18,6	22,1	12,7	18,6
Средний возраст смерти при 20 % PCD (A20)	31,5	34,7	27,2	31,5
Средний возраст смерти при 30 % PCD (A30)	28,2	30,9	24,4	28,2
Средний возраст смерти при 40 % PCD (A40)	23,3	27,2	21,6	23,3
Длина поколения (T)	27,25	27,91	25,88	27,25
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,028	0,037	0,056	0,043
Среднегодовой уровень фертильности (B)	25,23	30,11	21,68	26,68
Общий репродуктивный уровень (GRR)	1,39	1,16	1,62	1,31
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	2,1	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	2,8	2,3	3,2	2,6
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	94,5	100,0	100,0	100,0
Процент активного населения (CF)	82,6	79,5	98,6	87,4
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	11,9	20,5	1,4	12,6
Коэффициент активного населения (DR)	0,21	0,26	0,01	0,14

Таблица 3

Результаты стандартизации палеодемографических показателей в могильнике Бювер

Возраст	Males			Females			All adults				
	Dx	lx	qx	Dx	lx	qx	Dx	lx	qx	Ex	
0-4	1,00	100,0	0,021	0,00	100,0	0,000	2,00	4,44	100,0	0,044	18,61
5-9	1,00	97,87	0,022	2,00	25,00	0,250	10,00	22,22	95,56	0,233	14,36
10-14	0,00	95,74	0,000	1,00	12,50	0,167	7,00	15,56	73,33	0,212	12,95
15-19	2,00	95,74	0,044	2,00	25,00	0,400	8,00	17,78	57,78	0,308	10,77
20-24	10,00	91,49	0,233	0,00	0,00	0,000	4,00	8,89	40,00	0,222	9,44
25-29	7,00	70,21	0,212	1,00	12,50	0,167	5,00	11,11	31,11	0,429	6,43
30-34	8,00	55,32	0,308	2,00	25,00	0,667	6,00	13,33	17,78	0,625	4,37
35-39	4,00	38,30	0,222	1,00	12,50	1,000	5,00	11,11	17,78	1,000	2,50
40-44	6,00	29,79	0,429	0,00	0,00	0,000	3,00	6,67	6,67	1,000	2,50
45-49	5,00	17,02	0,625	0,00	0,00	0,000	3,00	6,67	6,67	1,000	2,50
50 +	3,00	6,38	1,000	0,00	0,00	0,000	3,00	6,67	6,67	1,000	2,50
Сумма:	47,0	3239		8,0			45,0				

Таблица 4

Основные палеодемографические характеристики в группе Бовер

Основные палеодемографические характеристики	Total	Males	Females	All adults
Реальный объем выборки (N)	47,0	22,0	8,0	45,0
Средний возраст смерти в группе (A)	32,4	36,8	33,8	33,6
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	33,6	36,8	33,8	33,6
Процент детской смертности (PCD)	4,3	–	–	–
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD)	10,0	–	–	–
Процентное соотношение полов (SR)	275,0	–	–	275,0
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	73,3	26,7	–
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 (E0)	32,4	–	–	–
Ожидаемая продолжительность жизни в 15–19 лет (E15)	18,6	21,8	18,8	18,6
Ожидаемая продолжительность жизни в 20–24 года (E20)	14,4	17,7	13,8	14,4
Средний возраст смерти при 20 % PCD (A20)	27,9	30,6	28,1	27,9
Средний возраст смерти при 30 % PCD (A30)	25,0	27,2	25,1	25,0
Средний возраст смерти при 40 % PCD (A40)	20,6	24,0	22,2	20,6
Длина поколения (T)	26,36	27,03	26,36	26,36
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,031	0,046	0,053	0,054
Среднегодовой уровень фертильности (B)	20,99	25,18	22,70	21,93
Общий репродуктивный уровень (GRR)	1,67	1,39	1,54	1,60
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	2,1	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	3,3	2,8	3,1	3,2
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	95,7	100,0	100,0	100,0
Процент активного населения (CF)	89,4	86,4	100,0	93,3
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	6,4	13,6	0,0	6,7
Коэффициент активного населения (DR)	0,12	0,16	0,00	0,07

Таблица 5

Результаты стандартизации палеодемографических показателей в могильнике Багери чала

Возраст	Males		Females		All adults	
	Dx	lx	Dx	lx	Dx	lx
0-4	0,00	100,0	0,00	100,0	2,00	2969
5-9	5,00	100,00	2,00	100,00	7,00	2469
10-14	0,00	84,38	2,00	84,38	14,81	2008
15-19	2,00	84,38	2,00	84,38	14,81	1586
20-24	7,00	78,13	2,00	78,13	14,81	1180
25-29	4,00	56,25	2,00	56,25	14,81	844
30-34	4,00	43,75	2,00	43,75	14,81	594
35-39	0,00	31,25	2,00	31,25	14,81	406
40-44	3,00	31,25	2,00	31,25	14,81	250
45-49	3,00	21,88	2,00	21,88	14,81	117
50 +	4,00	12,50	2,00	12,50	14,81	31
Сумма:	32,0		9,0		27,0	2969
Возраст	Males		Females		All adults	
	Dx	lx	Dx	lx	Dx	lx
15-19	2,00	100,0	0,00	100,0	2,00	100,0
20-24	4,00	86,67	2,00	100,00	7,00	92,59
25-29	2,00	60,00	2,00	77,78	4,00	66,67
30-34	1,00	46,67	2,00	55,56	4,00	51,85
35-39	0,00	40,00	0,00	33,33	0,00	37,04
40-44	1,00	40,00	1,00	33,33	3,00	37,04
45-49	2,00	33,33	1,00	22,22	3,00	25,93
50 +	3,00	20,00	1,00	11,11	4,00	14,81
Сумма:	15,0		9,0		27,0	14,81

Таблица 6

Основные палеодемографические характеристики в группе Багери чала

Основные палеодемографические характеристики	Total	Males	Females	All adults
Реальный объем выборки (N)	32,0	15,0	9,0	27,0
Средний возраст смерти в группе (A)	29,7	33,8	34,2	33,8
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	33,8	33,8	34,2	33,8
Процент детской смертности (PCD)	15,6	–	–	–
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD)	0,0	–	–	–
Процентное соотношение полов (SR)	166,7	–	–	166,7
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	62,5	37,5	–
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 (E0)	29,7	–	–	–
Ожидаемая продолжительность жизни в 15–19 лет (E15)	18,8	18,8	19,2	18,8
Ожидаемая продолжительность жизни в 20–24 года (E20)	15,1	16,3	14,2	15,1
Средний возраст смерти при 20 % PCD (A20)	28,0	28,3	28,4	28,0
Средний возраст смерти при 30 % PCD (A30)	25,1	25,1	25,4	25,1
Средний возраст смерти при 40 % PCD (A40)	20,7	22,2	22,4	20,7
Длина поколения (T)	26,52	26,82	26,20	26,52
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,034	0,053	0,052	0,053
Среднегодовой уровень фертильности (B)	17,59	19,89	22,14	20,85
Общий репродуктивный уровень (GRR)	1,99	1,76	1,58	1,68
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	2,4	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	4,0	3,5	3,2	3,4
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	84,4	100,0	100,0	100,0
Процент активного населения (CF)	71,9	80,0	88,9	85,2
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	12,5	20,0	11,1	14,8
Коэффициент активного населения (DR)	0,39	0,25	0,13	0,17

Таблица 7

Коэффициенты корреляции основных палеодемографических характеристик для сравниваемых серий

(выделены статистически значимые величины при $p < 0,05$)

Признак	Aam	Aaf	PCD	PSRm	PSRf	C50+m
Aam	–	–	–	–	–	–
Aaf	0,528	–	–	–	–	–
PCD	0,287	0,251	–	–	–	–
PSRm	0,092	–0,589	–0,221	–	–	–
PSRf	–0,092	0,589	0,2197	<u>–0,999</u>	–	–
C50+m	<u>0,805</u>	0,262	0,408	0,395	–0,395	–
C50+f	0,575	<u>0,689</u>	<u>0,671</u>	–0,432	0,432	0,602

Таблица 8

Элементы главных компонент для сравниваемых серий по шести основным палеодемографическим характеристикам

Признак	ГК I	ГК II
Aam	–0,612	–0,636
Aaf	<u>–0,848</u>	0,1295
PCD	–0,634	–0,1899
PSRm	0,613	<u>–0,781</u>
PSRf	–0,612	0,781
C50+m	–0,453	<u>–0,872</u>
C50+f	<u>–0,933</u>	–0,174
Собственные числа	3,317	2,467
Доля в общей дисперсии (%)	55,81	17,42

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.10

Радченко Маргарита Леонидовна

кандидат исторических наук

Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина

Белгород, Россия

mirra.1991@mail.ru

**К ВОПРОСУ О РАССМОТРЕНИИ
ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛИБАНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить отечественную историографию, предметом которой выступает риторическая школа Либания в Антиохии, а также сам ритор. Корпус текстов Либания рассматривали многие зарубежные исследователи; есть отдельные монографии. В свою очередь, у отечественных специалистов интерес к Либанию представлен в большинстве случаев лишь эпизодично. Он сам, его риторическая школа, речи и письма рассматриваются в контексте отдельно взятых тем. Но и эти отсылки к ритору являются существенным дополнением для воссоздания образа учителя, каким являл себя Либаний. Речь, декламации, самое главное — письма — все это помогает раскрыть вопросы развития педагогического образования в период поздней Античности на Римском Востоке. Таким образом, целью данной статьи стало изучение работ отечественных исследователей на предмет наличия в них отсылок к Либанию, его риторической школе, речам и письмам.

Ключевые слова: Либаний, риторика, поздняя Античность, эпистолярный корпус, софистика, декламации, прогимнасы.

Для цитирования: Радченко М. Л. К вопросу о рассмотрении эпистолярного наследия Либания в отечественной историографии // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 151–165. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.10

Original article

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.10

Radchenko Margarita L.

Candidate of Historical Sciences

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

Belgorod, Russia

mirra.1991@mail.ru

**ON THE ISSUE OF CONSIDERING
THE EPISTOLARY HERITAGE OF LIBANIUS
IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

Abstract. The article attempts to highlight the Russian historiography, the subject of which is the rhetorical school of Libanius in Antioch, as well as the rhetorician himself. The epistolary corpus of Libanius has been considered by many foreign researchers; we have separate monographs on Libanius and his school. In turn, domestic specialists are interested in Libanius in most cases episodically. Libanius, his rhetorical school, speeches and letters are considered in the context of individual topics. But even these references to the rhetorician are an essential addition to recreating the image of the teacher, as Libanius showed himself. Speeches, recitations, and most importantly — letters, all this helps to reveal the issues of the development of pedagogical education in the period of Late Antiquity in the Roman East. Thus, the purpose of this article is to study the works of domestic researchers concerning the subject of references to Libanius, his rhetorical school, speeches and letters.

Keywords: Libanius, rhetoric, late antiquity, epistolary corpus, sophistry, recitations, progymnasms.

For citation: Radchenko M. L. On the issue of considering the epistolary heritage of Libanius in Russian historiography // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 151–165. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.10

Введение. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть одну из наиболее значимых личностей периода поздней Античности — ритора Либания — в контексте изучения его наследия и деятельности в отечественной историографии.

В зарубежной историографии Либаний является одной из ключевых фигур в изучении развития софистики на Римском Востоке в позднеантичный период. В работах Р. Крибиоре, П. Пети, А. Нормана, Л. ван Хоф, Э. Уотса и др. представлены не только анализ работы школы Либания и переводы его писем, речей, но также статистические данные, охватывающие круг студентов Либания. Благодаря этим данным мы можем видеть, кто обучался у Либания, какое количество студентов присутствовало в его школе, откуда прибывали и как долго оставались на обучении.

Иначе обстоит дело с работами отечественных исследователей. Специальных монографических работ, посвященных непосредственно Либанию и его педагогической деятельности, у нас нет. Безусловно, в распоряжении историков находятся переведенные в начале XX в. С. П. Шестаковым речи Либания¹. Корпус из около 1500 писем в русском переводе отсутствует. Таким образом, у истоков отечественной историографии Либания стоят статьи С. П. Шестакова, сопровождающие перевод его речей.

После долгого перерыва к жизни и деятельности великого ритора обратился Г. Л. Курбатов в книге «Ранневизантийские портреты», одна из глав которой посвящена непосредственно Либанию².

В рамках своего диссертационного исследования, посвященного истории развития высшего образования в Римской империи, опубликовала несколько статей Т. Б. Перфилова³. Но ее работы носят скорее культурологический характер и дают представление о биографии Либания, мало затрагивая непосредственно организацию работы его риторической школы и студентов.

Помимо этого, следует отметить ряд исследований, в которых Либаний рассматривается в контексте изучения той или иной проблематики. Эти работы могут существенно дополнить общую картину исследования педагогической деятельности ритора Либания.

Ход и результаты исследования. Обращаясь к работам отечественных исследователей, отметим, что все они, так или иначе, относятся к последнему десятилетию. При этом наиболее активно освоение наследия Либания идет в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Здесь выделяется ряд статей, опубликованных А. М. Болговой. В частности, статья «Либаний и его наследие в историографии последних лет»⁴, написанная в соавторстве с Н. Н. Болговым, является необходимой стартовой площадкой для начала историографического анализа. В работе подводятся итоги исследований в мировой науке и отмечается, что основное отражение

¹ Речи Либания / пер., вступ. ст. и прим. С. П. Шестакова. Казань, 1912–1916 (перезд.: СПб., 2014. В 2 т.).

² Курбатов Г. Л. Последний идеолог муниципальной аристократии — Ливаний (314–393 гг.) // Его же. Ранневизантийские портреты. Л.: ЛГУ, 1991. С. 52–98.

³ Перфилова Т. Б. «Странствующие» софисты в культурном пространстве провинции (на примере биографии Либания) // Известия РГПУ. 2004. Т. 4. № 7. С. 7–15; Ее же. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в римской провинции Сирия и других грекоязычных владениях Римской империи // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 1. С. 161–167; Ее же. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 2. С. 22–27 (продолжение); № 3. С. 42–46 (окончание).

⁴ Болгов Н. Н., Болгова А. М. Либаний и его наследие в историографии последних лет // Личность, общество, власть: прошлое и современность: материалы Двенадцатой региональной научной конференции. Воронеж, 2018. С. 275–280.

письменное наследие Либания и деятельность его школы в Антиохии нашли в работах Ф. Шеммеля, П. Пети, Л. ван Хоф⁵.

В статье «Позднеантичные прогимнасы (предварительные античные упражнения) и Либаний»⁶ А. М. Болгова рассматривает историю развития и типологию античных риторических упражнений на примере сохранившегося корпуса прогимнасм Либания. Как отмечает автор, знание жанровой типологии основных предварительных упражнений позволяет понять и более высокие типы позднеантичной риторики — декламации и речи.

Представление об антиохийской школе Либания как о материальном объекте (здании) дает статья названного автора «К вопросу о зданиях для высших школ в ранней Византии»⁷. В рамках изучения позднеантичных риторических школ, в первую очередь афинской школы, автором уделено внимание зданиям, использовавшимся для организации школ, в том числе и в Антиохии.

В исследовании «Интеллектуальные центры Поздней Античности и “академическая мобильность” студентов»⁸ А. М. Болгова проследила эволюцию высшей риторической школы начиная с середины IV в. (антиохийская школа Либания) до VI века (газская школа). В качестве одного из используемых источников послужил колоссальный эпистолярный софиста Либания.

В статье «Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии»⁹ риторические выступления рассматриваются на примерах представителей третьей и четвертой софистики, в частности выступлений Либания.

В статье «Посвящение в студенты и другие неформальные ритуалы в высших школах позднеантичных Афин»¹⁰ случай «вербовки» молодого Либания, прибывшего в Афины, изображен в контексте изучения устоявшейся традиции вступления в студенты и неформальных обрядов посвящения. Данные факты, известные нам благодаря речам Либания, дают возможность для изучения корпоративной культуры студентов и преподавателей в период поздней Античности.

⁵ Болгов Н. Н., Болгова А. М. Либаний и его наследие... С. 276–277.

⁶ Болгова А. М. Позднеантичные прогимнасы (предварительные риторические упражнения) и Либаний // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). С. 65–69.

⁷ Болгова А. М. К вопросу о зданиях для высших школ в Ранней Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 8 (229). С. 44–51.

⁸ Болгова А. М. Интеллектуальные центры Поздней Античности и «академическая мобильность» студентов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 13 (210). С. 52–55.

⁹ Болгова А. М. Общественные конкурсы и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии // *Via in tempore*. История. Политология. 2022. № 49 (4). С. 784–794.

¹⁰ Болгова А. М. Посвящение в студенты и другие неформальные ритуалы в высших школах позднеантичных Афин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 3. С. 427–436.

В статье «Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа)»¹¹ дается характеристика риторической школы Либания, отмечается степень его влияния в Антиохии, покровительство со стороны императора Юлиана, а также, что немаловажно, здесь представлены выпускники антиохийской школы, получившие наибольшую славу, в том числе и ученики самого Либания, например Иоанн Златоуст.

В исследовании И. В. Денисовой «Вокруг софиста Юлиана: риторические школы Афин IV в.»¹² в центре внимания автора находится софист Юлиан Каппадокийский. В качестве одного из основных источников использовались сочинения Либания. В статье представлены ценные сведения о взаимодействии ритора, его студентов и жителей города, в котором находилась школа, а также о покровительстве, оказываемом императором Юлианом Либанию в контексте взаимоотношений императора и ритора Проэресия.

В статье «В какой афинской школе обучались Св. Григорий Богослов и Св. Василий Великий?»¹³ И. В. Денисова упоминает о периоде обучения Григория Богослова и Василия Великого в Афинах вместе с Либанием, а также о последующем их взаимодействии, переписке.

Определенного внимания, безусловно, заслуживают работы В. Г. Безрогова. В статье «Добрые учителя и осторожные ученики»¹⁴ автор отмечает оживленную переписку Либания с Василием Великим, предметом которой является тема ученичества, ученики Либания и последующее их «распределение». В письмах Григория Нисского показана роль Либания как наставника и учителя. Показательно, что и Василий Великий, и Григорий Нисский являются христианами, но тем не менее высоко оценивают наставнический талант языческого ритора Либания.

Вокруг этой же темы строится работа «Античное ученичество в понимании Цицерона и его христианские интерпретаторы»¹⁵, а также совместная работа с В. К. Пичугиной «Французский опыт создания антологий по истории педагогики»¹⁶.

¹¹ Болгов Н. Н., Болгова А. М., Денисова И. В., Бузанаков Ю. В. Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа) // *Via in tempore. История. Политология*. 2020. Т. 47. № 4. С. 714–726.

¹² Денисова И. В. Вокруг софиста Юлиана: риторические школы Афин IV в. // *Via in tempore. История. Политология*, 2022. Т. 49. № 4. С. 767–783.

¹³ Денисова И. В. В какой афинской школе обучались Св. Григорий Богослов и Св. Василий Великий? // *Via in tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48. № 3. С. 597–613.

¹⁴ Безрогов В. Г. Добрые учителя и осторожные ученики: педагогическая мысль республиканского и позднего императорского Рима. О Феноменах учительства и ученичества // *Историко-педагогический журнал*. 2019. № 4. С. 61–82.

¹⁵ Безрогов В. Г. Античное ученичество в понимании Цицерона и его христианские интерпретаторы // *Nurpothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры*. 2017. № 1. С. 162–190.

¹⁶ Безрогов В. Г., Пичугина В. К. Французский опыт создания антологий по истории педагогики // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2018. Т. 2. № 4 (53). С. 90–100.

В продолжение темы о развитии образования и об ученичестве можно отметить статью О. В. Алиевой «Послание к юношам об образовании в Каппадокии IV в.»¹⁷ В качестве основных источников здесь представлены послания Василия Великого, а также тексты, созданные уже после его смерти, — послания Амфилохия Иконийского и Григория Назианзина. И снова в текстах Василия мы можем видеть отсылки к ритору Либанию.

Уделено внимание в отечественной историографии не только развитию образования на Римском Востоке, но и античной литературной традиции, представленной в том числе примерами речей, прогимнасм и декламаций Либания. Отметим в этой связи статью Д. А. Фокина «К истоку экфрасиса: Progyrnasmata Либания»¹⁸, в которой на примере Либания рассматривается феномен экфрасиса в античной литературе.

В работе «Риторические образы “Антиохийской речи” Либания»¹⁹ С. И. Межеричкая рассматривает речь как образец античного ораторского искусства, отмечая степень влияния риторики периода второй софистики на позднеантичную риторику третьей софистики. Статья С. И. Межеричкой позволяет оценить вклад ритора Либания в историю развития позднеантичного ораторского искусства.

В продолжение тематики отметим еще одну статью С. И. Межеричкой «Два оратора и два императора»²⁰, в которой античное ораторское искусство исследуется в контексте сравнения «риторических» взаимоотношений императора и ритора: Марк Аврелий – Элий Аристид и Юлиан Отступник – Либаний.

Обращается к речам Либания в адрес императора Юлиана и А. В. Усачева. Статья «К вопросу о сознательном разделении и композиционном единстве IV и V речей свт. Григория Богослова против Юлиана»²¹ посвящена анализу сочинений Либания, императора Юлиана и речей Григория Богослова, взаимосвязи между ними. В частности, автор проводит параллельное сравнение IV речи Григория и XII речи Либания. Дополнительными сведениями для исследователей могут послужить данные не только о композиционной структуре речи Либания, но также содержание речи, которое дает представление о религиозной политике Юлиана, попытках восстановления и пропаганде

¹⁷ Алиева О. В. Послание к юношам об образовании в Каппадокии IV в. // Аристей. Aristeas: Вестник классической филологии и античной истории. 2017. Т. 15. С. 77–89.

¹⁸ Фокин Д. А. К истоку экфрасиса: Progyrnasmata Либания // Лучшая студенческая статья 2017: сб. статей XI Международного научно-практического конкурса: в 3 ч. Пенза, 2017. Ч. 3. С. 169–172.

¹⁹ Межеричкая С. И. Риторические образцы «Антиохийской речи» Либания // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Л. А. Вербицкой (1936–2019): избр. доклады. Сер. “St. Petersburg University Studies in Social Science & Humanities” / под ред. Т. В. Черниговской. СПб., 2022. С. 407–418.

²⁰ Межеричкая С. И. Два оратора и два императора // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2019. № 19-1. С. 145–164.

²¹ Усачева А. В. К вопросу о сознательном разделении и композиционном единстве IV и V речей Свт. Григория Богослова против Юлиана // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2011. № 3 (35). С. 22–29.

язычества, проводимой в армии, характере императора, о Персидской кампании. Указанные темы нашли свое отражение также в статье «О датировке инвектив свт. Григория Назианзина против Юлиана Отступника (Orationes IV–V: contra Julianum Imperatorem)»²².

Влияние классической греческой литературы на раннее творчество христианских авторов отмечает Л. Б. Поплавская. Ее статья «Античные литературные традиции в греческих эпиграммах раннехристианского периода»²³ посвящена анализу эпитафии ритора Либания, посвященной Юлиану, и эпитафиям Григория Назианзина Василию Великому. На примере эпитафий автор не только определяет степень влияния языческой традиции на творчество христианских святых, но также в рамках заявленной темы рассматривает историческую обстановку, сопутствующую переходному периоду от язычества к христианству, где риторическая школа Либания выступала как некий связующий элемент между античной традицией и зарождающейся христианской культурой.

В завершение обзора работ, посвященных литературному и историческому анализу письменного наследия античных риторов, в первую очередь Либания, отметим статью И. Ю. Шабага «Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу)»²⁴. В ней автор на примере отрывков из трудов древнегреческих и латинских авторов показывает, с какими трудностями приходится сталкиваться переводчику в процессе осмысления оригинального текста и интерпретации, переводу его на русский язык в соответствии с устоявшимися литературными нормами. И. Ю. Шабага приводит отрывок из XIX речи Либания, отмечая сложность перевода его речей и писем в связи с присутствием некоторой искусственности и вычурности языка.

Ввиду того, что родиной Либания являлся город Антиохия, там же располагалась и его риторическая школа, то небезосновательным будет обратить внимание на научные исследования, посвященные истории и развитию Антиохии. Поскольку история города, так или иначе, затрагивает и риторическую школу, и самого ритора, то авторы в своих работах ссылаются на Либания, привлекая его эпистолярный корпус в качестве источника.

В работе А. В. Горайко «О значении проповеди Церкви в жизни ранневизантийского полиса на примере деятельности Иоанна Златоуста»²⁵ приводится сравнительная характеристика творчества Либания и Иоанна Златоуста.

²² Усачева А. В. О датировке инвектив свт. Григория Назианзина против Юлиана Отступника (Orationes IV–V: contra Julianum Imperatorem) // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. № 20-1. С. 226–232.

²³ Поплавская Л. Б. Античные литературные традиции в греческих эпиграммах раннехристианского периода // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2020. № 12-1. С. 115–129.

²⁴ Шабага И. Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2009. № 2. С. 21–37.

²⁵ Горайко А. В. О значении проповеди Церкви в жизни ранневизантийского полиса на примере деятельности Иоанна Златоуста // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 2008. Т. 7. С. 95–107.

В статьях С. В. Смирнова проведен сравнительный анализ письменного наследия Либания и Иоанна Малалы²⁶. Так, в «Легенде об основании Антиохии-на-Оронте» анализируется легенда об основании города. В другой статье автор на основе письменных источников и недавно открытых мозаик сопоставляет две легенды — об основании Антиохии и Апамеи.

Отметим работы Е. А. Пак²⁷, посвященные деятельности императора Юлиана: мы видим в них отсылки к Либанию, а его речи и переписка используются автором как один из основных источников. Юлиан выказывал риторю свое расположение и, как отмечают некоторые исследователи, покровительствовал Либанию. В свою очередь, в речах софиста мы можем встретить восхваления императора. Восторженные похвалы Юлиану нередко встречаются также в переписке.

В этом же контексте даны работы И. А. Миролубова, направленные на изучение жизни, деятельности и окружения императора Константина Великого. В статье «Либаний о личной жизни Константина Великого»²⁸ автор рассматривает речь XLII, которая посвящена карьере Флавия Опата, знатного чиновника при Константине. Содержится в речи Либания и намек на то, что возвышение свое Опат получил благодаря не столько своим талантам, сколько жене, занимавшей видное место при дворе императора. И. А. Миролубов анализирует данный отрывок в контексте рассмотрения личной жизни императора Константина.

Использует И. А. Миролубов фрагменты речей Либания и в статье «Об образовании сыновей Константина Великого»²⁹, сопоставляя их с фрагментами из текстов императора Юлиана и Евсевия Кесарийского, и в статье «“Брат господина нашего Константина Августа”: о карьере Юлия Констанция»³⁰,

²⁶ Смирнов С. В. Легенда об основании Антиохии-на-Оронте // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры, 2017. Т. 6. С. 126–132; *Его же*. Визуальный нарратив и ktisissagen: новые мозаики об основании двух селевкидских городов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 2 (124).

²⁷ Пак Е. А. Традиция о мучениках времен императора Юлиана Отступника // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 2. С. 122–129; *Ее же*. Гибель Юлиана Отступника в отражении языческой и христианской традиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 3. С. 79–84; *Ее же*. Трагедия Юлиана Отступника: становление личности и формирование взглядов римского аристократа в условиях духовного и политического кризиса в середине IV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 4. С. 125–132; *Ее же*. Религиозная политика Юлиана Отступника // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. № 9. С. 363–386.

²⁸ Миролубов И. А. Либаний о личной жизни Константина Великого // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. № 22-2. С. 869–877.

²⁹ Миролубов И. А. Об образовании сыновей Константина Великого // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2019. № 3. С. 146–160.

³⁰ Миролубов И. А. «Брат господина нашего Константина Августа»: о карьере Юлия Констанция // Аристей. Aristestas: Вестник классической филологии и античной истории. 2017. Т. 16. С. 45–54.

посвященной брату Константина Великого, который хоть и не занимал высоких постов в империи, однако на его примере можно проследить атмосферу взаимоотношений внутри семьи императора Константина.

В качестве исторического источника письменное наследие Либания используется и у других исследователей. В частности, В. А. Дмитриев³¹ обращается к Либанию в рамках рассмотрения вопроса о сражении под Сингарой с целью установления точной датировки и локализации этого сражения середины IV в.

В своей статье «Письмо Либания к Иоанну Златоусту из рукописи Исидора Пелусиота»³² И. Л. Хлынова обращается к вопросу о подлинности письма, выступающего аргументом в пользу ораторского искусства Иоанна Златоуста. Автор приходит к выводу, что письмо Либания Иоанну является подлинным.

Следует упомянуть также исследования Н. А. Виноградова³³ и А. Б. Ваньковой³⁴, в которых авторы в рамках рассматриваемого ими вопроса обращаются к наследию Либания, раскрывая идейное содержание его писем и речей.

Заключение. Таким образом, несмотря на то что в отечественной историографии отсутствуют специальные монографические работы, посвященные непосредственно Либанию и его деятельности в качестве учителя, исследователи все же регулярно обращаются к наследию ритора. В поле их зрения оказались не только речи и декламации, но также и письма. Эти упоминания, отсылки авторов к Либанию дают возможность представить общую картину развития риторического образования на Римском Востоке, проследить основные направления деятельности риторических школ и отметить источники, на которых акцентируют внимание отечественные историки. Тем не менее задача комплексного исследования наследия Либания пока остается нерешенной.

Литература

1. Алиева О. В. Послания к юношам об образовании в Каппадокии IV в. // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2017. Т. XV. С. 77–89.
2. Безрогов В. Г. Античное ученичество в понимании Цицерона и его христианские интерпретаторы // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2017. № 1. С. 162–190.

³¹ Дмитриев В. А. «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н.э. в Верхней Месопотамии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). С. 77–87; *Его же*. К вопросу о месте «ночного сражения» под Сингарой // Вестник военного университета. 2010. № 3 (23). С. 87–90.

³² Хлынова И. А. Письмо Либания к Иоанну Златоусту из рукописи Исидора Пелусиота // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 14-2. С. 402–413.

³³ Виноградов Н. А. Языческий софист и христианские епископы: переписка Либания с Амфилохием, епископом Иконии и Оптимом, епископом Антиохии Писидийской / перевод и комментарии // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2023. № 7. С. 59–74.

³⁴ Ванькова А. Б. Монахи как возмутители спокойствия: социально-религиозная практика IV–V вв. // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2. № 3. С. 20–29.

3. Безрогов В. Г. Добрые учителя и осторожные ученики: педагогическая мысль республиканского и позднего императорского Рима. О феноменах учительства и ученичества // Историко-педагогический журнал. 2019. № 4. С. 61–82.
4. Безрогов В. Г., Пичугина В. К. Французский опыт создания антологий по истории педагогики // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2. № 4 (53). С. 90–100. DOI: 10.24411/2224-0772-2018-10020
5. Болгов Н. Н., Болгова А. М. Либаний и его наследие в историографии последних лет // Личность, общество, власть: прошлое и современность: материалы Двенадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. Воронеж: ВГУ, 2018. С. 275–280.
6. Болгов Н. Н., Болгова А. М., Денисова И. В., Бузанаков Ю. В. Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Бейрут, Кесария, Газа) // *Via in tempore. История. Политология*, 2020. № 47(4). С. 714–726. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726
7. Болгова А. М. Интеллектуальные центры Поздней Античности и «академическая мобильность» студентов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 13 (210). С. 52–55.
8. Болгова А. М. К вопросу о зданиях для высших школ в ранней Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 8 (229). С. 44–51.
9. Болгова А. М. Общественные конкурсы и риторические выступления (*epideixis akroasis*) в Ранней Византии // *Via in tempore. История. Политология*. 2022. Т. 49. № 4. С. 784–794. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794
10. Болгова А. М. Позднеантичные прогимнасы (предварительные риторические упражнения) и Либаний // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). С. 65–69.
11. Болгова А. М. Посвящение в студенты и другие неформальные ритуалы в высших школах позднеантичных Афин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 3. С. 427–436. DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-3-427-436
12. Ванькова А. Б. Монахи как возмутители спокойствия: социально-религиозная практика IV–V вв. // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2. № 3. С. 20–29. DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-3-20-29
13. Виноградов Н. А. Языческий софист и христианские епископы: переписка Либания с Амфилохием, епископом Иконии и Оптимом, епископом Антиохии Писидийской (перевод и комментарии) // *Nyurothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры*. 2023. № 7. С. 59–74. DOI: 10.32880/2587-7127-2023-7-7-59-74
14. Горайко А. В. О значении проповеди Церкви в жизни ранневизантийского полиса на примере деятельности Иоанна Златоуста // *Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник*. 2008. Т. 7. С. 95–107.
15. Денисова И. В. В какой афинской школе обучались Св. Григорий Богослов и Св. Василий Великий? // *Via in tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48. № 3. С. 597–613. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-597–613
16. Денисова И. В. Вокруг софиста Юлиана: риторические школы Афин IV в. // *Via in tempore. История. Политология*. 2022. Т. 49. № 4. С. 767–783. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-767-783

17. Дмитриев В. А. К вопросу о месте “ночного сражения” под Сингарой // Вестник военного университета. 2010. № 3 (23). С. 87–90.
18. Дмитриев В. А. “Ночное сражение” под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н. э. в Верхней Месопотамии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). С. 77–87.
19. Межеричкая С. И. Два оратора и два императора // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2019. № 19-1. С. 145–164.
20. Межеричкая С. И. Риторические образцы «Антиохийской речи» Либания Либания // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Л. А. Вербицкой (1936–2019): избранные доклады. Серия “St. Petersburg University Studies in Social Science & Humanities”. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 407–418. DOI: 10.21638/11701/9785288062353.25
21. Миролубов И. А. “Брат господина нашего Константина Августа”: о карьере Юлия Констанция // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2017. Т. 16. С. 45–54.
22. Миролубов И. А. Либаний о личной жизни Константина Великого // Индо-европейское языкознание и классическая филология. 2018. № 22–2. С. 869–877. DOI: 10.30842/ielcp230690152262
23. Миролубов И. А. Об образовании сыновей Константина Великого // Hurothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2019. № 3. С. 146–160. DOI: 10.32880/2587-7127-2018-3-3-146-160
24. Пак Е. А. Гибель Юлиана Отступника в отражении языческой и христианской традиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 3. С. 79–84.
25. Пак Е. А. Религиозная политика Юлиана Отступника // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. № 9. С. 363–386.
26. Пак Е. А. Трагедия Юлиана Отступника: становление личности и формирование взглядов римского аристократа в условиях духовного и политического кризиса в середине IV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 4. С. 125–132.
27. Пак Е. А. Традиция о мучениках времен императора Юлиана Отступника // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 2. С. 122–129.
28. Поплавская Л. Б. Античные литературные традиции в греческих эпиграммах раннехристианского периода // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии, 2020. № 12-1. С. 115–129.
29. Смирнов С. В. Визуальный нарратив и ktisissagen: новые мозаики об основании двух селевкидских городов // История: электронный научно-образовательный журнал. 2023. Т. 14. № 2 (124). DOI: 10.18254/S207987840024676-2
30. Смирнов С. В. Легенда об основании Антиохии-на-Оронте // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. Т. 6. С. 126–132.
31. Усачева А. В. К вопросу о сознательном разделении и композиционном единстве IV и V речей Свт. Григория Богослова против Юлиана // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 3 (35). С. 22–29.
32. Усачева А. В. О датировке инвектив свт. Григория Назианзина против Юлиана Отступника (Orationes IV–V: contra Julianum Imperatorem) // Ежегодная богословская

конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2010. № 20-1. С. 226–232.

33. Фокин Д. А. К истоку экфрасиса: Progymnasmata Либания // Лучшая студенческая статья 2017: сборник статей XI Международного научно-практического конкурса: в 3 ч. Пенза: Наука и просвещение, 2017. Ч. 3. С. 169–172.

34. Хлынова И. Л. Письмо Либания к Иоанну Златоусту из рукописи Исидора Пелусиота // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 14-2. С. 402–413.

35. Шабага И. Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2009. № 2. С. 21–37.

References

1. Alieva O. V. Poslaniia k iunosham ob obrazovanii v Kappadokii IV v. [Addresses to the youth in the Fourth Century Cappadocia] // *Aristeas: Journal of Classical Philology and Ancient History*. 2017. Vol. XV. P. 77–89. (In Russ.).

2. Bezrogov V. G. Antichnoe uchenichestvo v ponimanii Tsitserona i ego khristianskie interpretatory [Ancient discipleship in the understanding of Cicero and its Christian interpreters] // *Hypothekai. Journal on the History of Ancient Pedagogical Culture*. 2017. № 1. P. 162–190. (In Russ.).

3. Bezrogov V. G. Dobrye uchitelia i ostorozhnye ucheniki: pedagogicheskaiia mysl' respublikanskogo i pozdnego imperatorskogo Rima o fenomenakh uchitel'stva i uchenichestva [Kind teachers and cautious pupils: Pedagogical thought in Republican and Late Imperial Rome on the phenomena of teaching and apprenticeship] // *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal [Historical and Pedagogical Journal]*. 2019. № 4. P. 61–82. (In Russ.).

4. Bezrogov V. G., Pichugina V. K. Frantsuzskii opyt sozdaniia antologii po istorii pedagogiki [Anthologies on the history of education in France: heritage and experience] // *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika [Domestic and Foreign Pedagogy]*. 2018. Vol. 2. № 4 (53). P. 90–100. (In Russ.). DOI: 10.24411/2224-0772-2018-10020

5. Bolgov N. N., Bolgova A. M. Libanii i ego nasledie v istoriografii poslednikh let [Libanius and his legacy in the historiography of recent years] // *Lichnost', obshchestvo, vlast': proshloe i sovremennost': materialy Dvenadtsatoi regional'noi nauchnoi konferentsii (g. Voronezh, 2 fevralia 2018 g.) / ed. by V. N. Glaz'ev. Voronezh: VGU, 2018. P. 275–280. (In Russ.).*

6. Bolgov N. N., Bolgova A. M., Denisova I. V., Buzanakov Yu. V. Obrazovannost', shkoly, knizhnaia kul'tura v Vostochnom Sredizemnomor'e v IV–VII vv. (Antiokhiia, Berit, Kesariia, Gaza) [Education, schools, book culture in the Eastern Mediterranean in the 4th–7th cent. A. D. (Antioch, Berit, Caesaria, Gaza)] // *Via in Tempore. History and Political Science*. 2020. Vol. 47. № 4. P. 714–726. (In Russ.). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726

7. Bolgova A. M. Intellektual'nye tsentry Pozdnei Antichnosti i «akademicheskaia mobil'nost'» studentov [The intellectual centers of Late Antiquity and “academic mobility” of students] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologiiia [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science]*. 2015. № 13 (210). P. 52–55. (In Russ.).

8. Bolgova A. M. K voprosu o zdaniakh dlia vysshikh shkol v rannei Vizantii [To the question about of high school buildings in the Early Byzantium] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologiiia [Scientific*

Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science]. 2016. № 8 (229). P. 44–51. (In Russ.).

9. Bolgova A. M. Obshchestvennye konkursy i ritoricheskie vystupleniia (epideixis akroasis) v Rannei Vizantii [Public competitions of sophists and rhetorical presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium] // *Via in Tempore. History and Political Science*. 2022. Vol. 49. № 4. P. 784–794. (In Russ.). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794

10. Bolgova A. M. Pozdneantichnye progimnasmy (predvaritel'nye ritoricheskie uprazhneniia) i Libanii [Late ancient progymnasmata (preliminary rhetorical exercises) and Libanius] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiia. Politologiiia* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science]. 2015. № 7 (204). P. 65–69. (In Russ.).

11. Bolgova A. M. Posviashchenie v studenty i drugie neformal'nye ritualy v vysshikh shkolakh pozdneantichnykh Afin [Introduction to the students and other informal rituals in the high school of Late Antique Athens] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiia. Politologiiia* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science]. 2018. Vol. 45. № 3. P. 427–436. (In Russ.). DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-3-427-436

12. Vankova A. B. Monakhi kak vozmutiteli spokoistviia: sotsial'no-religioznaia praktika IV–V vv. [Monks as trouble-makers: social and religious practice IV–V c.] // *Research Result. Sociology and Management*. 2016. Vol. 2. № 3. P. 20–29. (In Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-3-20-29

13. Vinogradov N. A. Iazycheskii sofist i khristianskie episkopy: perepiska Libanii s Amfilokhiem, episkopom Ikonii i Optimom, episkopom Antiokhii Pisidiiskoi (perevod i kommentarii) [Pagan sophist and Christian bishops: correspondence of Libanius with Amphilochius, Bishop of Iconium and Optimus, Bishop of Antioch in Pisidia (translation and comments)] // *Hypothekai. Journal on the History of Ancient Pedagogical Culture*. 2023. № 7. P. 59–74. (In Russ.). DOI: 10.32880/2587-7127-2023-7-7-59-74

14. Goraiko A. V. O znachenii propovedi Tserkvi v zhizni rannevizantiiskogo polisa na primere deiatel'nosti Ioanna Zlatousto [On the significance of the preaching of the Church in the life of the early Byzantine policy on the example of the activities of John Chrysostom] // *Drevnosti. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik* [Antiquities. Kharkiv Historical and Archaeological Yearbook]. 2008. Vol. 7. P. 95–107. (In Russ.).

15. Denisova I. V. V kakoi afinskoii shkole obuchalis' Sv. Grigorii Bogoslov i Sv. Vasilii Velikii? [In what school in Athens did Gregory the Theologian and St. Basil the Great study?] // *Via in Tempore. History and Political Science*. 2021. Vol. 48. № 3. P. 597–613. (In Russ.). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-597-613

16. Denisova I. V. Vokrug sofista Iuliana: ritoricheskie shkoly Afin IV v. [Around the sophist Julian: rhetorical schools in Athens in the fourth century A. D.] // *Via in Tempore. History and Political Science*. 2022. Vol. 49. № 4. P. 767–783. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-767-783 (In Russ.).

17. Dmitriev V. A. K voprosu o meste “nochnogo” srazheniia pod Singaroi [On the question of the place of the “night” battle near Singara] // *Vestnik voennogo universiteta* [Bulletin of the Military University]. 2010. № 3 (23). P. 87–90. (In Russ.).

18. Dmitriev V. A. “Nochnoe srazhenie” pod Singaroi: k voprosu o khronologii voenno-politicheskikh sobytii serediny IV v. n. e. v Verkhnei Mesopotamii [The “night battle” of Singara: on chronology of military political events in upper Mesopotamia in the middle

of the IV century A. D.] // Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. 2012. № 3 (37). P. 77–87. (In Russ.).

19. Mezheritskaya S. I. Dva oratora i dva imperatora [Two orators and two emperors] // Mnemon: Investigations and Publications on the History of the Ancient World. 2019. № 19-1. P. 145–164. (In Russ.).

20. Mezheritskaya S. I. Ritoricheskie obraztsy «Antiokhiiskoi rechi» Libanii Libanii [Rhetorical examples of the “Antioch oration” by Libanius] // XLIX Mezhdunarodnaia nauchnaia filologicheskaja konferentsiia, posviashchennaia pamiati L. A. Verbitskoi (1936–2019): izbrannye doklady. Seriya “St. Petersburg University Studies in Social Science & Humanities”. St. Petersburg: SPbGU, 2022. P. 407–418. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/9785288062353.25

21. Miroljubov I. A. “Brat gospodina nashego Konstantina Avgusta”: o kar’ere Iulii Konstantsii [“The brother of our lord Constantine Augustus”: about the career of Julius Constantius] // Aristeas: Journal of Classical Philology and Ancient History. 2017. Vol. XVI. P. 45–54. (In Russ.).

22. Miroljubov I. A. Libanii o lichnoi zhizni Konstantina Velikogo [Libanius on the private life of Constantine the Great] // Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaja filologija. 2018. № 22-2. P. 869–877. (In Russ.). DOI: 10.30842/ielcp230690152262

23. Miroljubov I. A. Ob obrazovanii synovei Konstantina Velikogo [On the education of the sons of Constantine the Great] // Hypothekai. Journal on the History of Ancient Pedagogical Culture. 2019. № 3. P. 146–160. (In Russ.). DOI: 10.32880/2587-7127-2018-3-3-146-160

24. Pak E. A. Gibel’ Iuliana Otstupnika v otrazhenii iazycheskoi i khristianskoi traditsii [The death of Julian the Apostate in the reflection of pagan and Christian tradition] // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. 2010. № 3. P. 79–84. (In Russ.).

25. Pak E. A. Religioznaia politika Iuliana Otstupnika [The religious policy of Julian the Apostate] // Mnemon: Investigations and Publications on the History of the Ancient World. 2010. № 9. P. 363–386. (In Russ.).

26. Pak E. A. Tragediia Iuliana Otstupnika: stanovlenie lichnosti i formirovanie vzgliadov rimskogo aristokrata v usloviakh dukhovnogo i politicheskogo krizisa v seredine IV v. [The tragedy of Julian the Apostate: the formation of the personality and the formation of the views of a Roman aristocrat in the context of a spiritual and political crisis in the middle of the IVth century] // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. 2009. № 4. P. 125–132. (In Russ.).

27. Pak E. A. Traditsiia o muchenikakh vremen imperatora Iuliana Otstupnika [The tradition of martyrs of the time of Emperor Julian the Apostate] // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. 2012. № 2. P. 122–129. (In Russ.).

28. Poplavskaya L. B. Antichnye literaturnye traditsii v grecheskikh epigrammakh ranekhristianskogo perioda [Ancient literary traditions in Greek epigrams of the Early Christian Period] // Novyi Hermes. Vestnik antichnoi istorii, arkhologii i klassicheskoi filologii [The New Hermes. Bulletin of Ancient History, Archeology and Classical Philology]. 2020. № 12-1. P. 115–129. (In Russ.).

29. Smirnov S. V. Vizual’nyi narrativ i ktisissagen: novye mozaiki ob osnovanii dvukh selevkidskikh gorodov [Visual narrative and ktisissagen: new mosaics about the founding of two Seleucid cities] // Istoriya: online journal. 2023. Vol. 14. № 2 (124). (In Russ.). DOI: 10.18254/S207987840024676-2

30. Smirnov S. V. Legenda ob osnovanii Antiokhii-na-Oronte [The “Foundation legend” of Antioch] // Scripta Antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material’noi kul’tury [Scripta antiqua: Questions of Ancient History, Philology, Art and Material Culture]. 2017. Vol. 6. P. 126–132. (In Russ.).

31. Usacheva A. V. K voprosu o soznatel’nom razdelenii i kompozitsionnom edinstve IV i V rechei Svt. Grigoriia Bogoslova protiv Iuliana [On the issue of the reasonable separation and composition unity of Gregory’s IV–V orations against emperor Julian] // St. Tikhon’s University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies. 2011. № 3 (35). P. 22–29. (In Russ.).

32. Usacheva A. V. O datirovke invektiv svt. Grigoriia Nazianzina protiv Iuliana Ostupnika (Orationes IV–V: contra Julianum Imperatorem) [On the dating of the invective of St. Gregory of Nazianzus against Julian the Apostate (Orationes IV–V: contra Julianum Imperatorem)] // Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2010. № 20-1. P. 226–232. (In Russ.).

33. Fokin D. A. K istoku ekfrasisa: Progymnasmata Libaniiia [To the source of ekphrasis: Libanius’s Progymnasmata] // Luchshaia studencheskaia stat’ia 2017: sbornik statei XI Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa: v 3 chastiakh. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2017. Ch. 3. P. 169–172. (In Russ.).

34. Khlynova I. L. Pis’mo Libaniiia k Ioannu Zlatoustu iz rukopisi Isidora Pelusiot [Letter of Libanius to John Chrysostom from the manuscript of Isidore Pelusiot] // Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook. 2010. № 14-2. P. 402–413. (In Russ.).

35. Shabaga I. Yu. Osobennosti perevoda s drevnikh iazykov (ot podstrochnika k perevodu) [Translating ancient languages: from literal to literary translation] // Lomonosov Translation Studies Journal. 2009. № 2. P. 21–37. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(44).028/029

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.11

Крылова Юлия Петровна

кандидат исторических наук

Институт всеобщей истории РАН

Россия, Москва

julia.p.krylova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3450-594X

**КОРОЛЕВА ПУТЕШЕСТВУЕТ МОЛЧА?
ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КОРОЛЕВСКИХ
ПЕРСОН В КОНЦЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются две имеющие отношение к французскому королевскому двору реляции, описывающие почти одновременные события — два путешествия 1501 и 1502 гг. В 1501 г. к французскому королю Людовику XII и Анне Бретонской прибыла с визитом чета супругов — эрцгерцог Австрийский Филипп Красивый и его жена Хуана Безумная, наследница Кастильского королевства, а в 1502 г. с торжественной процессией двор покинула Анна де Фуа-Кандаль, кузина Анны Бретонской, будущая королева Венгрии. Центральные фигуры обоих путешествий — дамы королевских кровей — оказываются в текстах практически безмолвными на протяжении долгого пути. Окруженные в обоих случаях тысячами людей в бесконечно длинных придворных караванах, являясь эпицентром событий, ради которых все происходило (первая направлялась в Испанию вступить в наследство, вторая — в Венгрию вступить в брак), они тем не менее хранили молчание, как об этом писали оба хрониста. В статье рассматриваются причины, вызвавшие это обстоятельство: идет ли речь об авторской стратегии, гендерной дискриминации, индивидуальных особенностях героинь или придворном этикете? В заключение делается вывод, что в реляциях как в официальном жанре становится важным описание соблюдения придворного церемониала, а их главные героини важны не как личности, а как носительницы королевского статуса.

Ключевые слова: Франция, позднее Средневековье, двор, королева, придворные, путешествие, речь, церемониал.

Для цитирования: Крылова Ю. П. Королева путешествует молча? Особенности описания передвижения королевских персон в конце Средних веков // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 166–179. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.11

Original article

UDC 94(44).028/029

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.11

Krylova Yulia P.

Candidate of Historical Sciences

Institute of World History RAS

Russia, Moscow

julia.p.krylova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3450-594X

**DOES THE QUEEN TRAVEL IN SILENCE?
PECULIARITIES OF ROYAL PERSONAGES' PROGRESS
IN THE LATE MIDDLE AGES**

Abstract: The article analyses two texts relevant to the French royal court. They describe almost simultaneous events that took place in 1501 and 1502. In 1501, King Louis XII and Anne of Brittany received a visit from the Archduke Philip of Austria and his wife Juana the Mad, heiress to the Kingdom of Castile. In 1502, the future Queen of Hungary, Anne de Foix-Candal, a cousin of Anne of Brittany, left the court with a solemn procession. The first lady was heading to Spain to enter into an inheritance, the second one — to Hungary to marry a king. The central figures of both journeys, the ladies of royalty, appear virtually silent during the long journey. Surrounded in both cases by thousands of people in endlessly long caravans, being the epicenter of the events for which everything happened, they are nevertheless silent under the pen of both chroniclers. The article examines the reasons that caused this circumstance: is it authorial strategy, gender discrimination, individual characteristics of the heroines or court etiquette? It is concluded that in travel reports as an official genre, it becomes important to describe the observance of court ceremonial, and their protagonists are important not as individuals but as bearers of royal status.

Keywords: France, late Middle Ages, court, queen, courtiers, travelling, speech, ceremonial.

For citation: Krylova Yu. P. Does the queen travel in silence? Peculiarities of royal personages' progress in the late Middle Ages // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 166–179. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.11

Введение. Передвижения особ королевской крови — тема, с одной стороны, всегда вызывавшая интерес в историографии, с другой — обретшая в последнее время новые формы и новых исследователей. Среди недавних проектов следует назвать работу ассоциации «Двор Франции» под руководством К. цум Колк и Б. Бова по составлению баз данных и изучению итинерариев королевских персон с XIII по XVIII в.¹ В отечественной историографии об интересе к теме свидетельствует проект крупнейшего специалиста

¹ URL: <https://cour-de-france.fr/bases-de-donnees/les-itineraires-de-la-cour/?lang=fr> (дата обращения: 16.02.2024). Результатом их исследований стала монография коллектива авторов: L'itinérance de la cour en France et en Europe (Moyen Âge – XIXe siècle) / Sous la dir. B. Bove, A. Salamagne, C. zum Kolk. Villeneuve d'Ascq, 2021.

по французскому двору Нового времени В. В. Шишкина и его коллег «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI – начала XVII в.», нашедший отражение в ряде публикаций².

Немаловажное место занимает в этих исследованиях проблема дамских перемещений на рубеже Средневековья и раннего Нового времени. В частности, именно им в первую очередь посвящены статьи В. В. Шишкина и А. Ю. Серegiной. Известно, что дамы, принадлежавшие к высшей аристократии, всегда активно передвигались, однако источники повествуют о самих этих поездках не так много. Связывают это с укоренившимся представлением о принадлежности знатной дамы к дому вообще, вне которого могли быть только работающие женщины низших сословий³. В этой связи становится, безусловно, интересным изучить имеющиеся сведения источников о процессе путешествий высокородных дам: какую именно информацию они предоставляют?

Ход и результаты исследования. Позднее Средневековье во Франции было ознаменовано бурными политическими событиями, потребовавшими активного движения всех слоев общества. Если в мирное время знать, включая дам, переезжала от одного своего замка к другому, отправлялась в благочестивые поездки, а в случае придворной службы передвигалась всем двором вслед за королем, то в обстоятельствах Столетней войны многие из высокопоставленных дам были вынуждены предпринимать многочисленные разъезды по делам мужа, сына или семьи (среди прочего ведя переговоры и вызволяя из плена); ездили они с дипломатическими миссиями; нередко и руководили войсками (даже флотом), красноречивым примером чему служат, фигуры Изабеллы Лотарингской или Анны Французской.

Ценнейшими источниками искомой информации представляются реляции, описывающие подробности путешествия того или иного знатного лица в виде своеобразных хроник. Ниже мы рассмотрим два текста, которые многое объединяет. Во-первых, их смысловым центром были путешествующие дамы королевских кровей; во-вторых, описываемые события в обоих случаях связаны

² *Шишкин В. В.* Королевские итинерарии во французских источниках и исследованиях // Диалог со временем 79. М., 2022. С. 183–194; *Его же.* Сравнительные итинерарии Карла IX Валуа и Екатерины Медичи в 1561–1574 гг. // Средние века. Вып. 83 (2). М., 2022. С. 108–126; *Его же.* Итинерарии Маргариты де Валуа (по письмам из Российской национальной библиотеки) // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 1. С. 87–101; *Его же.* Маргарита де Валуа путешествует. Организация поездки королевы Наваррской во Фландрию в 1577 г. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2023. № 31. С. 168–185; *Серегина А. Ю.* Придворные дамы Елизаветы I Английской и путешествия королевского двора // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2023. Вып. 31. С. 186–251. На российском материале см.: *Ерусалимский К. Ю.* Итинерарий Ивана Грозного: комплексное источниковедческое исследование // История: электронный научно-образовательный журнал. 2023. Т. 14. Вып. 3 (125). URL: <https://history.jes.su/s207987840024757-1-1/>. (дата обращения: 16.02.2024); *Его же.* Путешествия цариц, царевичей и царевен в России XV–XVI вв. (по материалам Лицевого летописного свода) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2023. Вып. 31. С. 44–109.

³ *Серегина А. Ю.* Указ. соч. С. 188.

с французским королевским двором и происходили практически одновременно — в первые годы XVI в.; в-третьих, описания передвижения дам некоторым образом схожи, о чем пойдет речь далее.

Прежде чем перейти к анализу текстов необходимо остановиться на терминологии. Французское слово *voyage*, которое переводится как «путешествие» или «поездка» не всегда соответствует нашему современному пониманию этого слова. Поездку по работе или каким-то делам (например, в другой город на свадьбу или похороны) мы вряд ли назовем путешествием. Перемещение особ королевского ранга тоже сложно соотнести со смыслом, вкладываемым в это слово: поездка в свое удовольствие, ради отдыха или с познавательными целями. Высочайший статус предполагал постоянное следование церемониалу, заключавшемуся в соответствующих установленных действиях, не предполагавших личное свободное время и занятия.

Первый текст, о котором пойдет речь, повествует о длительном путешествии эрцгерцога Австрийского и герцога Бургундского Филиппа Красивого с женой Хуаной Безумной, дочерью католических монархов — Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. В 1501 г. они направились в Испанию, где Хуане предстояло стать наследницей Кастилии после смерти всех предыдущих претендентов (брата, сестры и племянника). Изначально планировавшееся морское путешествие было отменено в пользу сухопутного после беспрецедентного приглашения короля Людовика XII проехать своим политическим оппонентам через территорию Франции.

Это событие вызвало множество откликов у хронистов, очевидцев событий, в письмах и дневниковых записях⁴. Интересующий нас текст — это ежедневные заметки неизвестного лица, находившегося в непосредственной близости от супружеской четы, и в первую очередь от герцогини Хуаны Безумной⁵. Исследователи полагают, что автором хроники была придворная дама из ее ближайшего окружения, поскольку пишущий осведомлен о том, что происходило в дамских покоях (вплоть до туалетной комнаты)⁶. Автор подробно описывает пункты, через которые следовала процессия, где останавливалась на ночлег и трапезы, кто и как встречал гостей в той или иной точке, что дарили, как украшали города; живые картины, показанные по дороге; называет множество имен;

⁴ Об источниках визита и различиях в оценке событий см.: *Girault P.-G. Jean Molinet chroniqueur et la visite de Philippe le Beau au château de Blois en décembre 1501 // Jean Molinet et son temps / Sous la dir. de J. Devaux, E. Doudet et É. Lecuppre-Desjardin. Turnhout, 2013. P. 191–203.*

⁵ Текст получил в историографии название «Реляция Дюпной – Годфруа», поскольку известен лишь по рукописям и изданиям эрудитов XVII – нач. XVIII вв. См. современное издание: *Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010.*

⁶ *Voyage en France et réception à Blois de Philippe le Beau et de Jeanne de Castille (Ms. Dupuy 325) // Chatenet M., Girault P.-G. Op. cit. P. 95–98.* По этой причине им не мог быть мужчина. Принадлежность автора-дамы к бургундскому двору издатели определяют по тому, как она именует главных действующих лиц. Французского короля и королеву она называет *roü* и *roüne* (что было бы невозможно, будь она дамой королевского двора), а *Monsieur* и *Madame* — только бургундских супругов.

описывает действия персон, официальные разговоры, одежду, множество заинтересовавших ее фактов. Центром повествования является, конечно, встреча гостей с королем и королевой в замке Блуа, расписанная почти пошагово. На четвертый день пребывания четы бургундцев в замке рассказ обрывается.

По особому распоряжению короля супругов с процессией должны были встречать по-королевски, оказывая им честь по протоколу, как ему самому. На протяжении пути это периодически вызывало вопросы у городских властей: например, кричать или не кричать «Да здравствует король!» и какую по составу титулатуру использовать в данном случае⁷. Придворная процессия герцога Филиппа и герцогини Хуаны состояла из тысячи людей, сотни повозок багажа; одних только лошадей автор реляции насчитывал около 1200⁸. В значимых пунктах их приветствовали сотни официально встречающих лиц, не считая горожан, высыпавших смотреть на грандиозный кортеж и живые картины. На подъезде к замку Блуа им навстречу выехали 500–600 человек из знати, как светских, так и духовных лиц⁹. Собственная ближайшая свита Хуаны, сопровождавшая ее, насчитывала, по утверждению еще одного очевидца, бургундского придворного и хрониста Антуана де Лалэна, до 40 человек только дам, не считая испанской части ее двора, приехавшей с ней с родины¹⁰. Анонимный автор постоянно отмечает давку, тесноту, толпу. В населенных пунктах всему придворному каравану не хватает места для ночлега, на улицах невозможно проехать из-за скопления лошадей. В самом замке такая масса людей, что пройти можно только по узкому коридорчику, освобожденному для прохода, контролируемому с обеих сторон двумя рядами охраны из нескольких сотен лучников¹¹.

Обращает на себя внимание то, что во всем этом гуле голосов тысяч людей, приветственных речах городских властей, университетов, придворных, короля и высокородных дам мы не слышим, казалось бы, главного — голоса самой герцогини Хуаны, наследницы Кастилии, центральной фигуры, ради которой предпринималось далекое путешествие. Придворный кортеж движется медленно, они едут долго, останавливаясь на трапезу и ночлег в среднем каждые пять-семь лье, т. е. примерно 20–30 км. В городах или монастырях они остаются зачастую на несколько дней. Однако, что думает обо всем происходящем вокруг нее наследница Кастильского королевства, мы не можем узнать.

Могут быть разные гипотезы для объяснения этого факта. На первый взгляд, можно подумать, что все дело в традиционной для подобных текстов авторской стратегии и правилах соответствующего жанра. Действительно,

⁷ Voyage en France et réception à Blois. P. 106–107.

⁸ Ibid. P. 105.

⁹ Ibid. P. 125.

¹⁰ Voyage de Philippe le Beau en Espagne en 1501 par Antoine de Lalaing, Sr de Montigny // Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. / Publ. par L.-P. Gachard. Bruxelles, 1876. T. 1. P. 128.

¹¹ Voyage en France et réception à Blois. P. 126; Reise des Erzherzogs Philipp nach Spanien, 1501 // Die Handschriften der k. k. Hofbibliothek in Wien im Interesse der Geschichte, besonders der österreichischen / Hrsg.: J. Chmel. Band II. Wien, 1841. S. 566.

подобные документы — реляции, описания путешествий или приемов — вполне могли обходиться и без цитирования чьих-либо речей. Такой стиль избирает, к примеру, составитель так называемой «Венской реляции», еще один неизвестный автор, описавший те же события¹². В каких-то фактах он противоречит нашему документу, но по отдельным эпизодам мы понимаем, что он все-таки был очевидцем происходивших событий, вероятно, не на всем протяжении пути или же не всегда находился рядом с герцогской парой. Вполне очевидно, что, если автор не упоминает чью-либо речь, это не значит, что он сам не был свидетелем происходящего (хотя обратное тоже верно). Однако это не случай анонимной дамы, составившей анализируемый нами текст. Она активно использует и косвенную, и прямую речь в описаниях событий и разговоров. Но все же Хуана Безумная под ее пером молчит практически все путешествие и упоминается лишь пары упоминаний уже в замке на встрече с королем, королевой и придворными.

Если молчание будущей королевы не является продуманной авторской стратегией, то неизбежно возникает вопрос: не связан ли данный факт с гендерной дискриминацией, имевшей место в тексте? Возможно ли, что цитирования упоминаются лишь мужчины, а женщины молчат? Между тем, выясняется, что и это не так. Никакого очевидного неравенства среди придворных особ мы не наблюдаем. Дамы говорят даже больше мужчин, хотя это, скорее всего, можно отнести на счет гендерной специфики как женского пола вообще, так и собственно составительницы текста, пребывающей больше в дамском окружении. Неизвестная дама дважды цитирует, прибегая к прямой речи, слова Марии де Люксембург, графини де Вандом, отвечавшей за встречу герцогини Хуаны и женской части гостей. Она была приставлена к ней на время пребывания той на территории Франции, чтобы «сопровождать, служить и подчиняться», как самой королеве¹³. Мы слышим в передаче нашего автора ее официальную приветственную речь от имени французской королевы Анны Бретонской при встрече, которую она обращает к Хуане. Говорит она в том числе и от лица мужчин, назначенных служить госте, которые присутствуют там же¹⁴. Второй раз она представляет епископа Мо, заготовившего свою приветственную речь, и это краткое обращение к герцогине автор тоже предпочитает передать прямой речью¹⁵. Таким же образом цитирует составительница реляции и слова еще одной французской принцессы — Анны Французской, герцогини де Бурбон, — когда происходит общение с гостями при дворе уже в королевском замке Блуа¹⁶.

Иной возможной гипотезой представляется предположение об индивидуальных особенностях испанской принцессы. Известно, что наша героиня

¹² *Reise des Erzherzogs Philipp nach Spanien.*

¹³ *Voyage en France et réception à Blois.* P. 108.

¹⁴ Это месье де Брэн (Роберт II де Саарбрюкен, граф де Брэн и де Руси), месье Мо (Жан де Пьерпон, епископ Мо), месье де Муи (барон Жак де Муи) и месье де Жанлис (Жак де Анжест). *Voyage en France et réception à Blois.* P. 107–108.

¹⁵ *Ibid.* P. 109.

¹⁶ *Ibid.* P. 129.

впоследствии получила прозвание Безумная. Сведения о ее ментальном состоянии не были тайной для семьи и двора. Ее мать, королева Изабелла Кастильская, видя поведение своей наследницы, узаконила в завещании передачу управления королевством своему мужу, королю Фердинанду, в случае если их дочь Хуана не сможет исполнять своих обязанностей¹⁷. Возможно ли, что ее упорное молчание под пером хронистки было связано с психическим нездоровьем? Однако на нестабильное периодически состояние психики герцогини Хуаны автор не намекает ни разу (тем более не говорят об этом составители прочих, более официальных, реляций, хроник и писем, описывавших эти события). Таким образом, речи о неадекватном поведении принцессы, способствовавшем появлению у нее прозвища Безумная, скорее всего, не шло. Мы не знаем, как она себя вела во время путешествия. Все авторы обходят молчанием этот факт, что, впрочем, может свидетельствовать об отсутствии каких-либо инцидентов, заслуживавших внимания¹⁸.

В этой связи не может не возникнуть вопрос: а знала ли принцесса-испанка французский язык или с трудом на нем изъяснялась? Исследователи склоняются к тому, что, видимо, Хуана знала французский и латынь¹⁹. Она была замужем за герцогом Бургундским уже шестой год, родила ему троих детей. Впрочем, известно, что Филипп Красивый хорошо говорил и писал по-латыни, на которой они могли общаться²⁰. Ее окружали не только дамы, приехавшие с ней из Испании, но, разумеется, и бургундские, с которыми ей приходилось контактировать. В тексте реляции анонимная дама пару раз упоминает о неких недолгих разговорах уже при дворе в замке Блуа Хуаны и Анны Французской²¹. Она не раскрывает сюжетов бесед, и мы не знаем, слышала ли она самих дам или только видела их издалека. Не знаем мы также, говорили ли они на французском, латыни или Хуане переводил кто-то из испанских дам.

Есть ли у нас свидетельства, что на всем протяжении пути Хуана Кастильская вообще произносила какие-либо слова? По редким упоминаниям создается ощущение, что Хуана могла выражать то или иное намерение жестами. Первое упоминание о ее возможной реплике мы находим в эпизоде о встрече на границе Франции с графиней де Вандом. Приветствовавшая гостью графиня предложила, как положено по придворному этикету, нести ее шлейф,

¹⁷ *Cauchies J.-M.* Philippe le Beau. Le dernier duc de Bourgogne. Turnhout, 2003. P. 161. Проблема психического здоровья королевы Хуаны и политическим вопросам времени ее правления посвящена большая литература. См., например: *Cauchies J.-M.* Jeanne d'Aragon-Castille († 1555), ou la quête d'un pouvoir introuvable // *Femmes de pouvoir, femmes politiques durant les derniers siècles du Moyen Age et au cours de la première Renaissance / Sous la dir. E. Bousmar, J. Dumont, A. Marchandise, B. Schnerb.* Bruxelles, 2012 (см. там же библиографию).

¹⁸ Хотя по источникам известно, что отец герцога Филиппа Красивого, вскорости ставший императором, Максимилиан Габсбург поначалу советовал сыну путешествовать по отдельности с супругой. *Chatenet M., Girault P.-G.* Op. cit. P. 43, сн. 46; *Cauchies J.-M.* Philippe le Beau. P. 235.

¹⁹ *Cauchies J.-M.* Philippe le Beau. P. 231.

²⁰ *Ibid.* P. 237.

²¹ *Voyage en France et réception à Blois.* P. 128–129 и 133.

но та не позволила²². В этом взаимном придворном реверансе, когда одна дама предлагает услугу, а вторая не хочет ее затруднять, сложно понять, сказала ли Хуана что-то или просто знаком дала понять, что шлейф понесет сама (или кто-то из ее приближенных). Вскоре после этого графиня де Вандом произносит торжественную приветственную речь от имени французской королевы, на что составительница реляции сообщает, что Хуана в ответ поблагодарила королеву за оказанную честь²³. Любопытно, что записавшая подробно длинную прямую речь графини дама из бургундской свиты герцогини оставляет практически без внимания речь своей хозяйки. Не исключено, что слов могло не быть, а благодарность заключалась лишь в поклоне. Ответ мог за нее произнести кто-то другой, как мы увидим далее. Но, согласно церемониалу, ответ *должен был быть произнесен*, поэтому он появляется в тексте.

На следующую реплику графини, представлявшую епископа Мо, желавшего произнести приветствие перед гостями, записанное опять-таки прямой речью, за Хуану отвечает испанский епископ, причем на латыни, поскольку, по всей видимости, не знает французского. Через несколько дней в Компьене автор сообщает, что герцогиня просила графиню де Вандом сопровождать ее в церковь на вечернюю службу²⁴. Со всей очевидностью можно утверждать, что это не могла быть личная просьба частного лица. Желание наследницы соседнего королевства было выражено, скорее всего, через уполномоченных лиц ее свиты. В Орлеане Хуану снова приветствовали, на сей раз послы с письмами от королевы того же содержания. Анонимная составительница реляции сообщает, что эрцгерцогиня поблагодарила их и написала королеве в ответ²⁵. Как было сказано выше, выражалась ли благодарность в словах, установить мы не можем. Диктовать же официальный ответ королеве она, разумеется, тоже сама не могла, поскольку все приветственные речи за нее произносили сопровождавшие ее духовные лица.

Слышим тихий голос Хуаны Безумной мы, похоже, только в кульминационный момент путешествия по Франции — во время встречи бургундской четы с королем в замке Блуа. Согласно придворному протоколу король Людовик XII должен был поцеловать гостью, однако французская сторона заранее была осведомлена, что подобная традиция отсутствует в Испании, откуда родом герцогиня, а также о ее своеобразном поведении временами. Далее мы узнаем, что при входе в зал ей громким голосом был задан вопрос, поцелует ли она короля. Она спрашивает разрешения у епископа Кордовы, находившегося рядом с ней, который позволяет ей это, и она отвечает вопрошавшему: «Да»²⁶.

²² Voyage en France et réception à Blois. P. 107.

²³ Ibid. P. 108.

²⁴ Ibid. P. 114.

²⁵ Voyage en France et réception à Blois. P. 123.

²⁶ Ibid. P. 127. См. подробнее об этом эпизоде: Крылова Ю. П. Целоваться нельзя отказаться? Прием эрцгерцога и эрцгерцогини Австрийских в Блуа (1501) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2019. Вып. 27. С. 26–47.

Все эти подробности нам известны благодаря тому, что составительница текста, судя по всему, большую часть времени находилась в непосредственной близости от герцогини, а потому мы не можем оправдать упорную молчаливость нашей героини тем, что свидетельница событий находилась далеко и просто не слышала ее разговоров с окружающими. В то же время не исключено, что те несколько упоминаний о ее так называемых разговорах могли оказаться мнимыми свидетельствами, когда автора по какой-то причине не было поблизости. Однако она знала, что госте было положено по этикету какое-то время посвятить общению с дамами на высшем уровне, поэтому она упоминает некие беседы, не останавливаясь на их тематике. Этим приемом активно пользовались хронисты и авторы других реляций, сообщая о чем-то, чего они не видели сами, но что должно было происходить согласно традиции или придворному церемониалу.

В попытке понять, с чем мы все-таки имеем дело — со спецификой жанра или индивидуальными особенностями характера принцессы, — необходимо сравнить этот текст и его сведения с подобными реляциями. Сохранился созданный в то же время похожий текст, в котором описано путешествие еще одной королевской особы, ехавшей короноваться.

Буквально через полгода после описываемых событий, летом 1502 г., королевский двор в Блуа покинула Анна де Фуа-Кандаль, кузина королевы Анны Бретонской, принцесса королевской крови, которой тоже в ближайшем времени было уготовано стать королевой. Она направлялась в Венгрию, где ей предстояло вступить в брак с королем Венгрии и Чехии Владиславом II²⁷. Юная Анна упоминается и у предыдущего автора среди дам, встречавших Хуану Безумную у входа в замок Блуа²⁸.

На этот раз составитель реляции нам известен: это гербовый король²⁹ «Бретань» по имени Пьер Шок³⁰, которому королева Анна Бретонская поручила написать реляцию об этом путешествии. Он должен был доложить, как на всем протяжении пути и при встрече Анны де Фуа ей оказывалась честь со всеми положенными атрибутами, поскольку королева, как пишет ее приближенный,

²⁷ Об обстоятельствах заключения франко-венгерского брака см.: *Györkös A. Le mariage d'Anne de Foix et la diplomatie franco-hongroise au début du XVIe siècle // «M'en anei en Ongria». Relations franco-hongroises au Moyen Âge / Sous la dir. A. Györkös et G. Kiss. Vol. II. Debrecen, 2017. P. 127–140, а также: *Eszlary Ch. d'. Le mariage de Wladislas II Jagellon et d'Anne de Foix (1502) d'après les documents des archives de la Loire – Atlantique // Mémoires de la Société d'histoire et d'archéologie de Bretagne. T. 45. Rennes, 1965. P. 5–39.**

²⁸ *Voyage en France et réception à Blois. P. 127.* Есть упоминание об Анне де Фуа (mademoiselle de Candalle) и у Антуана де Лалэна, описавшего путешествие бургундской четы по Франции. *Voyage de Philippe le Beau en Espagne en 1501. P. 139.*

²⁹ Глава геральдической службы.

³⁰ О малоизученной до сих пор должности придворных герольдов см.: *Paravicini W. Le héraut d'armes: ce que nous savons et ce que nous ne savons pas // Revue du Nord. 2006. № 3–4. P. 465–490.* О Пьере Шоке см. подробнее: *Jones M. Malo et Bretagne, rois d'armes de Bretagne // Revue du Nord. 2006. № 3–4. P. 610–615.*

«любит проводить время (после молитвы Богу), слушая о благородных делах, касающихся аристократии»³¹. Интересно, что в его обязанности входило не только описать, но и зарисовать происходящее, что он, видимо, силился сделать, оставляя место в рукописи, но хватило его только на зарисовку некоторых гербов³².

Следуя указаниям, он начинает рассказ с момента, когда Анна покидает территорию Франции, поскольку, какие ей будут оказываться почести во французских землях, «очень долго рассказывать»³³, а его высокородная читательница, разумеется, о них и так знала. Повествование состоит из двух частей: путешествие придворного кортежа до Венеции и пребывание там, и вторая часть — путешествие от Венеции до Буды. Свой рассказ он строит практически идентично для каждого пункта на протяжении пути. Сначала герольд повествует о географии населенного пункта и местных особенностях, затем о процессии, украшении города, встречающих, их одежде, особенностях приема гостей, театрализованных сценах, банкетах. Обязательного обозначения заслуживали символы и знаки, посредством которых оказывалась честь гостям: расположение королевских гербов и обязательное присутствие гербов Анны Бретонской как самостоятельной правящей герцогини, сень над будущей королевой во время процессии и т. п.

Первую часть реляции Пьер Шок составляет в Венеции, т. е. до свадьбы и коронации, а вторую — уже после всех произошедших событий. Однако об Анне де Фуа он сразу пишет как о королеве. И встречают ее в городах тоже по-королевски, согласно соответствующему церемониалу: везде обозначив ее гербы наряду с гербами ее будущего мужа и французской королевской четы.

В связи с изучаемым нами вопросом важно то, что герольд как официальное лицо находился совсем рядом с Анной де Фуа, т. е. он должен был слышать все, что она говорит³⁴. Однако в его рассказе она, так же как и Хуана Кастильская, молчит практически всю дорогу. На приветственную речь епископа Дьёра (L'evesque de Javarin en Hongrie) от имени короля и встречающих за нее отвечает епископ Лоди Клод де Сейссель (Messire Claude d'Est, evesque de Laude)³⁵. Он же произносит от ее имени торжественную речь на латыни перед дожем

³¹ *Leroux de Lincy A. J. V. Discours des cérémonies du mariage d'Anne de Foix avec Ladislas VI, roi de Bohême, précédé du Discours du voyage de cette reine dans la seigneurie de Venise, en 1502 // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1861. Vol. 22. P. 166.*

³² *Leroux de Lincy A. J. V. Op. cit. P. 185. См. рукопись: La Réception faite à la reine de Hongrie dans ses États, en 1502; par Bretagne // Bibliothèque Nationale de France. Ms. fr. 90. Ff. 5, 6, 7. Авторство рукописи дискутируется в литературе, однако, если этот манускрипт является копией, он должен был быть переписан с какого-то протографа. О рукописях см.: Györkös A. Pierre Choque Magyarországrol szóló francia útleírásának (1502) kéziratai és képi ábrázolásai // Arcana tabularii. Tanulmányok Solymosi László tiszteletére. I. kötet / Szerkesztette A. Bárány et al. Budapest; Debrecen, 2014. O. 543–550.*

³³ *Leroux de Lincy A. J. V. Op. cit. P. 166.*

³⁴ Несколько раз он себя упоминает как «я, Бретань». *Leroux de Lincy A. J. V. Op. cit. P. 167, 185, 428, 429, 431, 433.*

³⁵ *Ibid. P. 176.*

в зале совета дворца Сан-Марко (дворца дожей), куда ее привели в рамках празднования приезда французской делегации в Венецию³⁶. В торжественном зачитывании писем от французского короля и королевы Анна де Фуа, разумеется, тоже не принимала участия³⁷. По прибытии в Секешфехервар на встречу с женихом — королем Венгрии — на его приветственную речь, произнесенную за него кардиналом Эстергома, за невесту отвечал епископ Дьёра³⁸.

В тексте встречается лишь две косвенные отсылки, по которым можно судить хоть о каких-то репликах, произнесенных Анной де Фуа в ходе путешествия. В городе Брешиа после торжественного ужина, музыки и танцев высокородная дама, как пишет герольд, «пожелала узнать о деяниях, достойных памяти в этом городе»³⁹. Второй раз, когда можно было бы предположить, что она открыла рот, упоминается герольдом во время процессии по городу уже после встречи с королем. Анна не пожелала, как пишет Пьер Шок, чтобы в присутствии короля балдахин несли над ней, что было оценено окружающими как великая мудрость и смирение⁴⁰. Между тем эту ситуацию можно сравнить с эпизодом, когда герцогиня Хуана не позволила нести свой шлейф графине де Вандом. Мы не можем знать, произнесли ли дамы хоть слово в обоих случаях. И положение их было схоже — иностранки в иноязычной стране, — хотя при них и присутствовали постоянно приближенные, говорившие на родном языке.

Реляция гербового короля отличается от текста неизвестной дамы тем, что Пьер Шок не использует прямую речь в своем рассказе. У него в целом не так много упоминаний о разговорах. Можно сказать, что он больше придерживался традиционных норм описательного жанра реляции. Составительница же первого текста — анонимная придворная дама — спокойно выходит за его рамки, возможно, даже не зная о его особенностях.

Заключение. Сравнение двух текстов и представленных в них событий показало, что основной их пафос был подчинен в первую очередь описанию церемониала, подчеркивавшего идею *honneurs*, демонстрации оказания чести, соответствующей рангу королевской персоны. Действия главных героинь описываются в рамках принятого поведения публичных персон. Обе путешествующие дамы, в ближайшем будущем королевы, — смысловой центр происходящего, но их речь как частных лиц — разговоры с приближенными, слугами, встречающими — не важна в принципе. Реляции обычно носили официальный или полуофициальный характер, поэтому приватная речь, не связанная с разворачивающимися и описываемыми публичными действиями, не могла попасть на их страницы. Разумеется, дамам нужно было как-то общаться месяцы пути со своим окружением. Но если о Хуане мы знаем лишь

³⁶ *Leroux de Lincy A. J. V.* Op. cit. P. 180.

³⁷ *Ibid.* P. 184–185.

³⁸ *Ibid.* P. 429.

³⁹ *Ibid.* P. 170.

⁴⁰ *Ibid.* P. 430.

то, что она предпочитала большую часть времени проводить в своих покоях, а значит, минимально общаться в публичном пространстве, то Анну де Фуа, пусть и в рамках официальной реляции, но все признавали, по сообщению герольда, не только «красивой и прекрасных манер», но и «благоразумной» (sage)⁴¹, что не могло не свидетельствовать о ее коммуникативных качествах. Однако хронистам эти дамы были важны не как личности, а как носительницы королевского статуса. Их речь не оказывается ими зафиксированной, поскольку всем было заранее известно, что они должны говорить согласно придворному церемониалу.

Литература

1. Ерусалимский К. Ю. Путешествия цариц, царевичей и царевен в России XV–XVI вв. (по материалам Лицевого летописного свода) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2023. Вып. 31. С. 44–109.
2. Крылова Ю. П. Целоваться нельзя отказаться? Прием эрцгерцога и эрцгерцогини Австрийских в Блуа (1501) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 27. 2019. С. 26–47.
3. Серегина А. Ю. Придворные дамы Елизаветы I Английской и путешествия королевского двора // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2023. Вып. 31. С. 186–251.
4. Шишкин В. В. Итинерарии Маргариты де Валуа (по письмам из Российской национальной библиотеки) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 1. С. 87–101. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.006
5. Шишкин В. В. Королевские итинерарии во французских источниках и исследованиях // Диалог со временем 79. М.: Аквилон, 2022. С. 183–194.
6. Шишкин В. В. Маргарита де Валуа путешествует. Организация поездки королевы Наваррской во Фландрию в 1577 г. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 31. 2023. С. 168–185. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-168-185
7. Шишкин В. В. Сравнительные итинерарии Карла IX Валуа и Екатерины Медичи в 1561–1574 гг. // Средние века. 2022. Вып. 83 (2). С. 108–126.
8. Cauchies J.-M. Jeanne d’Aragon-Castille († 1555), ou la quête d’un pouvoir introuvable // Femmes de pouvoir, femmes politiques durant les derniers siècles du Moyen Age et au cours de la première Renaissance / Sous la dir. E. Bousmar, J. Dumont, A. Marchandisse, B. Schnerb. Bruxelles, 2012. P. 67–81.
9. Cauchies J.-M. Philippe le Beau. Le dernier duc de Bourgogne. Turnhout: Brepols, 2003. 292 p.
10. Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d’un voyage princier à Blois en 1501. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. 176 p.
11. Eszлары Ch. d’. Le mariage de Wladislas II Jagellon et d’Anne de Foix (1502) d’après les documents des archives de la Loire – Atlantique // Mémoires de la Société d’histoire et d’archéologie de Bretagne. T. 45. Rennes, 1965. P. 5–39.
12. Girault P.-G. Jean Molinet chroniqueur et la visite de Philippe le Beau au château de Blois en décembre 1501 // Jean Molinet et son temps / Sous la dir. de J. Devaux, E. Doudet et É. Lecuppre-Desjardin. Turnhout, 2013. P. 191–203.

⁴¹ Leroux de Lincy A. J. V. Op. cit. P. 177.

13. Györkös A. Le mariage d'Anne de Foix et la diplomatie franco-hongroise au début du XVIe siècle // «M'en anei en Ongria». Relations franco-hongroises au Moyen Âge / Sous la dir. A. Györkös et G. Kiss. Vol. II. Debrecen, 2017. P. 127–140.
14. Györkös A. Pierre Choque Magyarországról szóló francia útleírásának (1502) kéziratai és képi ábrázolásai // Arcana tabularii. Tanulmányok Solymosi László tiszteletére. I. kötet / Szerkesztette A. Bárány et al. Budapest; Debrecen, 2014. O. 543–550.
15. Jones M. Malo et Bretagne, rois d'armes de Bretagne // Revue du Nord. 2006. № 3-4. P. 610–615.
16. L'itinérance de la cour en France et en Europe (Moyen Âge – XIXe siècle) / Sous la dir. B. Bove, A. Salamagne, C. zum Kolk. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2021. 414 p.
17. Paravicini W. Le héraut d'armes: ce que nous savons et ce que nous ne savons pas // Revue du Nord. 2006. № 3–4. P. 465–490.

References

1. Erusalimskiy K. Iu. Puteshestviia tsarits, tsarevichei i tsareven v Rossii XV–XVI vv. (po materialam Litsevoego letopisnogo svoda) [Travelling Tsarina, Tsarevich and Tsarevna in Muscovite State, XVth – XVIth c. (miniatures of the Great Illustrated Chronicle)] // Adam & Eve. Gender History Review. 2023. Iss. 31. P. 44–109. (In Russ.).
2. Krylova Ju. P. Tselovat'sia nel'zia otkazat'sia? Priem ertsgerstoga i ertsgerstogini Avstriiskikh v Blua (1501) [To kiss or not to kiss? The reception of the Archduke and the Archduchess of Austria at Blois (1501)] // Adam & Eve. Gender History Review. 2019. Iss. 27. P. 26–47. (In Russ.).
3. Seregina A. Yu. Pridvornye damy Elizavety I Angliiskoi i puteshestviia korolevskogo dvora [Ladies-in-waiting of Queen Elizabeth I of England and summer progresses of the royal court] // Adam & Eve. Gender History Review. 2023. Iss. 31. P. 186–251. (In Russ.).
4. Shishkin V. V. Itinerarii Margarity de Valua (po pis'mam iz Rossiiskoi natsional'noi biblioteki) [Itineraries of Marguerite de Valois (by letters from the Russian National Library)] // Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts 2022. Vol. 24. № 1. P. 87–101. (In Russ.). DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.006
5. Shishkin V. V. Korolevskie itinerarii vo frantsuzskikh istochnikakh i issledovaniakh [Royal itineraries in French sources and studies] // Dialog so vremenem 79. M.: Akvilon, 2022. P. 183–194. (In Russ.).
6. Shishkin V. V. Margarita de Valua puteshestvuet. Organizatsiia poezdki korolevy Navarrskoi vo Flandriiu v 1577 g. [Marguerite de Valois on the move. Organization of the trip of the Queen of Navarre to Flanders in 1577] // Adam & Eve. Gender History Review. Iss. 31. 2023. P. 168–185. (In Russ.). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-168-185
7. Shishkin V. V. Sravnitel'nye itinerarii Karla IX Valua i Ekateriny Medichi v 1561–1574 gg. [Comparative itineraries of Charles IX Valois and Catherine de Medici in 1561–1574] // Srednie veka. 2022. Iss. 83 (2). P. 108–126. (In Russ.).
8. Cauchies J.-M. Jeanne d'Aragon-Castille († 1555), ou la quête d'un pouvoir introuvable // Femmes de pouvoir, femmes politiques durant les derniers siècles du Moyen Age et au cours de la première Renaissance / Sous la dir. E. Bousmar, J. Dumont, A. Marchandise, B. Schnerb. Bruxelles, 2012. P. 67–81.
9. Cauchies J.-M. Philippe le Beau. Le dernier duc de Bourgogne. Turnhout: Brepols, 2003. 292 p.

10. Chatenet M., Girault P.-G. *Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. 176 p.
11. Eszlary Ch. d'. *Le mariage de Wladislas II Jagellon et d'Anne de Foix (1502) d'après les documents des archives de la Loire – Atlantique // Mémoires de la Société d'histoire et d'archéologie de Bretagne*. T. 45. Rennes, 1965. P. 5–39.
12. Girault P.-G. *Jean Molinet chroniqueur et la visite de Philippe le Beau au château de Blois en décembre 1501 // Jean Molinet et son temps / Sous la dir. de J. Devaux, E. Doudet et É. Lecuppre-Desjardin*. Turnhout, 2013. P. 191–203.
13. Györkös A. *Le mariage d'Anne de Foix et la diplomatie franco-hongroise au début du XVIe siècle // «M'en anei en Ongria». Relations franco-hongroises au Moyen Âge / Sous la dir. A. Györkös et G. Kiss*. Vol. II. Debrecen, 2017. P. 127–140.
14. Györkös A. *Pierre Choque Magyarországról szóló francia útleírásának (1502) kéziratai és képi ábrázolásai // Arcana tabularii. Tanulmányok Solymosi László tiszteletére*. I. kötet / Szerkesztette A. Bárány et al. Budapest; Debrecen, 2014. O. 543–550.
15. Jones M. *Malo et Bretagne, rois d'armes de Bretagne // Revue du Nord*. 2006. № 3-4. P. 610–615.
16. *L'itinérance de la cour en France et en Europe (Moyen Âge – XIXe siècle) / Sous la dir. B. Bove, A. Salamagne, C. zum Kolk*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2021. 414 p.
17. Paravicini W. *Le héraut d'armes: ce que nous savons et ce que nous ne savons pas // Revue du Nord*. 2006. № 3–4. P. 465–490.

Рецензия

УДК 94(470).«1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.12

Сорокин Александр Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

skaliger1989@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1710-0801

Селезнев Федор Александрович

доктор исторических наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

fseleznev@mail.ru; ORCID 0000-0002-0934-3312

АВТОРИТЕТНОЕ ПРОДОЛЖАЮЩЕЕСЯ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

**(Рец.: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды:
сборник научных статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред.
и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес.
СПб.: Астерион, 2022. 224 с.)**

Аннотация. В рецензии дается характеристика сборника научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». Показывается актуальность дальнейшего теоретического изучения революционных событий 1917 г. Рассматриваются основные подходы и точки зрения, а также ключевые события и явления, предлагаемые к изучению ведущими исследователями по данной проблеме.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, В. И. Старцев, Петроград, история России.

Для цитирования: Сорокин А. А., Селезнев Ф. А. Авторитетное продолжающееся издание, посвященное изучению проблем революции 1917 г. (Рец.: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сборник научных статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. 224 с.) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 180–189. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.12

Review

UDC 94(470).«1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.12

Sorokin Alexander A.

Candidate of Historical Sciences

Lobachevsky University

Nizhny Novgorod, Russia

skaliger1989@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1710-0801

Seleznev Fedor A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Lobachevsky University

Nizhny Novgorod, Russia

fseleznev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0934-3312

AN AUTHORITATIVE ONGOING PUBLICATION DEVOTED TO THE STUDY OF THE PROBLEMS OF THE 1917 REVOLUTION

**(Review: The 1917 Revolution in Russia: new approaches and views:
A collection of scientific articles / ed. col.: A. B. Nikolaev (ed. and rel. comp.),
D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Lyandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. 224 p.)**

Abstract. The review describes the collection of scientific articles «The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views». The relevance of further theoretical study of the revolutionary events of 1917 is shown. The main approaches and points of view are considered, as well as key events and phenomena proposed for study by leading researchers on this issue.

Keywords: February Revolution, October Revolution, V. I. Startsev, Petrograd, history of Russia.

For citation: Sorokin A. A., Seleznev F. A. An authoritative ongoing publication devoted to the study of the problems of the 1917 revolution (Review: The 1917 Revolution in Russia: new approaches and views: a collection of scientific articles / ed. col.: A. B. Nikolaev (ed. and rel. comp.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Lyandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. 224 p.) // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 180–189. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.12

В настоящее время по-прежнему актуальным является осмысление в исторической науке событий российской истории 1917 г. Появление новых подходов к изучению революции, в том числе и введение нового понятия — Великая российская революция, — определяют необходимость развития дальнейшей теоретизации данного вопроса. Еще в 1993 г. кафедра русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, которой тогда заведовал В. И. Старцев, провела научную конференцию «Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды», имевшую большой резонанс. С 2007 г. подобные мероприятия приняли регулярный характер. Кафедра, продолжая традиции, заложенные В. И. Старцевым, ежегодно организует конференции, посвященные изучению различных аспектов революции 1917 г. По их итогам выходит сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». Рецензенты единодушно отмечают высокий уровень публикуемых в нем материалов¹. Среди авторов сборника в разное время были такие известные исследователи революции 1917 г., как С. М. Ляндрес, Ц. Хасегава и Г. З. Иоффе. Бесспорным ответственным редактором ежегодника является А. Б. Николаев, автор фундаментального исследования о роли Государственной думы в Февральской революции².

В 2022 г. увидел свет очередной выпуск сборника³. Его открывает статья А. В. Соколова, посвященная роли масонской организации «Великий Восток народов России» в Февральской революции (с. 9–29). Работа носит обобщающий характер и опирается в основном на уже известные источники. Заслугой автора является привлечение украиноязычных публикаций, в частности воспоминаний М. С. Грушевского и показаний С. О. Ефремова ОГПУ. По подсчетам автора, «Великий Восток народов России» (далее — ВВНР) объединял около 350 членов. При этом в Петрограде действовало до десяти лож, объединявших 95 братьев. Согласно А. В. Соколову, в ВВНР не входили ни великие князья, ни представители высшей царской бюрократии, ни генералитет. ВВНР был организацией оппозиционной интеллигенции. Главной его задачей являлось поддержание контактов между противниками самодержавия. Иначе говоря, «ВВНР являлся не инструментом действия, а площадкой взаимодействия» (с. 10). Одним из доказательств отсутствия у масонов в дни Февральской революции согласованного плана действий для А. В. Соколова является сюжет, связанный с личностью генерала А. А. Маниковского. Согласно цитируемым автором источникам, 27 февраля на совещании в Таврическом дворце

¹ Селезнев Ф. А. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сборник научных статей // Российская история. 2018. № 6. С. 192–194; Демидович Д. М. Рецензия на книгу: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / отв. ред. А. Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 252 с. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 2 (46). С. 150–153.

² Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017.

³ Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб., 2022.

Н. В. Некрасов предложил передать властные полномочия Маниковскому «вместе с несколькими представителями Государственной думы». Но выступавшие следом за масоном Некрасовым масоны Н. С. Чхеидзе, В. А. Ржевский, Н. К. Волков высказались против этого предложения, заявив о необходимости передать власть особому комитету. И Н. В. Некрасов больше не настаивал на привлечении Маниковского. Таким образом, предложение Некрасова не являлось частью разработанного братством плана. Наоборот, «когда Государственная дума вырабатывала свою позицию относительно разворачивавшегося на улицах движения, братья-масоны не озвучили никакой единой тактической линии, а это означает, что ее попросту не было» (с. 21–22).

Большая часть материалов сборника посвящена событиям, происходившим в 1917 г. в Петрограде. Так, студент магистратуры РГПУ Г. А. Савенко (науч. руководитель — А. Б. Николаев) детально рассмотрел предысторию перехода на сторону революции учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка (с. 29–44).

Д. И. Стогов проанализировал публикации газеты «Русское знамя» за 23, 24, 25, 26 февраля 1917 г. (с. 44–52). Это были последние номера известного черносотенного издания: новыми революционными властями оно было закрыто. Наибольший интерес представляет освещение газетой продовольственного положения в Петрограде. Особо выделим публикации от 25 февраля 1917 г. Их лейтмотивом является утверждение о том, что хлеба в столице вполне достаточно и введение карточной системы в городе абсолютно не нужно. Анонимный автор цитируемой Д. И. Стоговым заметки пишет о «праздных разглагольствованиях» в Петроградской городской думе по поводу введения карточек, о сознательно распространяющихся нелепых слухах по поводу нехватки хлеба в столице, о том, что не следует создавать панику и запасаться хлебом «заблаговременно, заготовляя в виде сухарей». При этом автор заметки ссылается на телеграмму уполномоченного по Петрограду Особого продовольственного совещания, члена Совета министра земледелия В. К. Вейса (с. 47). В том же номере «Русское знамя», как сообщает Д. И. Стогов, напечатало заметку под названием «Разъяснение о хлебе», в которой утверждалось, что «при осмотре целого ряда булочных и пекарен на Выборгской стороне оказалось, что выпечка хлеба в них производится нормально, и недостатка в запасах муки нет» и что с 1-го февраля «ежедневный отпуск ржаной муки не сокращался», а «подвоз муки в Петроград в последние дни увеличился и продолжается» (с. 49). Публикация газеты позволяет понять, что введение карточек на хлеб было возможно только с ведома и согласия уполномоченного по Петрограду Особого продовольственного совещания В. К. Вейса. Он же против этого категорически возражал. Таким образом, в реальности подобная перспектива Петрограду не грозила.

Кроме вопроса о том, насколько серьезным фактором для начала народных волнений в Петрограде была нехватка хлеба, споры историков вызывает проблема возможного использования полицией в дни Февральской революции

(якобы по распоряжению министра внутренних дел А. Д. Протопопова) пулеметов для борьбы с восставшими. С результатами своих исследований данной темы продолжает знакомить читателей сборника А. Г. Румянцев (с. 52–70). Он уже несколько лет разбирает сведения, собранные прокурором Петроградской судебной палаты по поручению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о стрельбе с крыш из пулеметов и ружей в дни Февральской революции. В настоящее время эти документы находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. С учетом сохранившихся в материалах этого дела показаний, а также «Списка церквей, колоколен и домов, в которых были обнаружены пулеметы, пулеметные ленты и люди при них, 27 февраля – 2 марта 1917 года», отложившегося в ГА РФ, автором было выделено 447 свидетельств о пулеметной стрельбе в Петрограде в дни Февральской революции. На их основании А. Г. Румянцев делает вывод о том, что пулеметы «активно использовались как восставшими, так и частями, остававшимися верными престолу, при этом подчас весьма хаотично». Применение пулеметов полицейскими «носило единичный характер и чаще всего производилось в качестве самообороны» (с. 70). Добавим, что сами свидетели из числа полицейских и дворников, как следует из приводимых А. Г. Румянцевым фактов, полностью отрицали стрельбу из пулеметов стражами порядка. Правда, сохранились обрывочные сведения о неких пулеметчиках в форме городских, которые, однако, не были городскими (с. 69).

Позиции служителей церкви в 1917 г. посвящена статья Е. С. Гавроевой. Исследовательница выявила 208 обращений к М. В. Родзянко от представителей православного духовенства из Архангельской, Астраханской, Владимирской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Енисейской, Калужской, Киевской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Петроградской, Полтавской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Томской, Тульской, Харьковской и Ярославской губерний. Все они свидетельствуют о лояльности их авторов к новой власти. Кроме того, как выяснила Гавроева, представители провинциального духовенства единодушно выступали за созыв и Учредительного собрания, и Церковного собора (с. 71–77).

М. А. Златина по материалам еврейской периодической печати («Еврейская жизнь», «Еврейская неделя» и «Новый путь») охарактеризовала деятельность Общества здравоохранения евреев в 1917 г., показав, как повлияло на нее принятие нормативно-правовых актов Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений, что предопределило вовлечение изначально узкоспециализированной организации в активную общественно-политическую жизнь в связи с наступившими в стране переменами (с. 84).

Интересные детали повседневной жизни революционного Петрограда приведены в статье А. Б. Николаева, основанной на изучении практики деятельности созданных Временным правительством временных судов в Петрограде. На примере извозчиков в работе было показано, насколько судебная практика

Временного правительства по нетяжким правонарушениям отличалась от практики имперской мировой юстиции (с. 111).

Полезную подборку фактического материала о деятельности Н. С. Чхеидзе в качестве председателя I Всероссийского съезда Советов сделал А. И. Петров. Согласно общему выводу автора Н. С. Чхеидзе в целом занимался канцелярской работой учреждения, не вдаваясь в подробные теоретические и политические игры и солидаризируясь со своими коллегами по основным вопросам, поднятым на Съезде: поддержка Временного правительства, продолжение оборонительной войны до победы, решение аграрного вопроса Учредительным собранием и т. п. (с. 124).

Новые подробности июльских дней в Петрограде ввела в научный оборот В. В. Шведова, показавшая участие в них рабочей милиции Выборгского района и городской милиции Спасского района, представители которых оказались на разных сторонах баррикад (с. 130). Т. А. Абросимова посвятила свою статью дискуссиям в большевистском руководстве по вопросам тактики прихода к власти, которые велись накануне Октябрьской революции. Автор показывает, что часть лидеров большевиков по-прежнему держалась позиции о необходимости мирного прихода к власти через Советы, которые были популярны у рабочих и солдат (с. 139). Из работы С. Е. Рудневой видно, что уже в период нахождения у власти Временного правительства в сферу управления экономикой намечалось внедрение плановых начал (с. 141).

Значительный интерес представляют статьи, опубликованные в разделе «Революция 1917 года: Москва и провинция». Открывает его очерк деятельности Е. К. Малиновской, сыгравшей значительную роль в становлении советского театра (с. 155). Положению офицеров в 1917 г. посвящены статьи Д. А. Бажанова и А. М. Захарова. В первой показаны стратегия и мотивация представителей офицерского корпуса в их действиях по отношению к послеперским властям, причем отмечается, что они нередко были обусловлены не сословным происхождением или классовым сознанием, а иными причинами, в том числе и страхом перед подчиненными (с. 186). Вторая статья посвящена проблеме конфликта полкового командования и полкового комитета в период демократизации армии, который в Белгородском запасном полку носил характер не столкновения отдельных офицеров с советами, а противостояния военной и гражданской властей с попыткой последней использовать первую в своих интересах (с. 189). Н. В. Пospelова дала удачную характеристику Московскому совещанию общественных деятелей, показав сущность и содержание дискуссий в нем по ключевым вопросам внутренней политики государства в период поиска возможностей образования правого блока на Государственном совещании, который стал бы противостоять распространению революционной демократии (с. 192–196).

В целом рецензируемый выпуск сборника «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» позволяет сделать вывод о том, что издание сохраняет свой высокий уровень, являя собой эффективно действующую

лабораторию по изучению проблем революции 1917 г. Данное издание является действующей и эффективной площадкой обсуждения ключевых проблемных вопросов, актуальных для дальнейшего изучения, на страницах которого вводятся в научный оборот новые источники, а также предлагаются новые взгляды, имеющие большое значение для историографии революции 1917 г.

Литература

1. Абросимова Т. А. От поиска компромисса к вооруженному восстанию (осень 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 130–139.
2. Бажанов Д. А. Казус инженеров-механиков с «Республики» (май – июнь 1917 г.): мимикрия как стратегия поведения офицеров в революционных событиях // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 178–187.
3. Гавроева Е. С. Письма во власть: православное духовенство и М. В. Родзянко (март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 71–77.
4. Гордеев П. Н. Между революцией и сценой: Е. К. Малиновская в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 152–178.
5. Демидович Д. М. Рецензия на книгу: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / отв. ред. А. Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 252 с. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 2 (46). С. 150–153. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.12
6. Захаров А. М. Конфликт командования Белгородского запасного полка и полкового комитета в контексте процессов демократизации армии (июнь – октябрь 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 187–191.
7. Златина М. А. Деятельность общества здравоохранения евреев в 1917 г. по материалам еврейской периодической печати // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 78–85.
8. Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017.
9. Николаев А. Б. Извозчики перед временным судом (Петроград, март – июль 1917 г.): за езду без номеров, на больных лошадях, в пьяном состоянии, за оскорбление милиционеров, нарушение общественной тишины и неосторожную езду // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 85–111.

10. Петров А. И. Н. С. Чхеидзе на I Всероссийском съезде Советов 3–24 июня 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 112–125.

11. Пospelова Н. В. Московское совещание общественных деятелей: создание, состав, деятельность (июль – август 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 192–196.

12. Руднева С. Е. Вопрос о районных экономических комитетах в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 140–151.

13. Румянцев А. Г. «Последний рубеж самодержавия» — документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга по делу о применении пулеметов в дни Февральской революции 1917 год в Адмиралтейской части Петрограда // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 52–70.

14. Савенко Г. А. Запасной батальон л.-гв. Волынского полка в первые дни Февральской революции (Петроград, 23–26 февраля 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 29–44.

15. Селезнев Ф. А. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей // Российская история. 2018. № 6. С. 192–194. DOI: 10.31857/S086956870002240-5

16. Соколов А. В. Великий Восток народов России и события февраля 1917 г. в Петрограде // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 9–29.

17. Стогов Д. И. Февральские события 1917 г. на страницах газеты «Русское знамя» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 44–52.

18. Шведова В. В. Рабочая милиция Выборгского района и городская милиция Спаского района в дни июльского политического кризиса 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. статей / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов, С. М. Ляндрес. СПб.: Астерион, 2022. С. 125–130.

References

1. Abrosimova T. A. Ot poiska kompromissa k vooruzhennomu vosstaniuu (osen' 1917 g.) [From the search for a compromise to an armed uprising (autumn 1917)] // Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i отв. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 130–139. (In Russ.).

2. Bazhanov D. A. Kazus inzhenerov-mekhanikov s «Respubliki» (mai – iun' 1917 g.): mimikriia kak strategiia povedeniia ofitserov v revoliutsionnykh sobytiakh [The case of mechanical engineers from the “Republic” (May – June 1917): mimicry as a strategy for the behavior of officers in revolutionary events] // Revoliutsiia 1917 goda

v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 178–187. (In Russ.).

3. Gavroeva E. S. Pis'ma vo vlast': pravoslavnoe dukhovenstvo i M. V. Rodzianko (mart 1917 g.) [Letters to the authorities: the Orthodox clergy and M. V. Rodzianko (March 1917)] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 71–77. (In Russ.).*

4. Gordeev P. N. Mezhd u revoliutsiei i stsenoi: E. K. Malinovskaia v 1917 godu [Between the revolution and the stage: E.K. Malinovskaya in 1917] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 152–178. (In Russ.).*

5. Demidovich D. M. Retsenziia na knigu: *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / otv. red. A.B. Nikolaev. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2021. 252 s.* [Book review: *The 1917 Revolution in Russia: new approaches and views: collection of scientific articles. articles / ed. by A. B. Nikolaev. St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2021. 252 p.*] // *MCU Journal of Historical Studies. 2022. № 2 (46). P. 150–153. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.12 (In Russ.).*

6. Zakharov A. M. Konflikt komandovaniia Belgorodskogo zapasnogo polka i polkovogo komiteta v kontekste protsessov demokratizatsii armii (iiun' – oktiabr' 1917 g.) [The conflict between the command of the Belgorod Reserve regiment and the Regimental Committee in the context of the processes of democratization of the army (June – October 1917)] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 187–191. (In Russ.).*

7. Zlatina M. A. Deiatel'nost' obshchestva zdravookhraneniia evreev v 1917 g. po materialam evreiskoi periodicheskoi pechati [Activity of the Jewish Health Care Society in 1917 based on the materials of the Jewish periodical press] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 78–85. (In Russ.).*

8. Nikolaev A. B. *Dumskaia revoliutsiia: 27 fevralia – 3 marta 1917 goda: v 2 tomakh* [The Duma Revolution: February 27 – March 3, 1917: in 2 volumes]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. (In Russ.).

9. Nikolaev A. B. Izvozchiki pered vremennym sudom (Petrograd, mart – iiul' 1917 g.): za ezdu bez nomerov, na bol'nykh loshadiakh, v p'ianom sostoianii, za oskorblenie militsionerov, narushenie obshchestvennoi tishiny i neostorozhnnuiu ezdu [Cabmen before the provisional court (Petrograd, March – July 1917): for driving without license plates, on sick horses, drunk, for insulting policemen, violating public silence and careless driving] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 85–111. (In Russ.).*

10. Petrov A. I. N. S. Chkheidze na I Vserossiiskom s"ezde Sovetov 3–24 iiunia 1917 g. [N. S. Chkheidze at the I All-Russian Congress of Soviets on June 3–24, 1917] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei /*

red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 112–125. (In Russ.).

11. Pospelova N. V. Moskovskoe soveshchanie obshchestvennykh deiatelei: sozhanie, sostav, deiatel'nost' (iul' – avgust 1917 g.) [Moscow Meeting of public figures: creation, composition, activity (July – August 1917)] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 192–196. (In Russ.).

12. Rudneva S. E. Vopros o raionnykh ekonomicheskikh komitetakh v 1917 godu [The question of regional economic committees in 1917] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 140–151. (In Russ.).

13. Rumiantsev A. G. «Poslednii rubezh samodержavii» — dokumenty Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Sankt-Peterburga po delu o primenenii pulemetov v dni Fevral'skoi revoliutsii 1917 god v Admiralteiskoi chasti Petrograda [“The last frontier of autocracy” — documents of the Central State Archive of St. Petersburg on the case of the use of machine guns during the February Revolution of 1917 in the Admiralty district of Petrograd] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 52–70. (In Russ.).

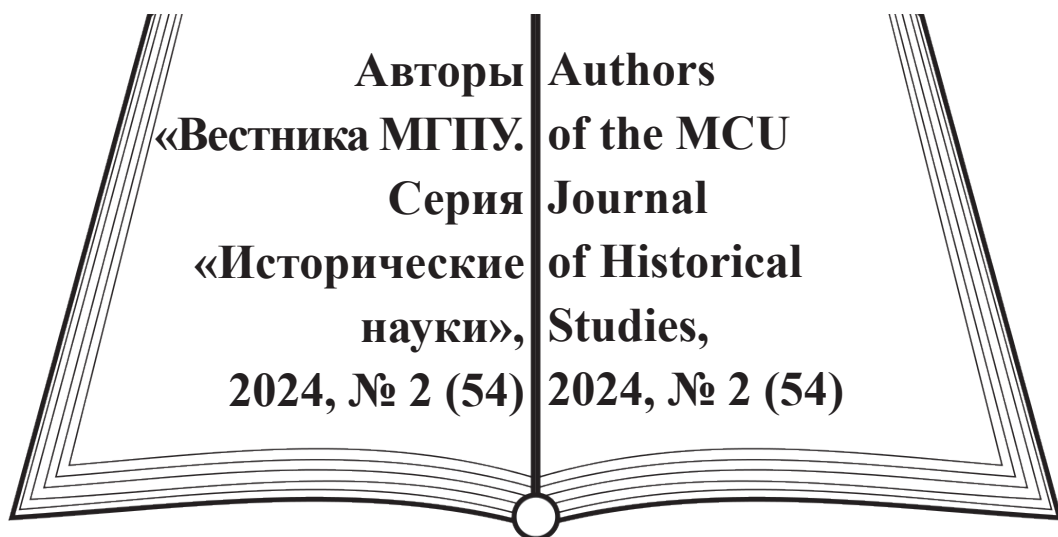
14. Savenko G. A. Zapasnoi batal'on l.-gv. Volynskogo polka v pervye dni Fevral'skoi revoliutsii (Petrograd, 23–26 fevralia 1917 g.) [Reserve battalion L.-guards Volyn regiment in the early days of the February Revolution (Petrograd, February 23–26, 1917)] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 29–44. (In Russ.).

15. Seleznev F. A. *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady. Sbornik nauchnykh statei* [The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views. Collection of scientific articles] // *Rossiiskaia istoriia*. 2018. № 6. P. 192–194. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086956870002240-5

16. Sokolov A. V. Velikii Vostok narodov Rossii i sobytiia fevralia 1917 g. v Petrograde [The Great East of the peoples of Russia and the events of February 1917 in Petrograd] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 9–29. (In Russ.).

17. Stogov D. I. Fevral'skie sobytiia 1917 g. na stranitsakh gazety «Russkoe znamia» [The February events of 1917 on the pages of the newspaper “Russian Banner”] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 44–52. (In Russ.).

18. Shvedova V. V. Rabochaia militsiia Vyborgskogo raiona i gorodskaiia militsiia Spasskogo raiona v dni iul'skogo politicheskogo krizisa 1917 goda [The Workers' militia of the Vyborg district and the city militia of the Spassky district during the July political crisis of 1917] // *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov, S. M. Liandres. St. Petersburg: Asterion, 2022. P. 125–130. (In Russ.).

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Ivanov Andrey A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia at the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Ковалева Елизавета Олеговна — магистр истории, аспирант, исследователь-лаборант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Kovaleva Elizaveta O. — Master of History, Postgraduate Student, Laboratory Researcher at the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: elizavetakowaliowa@yandex.ru

Крылова Юлия Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Krylova Yulia Petrovna — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: julia.p.krylova@gmail.com

Лобов Михаил Николаевич — аспирант департамента истории Московского городского педагогического университета.

Lobov Mikhail N. — Postgraduate Student of the Department of History of Moscow City University.

E-mail: lob.mixail2013@yandex.ru

Местковский Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, средняя школа № 86 г. Волгограда.

Mestkovsky Dmitrii Alexandrovich — Candidate of Historical Sciences, Secondary school № 86 in Volgograd.

E-mail: mestkovskiy@mail.ru

Омельянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета.

Omelyanchuk Igor Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Moscow City University.

E-mail: omelyanchukiv@mgpu.ru

Радченко Маргарита Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина.

Radchenko Margarita Leonidovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: mirra.1991@mail.ru

Рокки Энтони Карл — магистр исторических наук, магистр библиотековедения, независимый исследователь.

Rocchi Anthony Carl — Master of Arts (History Specialist), Master of Library Sciences, Independent Researcher.

E-mail: tony.rocchi@gmail.com

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Seleznev Fedor Alexandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of the Institute of International Relations and World History of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

E-mail: fseleznev@mail.ru

Сорокин Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Sorokin Alexander A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Research Officer, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of the Institute of International Relations and World History of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

E-mail: skaliger1989@yandex.ru

Тулянов Владислав Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения.

Tulyanov Vladislav A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia of Federal State University of Education.

E-mail: v.tulyanov@mail.ru

Худавердян Анаит Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения.

Khudaverdyan Anahit Yur'evna — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». *MCU Journal of Historical Studies* принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2024, № 2 (54)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 12.07.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 12,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.